

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER SIX

NOVEMBER – DECEMBER

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2022

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 6

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **КНЯЗЕВ Сергей Владимирович**, д.ф.н., проф., ведущий научный сотрудник отдела диалектологии и лингвистической географии Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Алексей Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., доц. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСА-РЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi) PhD, проф. (Италия, Туринский ун-т); **БАКЕС Жан-Луи**, проф. (Франция, Университет Париж IV); **ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич**, д.ф.н., проф. (Россия, ИЯ РАН); **ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна** (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., проф. (Швейцария, Женевский ун-т); **ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович**, д.ф.н., проф. (Россия, ИМЛИ РАН); **ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич**, д.ф.н., проф. (ДНР, Донецкий национальный университет); **УХЛИК Младен** (Mladen Uhlik), PhD, доц. (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОБЛЕМНАЯ ГРУППА

**«СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА:
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ — РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ
(СОЛИТЕКСТ)»**

<i>Кобозева И.М.</i> «Сопоставительная лингвистика текста» — объединение романских славистов, славянских романистов и лингвистов-теоретиков	9
<i>Инькова О.Ю.</i> О сопоставительном методе в лингвистических исследованиях	17
<i>Артюшкина О.В.</i> Номинативные предложения в тексте. Контрастивное исследование на материале русского и французского языков . .	32
<i>Бонولا А.</i> Русское <i>уже</i> и итальянское <i>già</i> : сопоставительный анализ на основе параллельного корпуса	46

СТАТЬИ

<i>Лютикова Е.А.</i> Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 2: Малые клаузы	58
<i>Новак И.П.</i> Карельские идиомы по данным лексикостатистики	75
<i>Чернейко Л.О.</i> Читательское восприятие в науке о литературе: к истории и теории вопроса	85
<i>Николюкин А.Н.</i> Архитектоника «Русских ночей» В.Ф. Одоевского . .	100
<i>Оболенская Ю.Л.</i> Влияние русской литературы на духовную жизнь Испании в XX–XXI вв.	109
<i>Теплякова Д.О.</i> Романы Жана Ренара «Коршун» и «Гильом де Доль» в контексте дискуссии о «средневековом реалистическом романе»	124
<i>Пауткин А.А.</i> «Слово» и «Дело о полку Игореве» (Русь наизнанку в романе Хольма ван Зайчика)	133
<i>Бурцева А.О.</i> Народная музыкальная культура Туркменистана как предмет изображения в альманахе «Айдинг-Гюнлер»	141

К 200-летию АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

<i>Магомедова Д.М.</i> Об одной странной цитате в статье Александра Блока «Судьба Аполлона Григорьева»	152
<i>Подосокорский Н.Н.</i> МASONСТВО в жизни и творчестве Аполлона Григорьева	158
<i>Орлицкий Ю.Б.</i> Стиховые новации Аполлона Григорьева-переводчика: дольник, верлибр, прозаическая миниатюра, прозиметрия, новая силлабика	171
<i>Маньковский А.В.</i> «Доброй ночи» (1843) Ап. Григорьева и «Лихорадка» (1847) А.А. Фета: неучтенные ракурсы сопоставления	185
<i>Румановская Е.Л.</i> Воспоминания о Б.Ф. Егорове	197

ИЗ АРХИВА

<i>Зыкова Г.В., Пенская Е.Н.</i> Аполлон Григорьев в работах участников семинара В.Н. Турбина	202
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Кихней Л.Г.</i> Ни ч и п о р о в И. Б. Русская литература и Православие: пути диалога в истории и современности: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Филология» направления подготовки «Филология». М.: МАКС Пресс, 2022	213
<i>Пахсарьян Н.Т.</i> Ч е к а л о в К. А. Очерки истории и типологии французской массовой прозы XIX — начала XX века. СПб.: Нестор-История, 2022	217
<i>Трахтенберг Л.А.</i> П а у т к и н А. А. От книжности к литературе (из лекций и наблюдений): Сборник статей. М., 2020	224

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Тахо-Годи Е.А., Анохина Ю.Ю.</i> Хроника Международной научной конференции «“Ему чужая речь ясна...”: к 200-летию Аполлона Григорьева»	228
<i>Указатель статей и материалов</i> , опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» в 2022 г.	235

CONTENTS

INTERNATIONAL STUDY GROUP IN TEXTUAL CONTRASTIVE LINGUISTICS: SLAVIC — ROMANCE LANGUAGES (GELITEC)

<i>Kobozeva I.M.</i> “Contrastive Text Linguistics” — an Association of Romance Slavist, Slavists, Slavic Romanists and General Linguists	9
<i>Inkova O.Yu.</i> On the Contrastive Method in Linguistic Studies	17
<i>Artyushkina O.V.</i> Nominative Sentences in the Text. A Contrastive Study in Russian and French	32
<i>Bonola A.</i> Russian <i>Uzhe</i> and Italian <i>Già</i> : a Contrastive Analysis Based on a Parallel Corpus	46

ARTICLES

<i>Lyutikova E.A.</i> Does Russian Attest Syntactic Raising? Part 2: Small clauses	58
<i>Novak I.P.</i> Karelian Idioms According to Lexicostatistical Data	75
<i>Cherneyko L.O.</i> Reader’s Perception in Literature Studies: Towards the History and Theory of the Question	85
<i>Nikolyukin A.N.</i> The Architectonics of V.F. Odoevsky’s “Russian Nights” .	100
<i>Obolenskaya Yu.L.</i> The Influence of Russian Literature on the Spiritual Life of Spain in the 20 th –21 st Centuries	109
<i>Teplyakova D.O.</i> Jean Renart’s Novels (<i>L’escoufle</i> , <i>Guillaume De Dole</i>) and the Issue of the “Realistic Medieval Novel”	124
<i>Pautkin A.A.</i> “The Tale” and “The Case of Igor’s Campaign” (Russia inside out in the novel by Holm van Zaichik)	133
<i>Burtseva A.O.</i> Turkmen Vernacular Music Culture as a Subject Matter of the Almanac “Ayding-Gyunler”	141

APOLLON GRIGORIEV’S 200TH ANNIVERSARY

<i>Magomedova D.M.</i> On a Strange Quotation in Alexander Blok’s Article “Apollon Grigoriev’s Life”	152
--	-----

<i>Podosokorsky N.N.</i> Freemasonry in the Life and Work of Apollon Grigoriev	158
<i>Orlitsky Yu.B.</i> Verse innovations of Apollon Grigoriev as a translator: accentual verse, vers libre, prose miniature, prosimetrum, new syllabics	171
<i>Mankovsky A.</i> “Good Night” (1843) by Ap. Grigoriev and “Fever” (1847) by A. Foeth: Unaccounted Aspects of Comparison	185
<i>Rumanovskaia E.L.</i> Memories of Boris Egorov	197

FROM ARCHIVES

<i>Zykova G.V., Penskaja E.N.</i> Apollon Grigoriev in Studies of V.N. Turbin’ Seminar Participants	202
---	-----

REVIEWS

<i>Kikhnei L.G. N i c h i p o r o v I. B.</i> Russkaya Literatura i Pravoslavie: Puti Dialoga v Istorii i Sovremennosti (Russian Literature and Orthodoxy: Ways of Dialogue in History and Modernity). Textbook for Students of Higher Educational Institutions Specialising in Philology. Moscow: MAKS Press, 2022	213
<i>Pakhsarian N.T. C h e k a l o v K. A.</i> Ocherki Istorii i Tipologii Frantsuzskoy Massovoy Prozy XIX — nachala XX veka (Essays on the History and Typology of French Mass Prose of the 19 th – Early 20 th Century). St. Petersburg: Nestor — History, 2022	217
<i>Trakhtenberg L.A. P a u t k i n A. A.</i> Ot Knizhnosti k Literature (Iz Lekciy I Nablyudeniy): Sbornik Statey (Russian Literature, from Mediaeval to Modern (Lectures and Observations): collected papers). Moscow, 2020): Сборник статей. М., 2020	224

SCIENTIFIC LIFE

<i>Takho-Godi E.A., Anokhina Yu.Yu.</i> The Chronicles of the International Scholarly Conference ““Someone else’s speech is clear to him...”: To the 200 th anniversary of Apollon Grigoriev”	228
<i>Articles and Reports Published in Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology in 2022</i>	235

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОБЛЕМНАЯ ГРУППА
«СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА:
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ — РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ
(СОЛИТЕКСТ)»

«СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА» —
ОБЪЕДИНЕНИЕ РОМАНСКИХ СЛАВИСТОВ,
СЛАВЯНСКИХ РОМАНИСТОВ
И ЛИНГВИСТОВ-ТЕОРЕТИКОВ

И.М. Кобозева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; kobozeva@philol.msu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4214-2878>*

Аннотация: В данной статье отражена история создания и деятельность Международной проблемной группы “Groupe d’études en linguistique textuelle contrastive” / «Сопоставительная лингвистика текста» (сокращенно GeLiTeC / СоЛиТекст), координационный центр и сайт которой находятся в Женевском университете (Швейцария). Объектом сопоставительных исследований служат романские и славянские языки. Охарактеризованы цели данного научного объединения, состав его участников, разделяемый ими общий подход к языку при различии теоретических позиций и используемой методологии, а также общее направление и тематика исследований — контрастивный анализ дискурсивных практик, текстовых функций грамматических категорий, коннекторов и других средств, обеспечивающих связность текста. Описаны формы его работы, основной из которых является регулярное проведение конференций и подготовка совместных публикаций. В списке литературы приведен полный список сборников трудов проблемной группы, включая спецвыпуски журналов.

Ключевые слова: “Groupe d’études en linguistique textuelle contrastive” / «Сопоставительная лингвистика текста»; контрастивная лингвистика; лингвистика текста; анализ дискурса; романские языки; славянские языки

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-9-16

Благодарности: Автор благодарит Ольгу Юрьевну Инькову, которая в процессе подготовки данного материала к печати внесла ряд важных уточнений.

Для цитирования: Кобозева И.М. «Сопоставительная лингвистика текста» — объединение романских славистов, славянских романистов и лингвистов-теоретиков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. №. 6. С. 9–16.

“CONTRASTIVE TEXT LINGUISTICS” — AN ASSOCIATION OF ROMANCE SLAVISTS, SLAVIC ROMANISTS AND GENERAL LINGUISTS

IRINA KOBOZEVA

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kobozeva@philol.msu.ru

Abstract: The paper describes the history of creation and development of the international group of linguists conducting research in contrastive text linguistics *Groupe d'études en linguistique textuelle contrastive (GeLiTeC)*. Its coordination center and site are located at the University of Geneva (Switzerland). The languages of the texts under study are Romance and Slavic. The goals of this scientific association are outlined, as well as its composition, its shared concept of language allowing for the variety of theoretical frameworks and methods, the general field and the main topics of research: contrastive analysis of discourse practices, discourse functions of grammatical categories, connectors and other means of text cohesion. The paper also presents key activities of *GeLiTeC*, including regular conferences and joint publications. The *References* list all the collections of papers published by *GeLiTeC*, including special issues of journals.

Key words: “Groupe d'études en linguistique textuelle contrastive”; contrastive linguistics; text linguistics; discourse analysis; Romance languages; Slavic languages

Acknowledgments: The author is grateful to Olga Inkova for significant clarifications concerning the history of *GeLiTeC*.

For citation: Kobozeva I.M. (2022) “Contrastive text linguistics” — an association of Romance slavists, Slavic romanists and general linguists. *Moscow University Philology Bulletin*, No. 6, pp. 9–16.

Международная проблемная группа, получившая название «Сопоставительная лингвистика текста» (сокращенно GeLiTeC / Со-ЛиТекст), была создана по инициативе профессора Женевского университета Ольги Иньковой-Манзотти, выпускницы филологического факультета¹, автора трудов по синтаксису и семантике сложного предложения в русском языке и по контрастивной лингвистике текста [Инькова-Манзотти, 2001; Inkova, 2014; Инькова, Манзотти, 2019], ставшей впоследствии координатором группы.

¹ О.Ю. Инькова-Манзотти защитила на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в 1992 г. кандидатскую диссертацию на тему «Лексическая интерференция в итальянском и французском языках (проблемы «ложных друзей переводчика»)» под руководством И.Н. Кузнецовой по специальности «Романские языки», а в 2001 г. — докторскую диссертацию на тему «Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование)» [Инькова-Манзотти, 2001] по специальности «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» под руководством В.Г. Гака, одного из основоположников сопоставительного метода.

Инициативу с большим энтузиазмом поддержала профессор славистики Миланского католического университета Святого сердца Анна Паола Бонола, организовавшая проведение первого собрания будущей проблемной группы в стенах своего университета и первую публикацию ее трудов. А. Бонола также проделала большую работу по заключению договора о научном сотрудничестве между Миланским католическим университетом и МГУ имени М.В. Ломоносова², который обеспечил возможность привлечения к участию в работе проблемной группы лингвистов с кафедр романской филологии, а также теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета.

Организационное оформление данного научного объединения произошло на международном симпозиуме, проходившем 4–5 февраля 2010 г. в Миланском католическом университете Святого Сердца. Общей идеей, объединившей славистов, романистов и общих языковедов из разных стран Европы, собравшихся в Милане, был переход от традиционных сопоставительных исследований в области лексики и грамматики славянских и романских языков к сопоставлению разноуровневых средств этих языков, выполняющих сходные функции в тексте, а также к сравнению того, что в области анализа дискурса называют дискурсивными практиками — различными способами «упаковки» одного и того же содержания в текстах на разных языках, которые могут быть выявлены статистическими методами при сравнении оригинальных текстов на одном языке с его переводами на другой язык.

СоЛиТекст не является «научной школой». Это своего рода постоянно действующая мастерская, в которой работают лингвисты, принадлежащие разным национальным научным традициям, стоящие на разных теоретических позициях и применяющие в своих исследованиях разную методологию. Платформой взаимодействия служит разделяемый всеми участниками группы функциональный подход к языку и общее направление исследований: сопоставительный анализ средств, обеспечивающих связность текста, а также особенностей оформления смысла, раскрываемых путем анализа параллельных текстов (славянский язык vs романский язык).

У проблемной группы есть ядро, в которое входят постоянные участники конференций СоЛиТекст, начиная с первой. Это (помимо уже упомянутых О. Иньковой и А. Бонолы) Л. Геберт (Университет «Сапиенца» в Риме), Ф. Бьяджини (Университет Болоньи), А. Крайсберг (Университет «Габриэле Д'Аннунцио» Кьети и Пескары), З. Ген-

² Со стороны филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова подготовительную работу провели Р.А. Говорухо и И.М. Кобозева.

чева (Университет Париж 3, CNRS), И.М. Кобозева (МГУ имени М.В. Ломоносова), Р.А. Говорухо (РГГУ). При этом состав участников постоянно пополняется. Так, к работе СоЛиТекст присоединились М. ди Филиппо и Ф. Эсван (Неаполитанский Университет «Л'Орьентале»), В. Бениньи (Университет Рима 3), М. Новаковска и С. Скарпель (Педагогический университет Кракова), К. Бракенье (Университет Лилля 3), Д. Манчева (Женевский университет), О. Артюшкина (Лионский Университет), В. Амеличева (МГУ имени М.В. Ломоносова), Е. Никишина и А.Б. Летучий (Высшая школа экономики) и др. Характерно то, что в рамках объединения сотрудничают романисты, родной язык которых русский, польский, болгарский или какой-либо другой славянский язык, слависты, родным языком которых является один из романских, и общие языковеды, владеющие теми или иными романскими и славянскими языками в такой степени, которая позволяет проследивать в них проявления универсальных закономерностей организации естественного языка в лингвоспецифических формах. Такой состав проблемной группы способствует повышению как описательной, так и объяснительной адекватности результатов проводимых исследований.

Основной формой работы объединения является проведение регулярных конференций, доклады на которых читаются на русском, французском и итальянском языках. После первого симпозиума в Милане прошли конференции в Университете Гранады (2011), на базе Университета «Л'Орьентале» на острове Прочида (2013), в Университете Бергамо (2015), в Женевском университете (2017), в Краковском педагогическом университете (2019) и на Отделении перевода Болонского университета в Форли (2021, дистанционно). Сейчас готовится очередная, восьмая по счету, конференция. Поскольку объявления о проводимых конференциях распространяются не только среди регулярных участников и их коллег, но и по общим лингвистическим рассылкам, то в отдельных конференциях принимали участие и ученые, для которых сопоставление славянских и романских языков на уровне текста не является основной областью интересов. Из них особо хочется отметить таких известных не только в своих странах, но и за их пределами лингвистов, как В.А. Плунгян и Анна А. Зализняк (Россия), П. Асенова (Болгария), Р. Гусман Тирадо (Испания), Р. Бенаккьо и Ф. Джусти Фичи (Италия). После каждой конференции издаются сборники статей или специальные выпуски журналов, в которых публикуются статьи по прочитанным докладам. Вместе с тем общение на конференциях приводит и к более официальным формам сотрудничества членов объединения, поддерживаемых исследовательскими или издательскими грантами научных фондов.

Как уже было сказано, после обсуждения докладов на конференции авторы готовят по ним статьи, которые публикуются на русском, итальянском или французском языке либо в специальных выпусках журналов, либо в виде отдельных сборников. Впервые труды членов объединения были опубликованы в 2011 г. в журнале *L'Analisi Linguistica e Letteraria*, издаваемом под эгидой Миланского католического университета Святого Сердца [Bonola, Inkova (eds), 2010]. В этом издании была заложена традиция (впрочем, не всегда соблюдаемая) разделять статьи на два тематических блока, один из которых посвящен функционированию в тексте грамматических категорий, прежде всего глагольных [Guentcheva, 2010], а другой — лексическим показателям смысловых связей в тексте (коннекторам), а также композиционным и прочим особенностям структуры текстов на романских и славянских языках [Biagini, 2010; Govoruchko, 2010]. В трудах СоЛиТекст, естественно, превалируют публикации результатов контрастивных штудий, но при этом небольшую, но важную часть образуют работы, посвященные анализу текстообразующих явлений на материале только одного из славянских или романских языков. Так, в специальном выпуске журнала *Сънставително езикознание* (№4 за 2017 год) большинство работ отражают результаты контрастивных корпусных исследований коннекторов в славянских и романских языках [Кобозева, 2017; Инькова, Манзотти, 2017], и в том же выпуске появилась статья, предлагающая решение дискуссионного вопроса о месте категории «присоединение» в описании коннекторов русского языка [Зализняк, 2017] и тем самым вносящая существенный вклад как в русистику, так и в общую теорию логико-семантических отношений между единицами дискурса. Интерес к подобным исследованиям не является отступлением от общей цели проблемной группы. Ведь для оценки явлений, наблюдаемых в параллельных текстах, необходимо располагать максимально точными знаниями как о языковом феномене оригинала (грамматической форме, лексеме, конструкции), так и о сопоставленном ему феномене языка перевода, что предполагает глубокий внутриязыковой анализ каждого из них. В конференциях СоЛиТекст также принимают участие переводоведы и переводчики, такие известные, как Л. Сальмон [Salmon, 2013], Т. Гермак-Зелиньска [Giermak-Zielińska, 2014], представляющие свой анализ и оценку с теоретических позиций тех решений, которые принимают переводчики конкретного текста (обычно художественного) со славянского языка на романский или наоборот.

Не считая двух упомянутых спецвыпусков журналов, опубликовано пять сборников статей проблемной группы, написанных на французском, русском или итальянском языках: [Inkova (ed.) 2013;

Inkova, di Filippo, Esvan (eds) 2014; Inkova, Trovesi (eds) 2016; Inkova, Mancheva (eds) 2019; Inkova, Nowakowska, Scarpel (eds) 2020]. Готовится к выпуску номер электронного журнала *mediAzioni*, в который войдут статьи по докладом Болонской конференции 2022 г. Рецензии на первую публикацию трудов СоЛиТекст (спецвыпуск журнала *L'Analisi Linguistica e Letteraria*) и на сборник [Inkova (ed.), 2013] были опубликованы в «Вопросах языкознания» [Семенова, 2012; Говорухо, Кобозева, 2015].

Надеемся, что публикуемые в настоящем номере статьи позволят читателям составить начальное представление как об объеме и содержании проблемной области, разрабатываемой лингвистами разных стран, объединившимися под эгидой СоЛиТекст, так и о применяемых ими методах исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Говорухо Р.А., Кобозева И.М. [рец. на:] *L'architettura del testo. studi contrastivi slavo-romanzi*. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2014 // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 121–130.
2. Зализняк А. О месте категории «присоединение» в описании коннекторов русского языка // *Съпоставително езикознание/ Сопоставительное языкознание / Contrastive Linguistics*. 2017. Т. 17. № 4. С. 21–34.
3. Инькова О. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование). М., 2001.
4. Инькова О, Манзотти Э. Tra l'altro, между прочим, entre autres : сходства и различия // *Съпоставително езикознание/ Сопоставительное языкознание / Contrastive Linguistics*. 2017. Т. 17. № 4. С. 35–47.
5. Инькова О., Манзотти Э. Связность текста: меререологические логико-семантические отношения. М., 2019.
6. Кобозева И.М. Коннекторы контактного предшествования в русском и французском языках в зеркале надкорпусной базы данных // *Съпоставително езикознание/ Сопоставительное языкознание / Contrastive Linguistics*. 2017. Т. 17. № 4. С. 48–62.
7. Семенова К.П. [рец. на:] Bonola A., Inkova O. (dir.). *Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi Slavo-Romanzi (L'analisi linguistica e letteraria*. XVIII. 1, 2010. Numero Speciale) // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 126–131.
8. Biagini F. Синтаксические свойства и функционирование целевых составных союзов в русском языке. // *L'analisi linguistica e letteraria*. 2010. Vol. XVIII, № 1. P. 123–139.
9. Giermak-Zielińska T. Créativité proverbiale et traduction // Inkova O, di Filippo M., Esvan F. (eds) *L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi*. Alessandria, 2014. P. 225–237
10. Guentchéva Z. Référentiels aspecto-temporels: imparfait et aoriste en bulgare et imparfait et passé simple en français // *L'analisi linguistica e letteraria*. 2010. Vol. XVIII, № 1, Numero Speciale. P. 69–80.
11. Govorucho R. Qualche osservazione sull'uso dei verbi proposizionali in italiano e in russo // *L'Analisi Linguistica E Letteraria*, 2010. Vol. XVIII. № 1. P. 187–200.

12. *Inkova O.* La corrélation en russe: structures et interprétations (Slavica Helvetica, vol. 84). Bern, 2014.
13. *Inkova O.* (ed) Du mot au texte. Etudes slavo-romanes. Bern, 2013.
14. *Inkova O., di Filippo M., Esvan F.* (eds). L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi. Alessandria, 2014.
15. *Inkova O., Mancheva D.* (eds) Contrastes. Etudes de linguistique slavo-romane. Alessandria, 2019.
16. *Inkova O., Nowakowska M., Scarpel S.* (eds). Systèmes linguistiques et textes en contraste. Études de linguistique slavo-romane. Kraków, 2020.
17. *Inkova O., Trovesi A.* Langues slaves en contraste / Славянские языки in comparazione / Lingue slave a confronto. Bergamo, 2016.
18. *Salmon L.* О разрешении асимметрии «времени повествования» в художественном переводе с русского на итальянский язык (на материале «Филиала» С. Довлатова и его перевода) // Du mot au texte. Études slavo-romanes. Bern, 2013. P. 27–51.

REFERENCES

1. Govoruhu R.A., Kobozeva I.M. [Review] L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2014. *Voprosy jazykoznanija*. 2015. № 3, pp. 121–130.
2. Zalznjak A.O meste kategorii “prisoedinenie” v opisanii konnektorov russkogo jazyka [On the place of the category “prisoedinenie” ‘apposition’ in the description of Russian connectors] *Sopostavitelno ezikoznanie / Sopostavitel'noe jazykoznanie. Contrastive Linguistics*. 2017. T. 17. № 4, pp. 21–34.
3. In'kova O. *Konnektory protivopostavlenija vo francuzskom i russkom jazykah (sopostavitel'noe issledovanie)*. [Connectors of contrast in Russian and French (contrastive study)] Moscow: *Filologicheskij fakul'tet MGU*, 2001.
4. In'kova O., Manzotti E. Tra l'altro, mezhdu prochim, entre autres : shodstva i razlichija. [Tra l'altro, mezhdu prochim, entre autres ‘by the way’: similarities and differences] // *Sopostavitelno ezikoznanie / Sopostavitel'noe jazykoznanie. Contrastive Linguistics*. 2017. T. 17. № 4, pp. 35–47.
5. In'kova O., Manzotti E. *Svjaznost' teksta: mereologicheskie logiko-semanticheskie otnošenija*. [Connectedness of the text: mereological logical-semantic relations] M.: *Izdatel'skij Dom JaSK*, 2019.
6. Kobozeva I.M. *Konnektory kontaktnogo predshestvovanija v russkom i francuzskom jazykah v zerkale nazhkorpusnoj bazy dannyh*. [Connectors of contact anteriority in Russian and French in the mirror of the supracorpora data base] *Sopostavitelno ezikoznanie/ Sopostavitel'noe jazykoznanie. Contrastive Linguistics*. 2017. T. 17. № 4, pp. 48–62.
7. Sem'onova K.P. [Review] Bonola A., Inkova O. (dir.). *Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi Slavo-Romanzi* [L'analisi linguistica e letteraria. XVIII. 1, 2010. Numero Speciale] *Voprosy jazykoznanija*. 2012. № 1, pp. 126–131.
8. Biagini F. *Sintaksicheskie svojstva i funkcionirovanie celevykh sostavnykh sojuzov v russkom jazyke*. [Syntactic properties and functioning of the complex purpose conjunctions in Russian] *L'analisi linguistica e letteraria*. 2010. Vol. XVIII, № 1, pp. 123–139.
9. Giermak-Zielińska T. Créativité proverbiale et traduction / Inkova O. di Filippo M., Esvan F. (eds) *L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi*. Alessandria: *Edizioni dell'Orso*, 2014, pp. 225–237.

10. Guentchéva Z. *Référentiel aspecto-temporels: imparfait et aoriste en bulgare et imparfait et passé simple en français. L'analisi linguistica e letteraria*. 2010. Vol. XVIII, № 1, Numero Speciale, pp. 69–80.
11. Govoruchо R. *Jauvalche osservazione sull'uso dei verbi proposizionali in italiano e in russo. L'Analisi Linguistica E Letteraria*, 2010. Vol. XVIII, № 1, pp. 187–200.
12. Inkova O. *La corrélation en russe: structures et interprétations* (Slavica Helvetica, vol. 84). Bern: Peter Lang, 2014.
13. Inkova O. (ed) *Du mot au texte. Études slavo-romanes*. Bern: Peter Lang, 2013.
14. Inkova O., di Filippo M., Esvan F. (eds). *L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi*. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2014.
15. Inkova O., Mancheva D. (eds) *Contrastes. Études de lingusitijaue slavo-romane*. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2019.
16. Inkova O., Nowakowska M., Scarpel S. (eds). *Systèmes linguistijaues et textes en contraste. Études de lingusitijaue slavo-romane*. Krakow: Wydawnictwo Naukow Uniwersytetu Pedagogicznego 2020.
17. Inkova O., Trovesi A. *Langues slaves en contraste. Slavjanskije jazyki in comparazione. Lingue slave a confronto*. Bergamo: Bergamo University Press Sestante Edizioni, 2016.
18. Salmon L. *O razreshenii asimmetrii "vremeni povestvovanija" v hudozhestvennom perevode s russkogo na ital'janskij jazyk (na materiale "Filiala" S. Dovlatova i ego perevoda*. [On resolution of "narration time" asymmetry in literary translation from Russian into Italian (on the material of S. Dovlatov's "Filial" 'Affiliate' and its translation)] *Du mot au texte. Études slavo-romanes*. Bern: Peter Lang, 2013, pp. 27–51.

Поступила в редакцию 12.08.2022;
 принята к публикации 11.10.2022;
 отредактирована 21.10.2022

Received 12.08.2022;
 accepted 11.10.2022;
 revised 21.10.2022

ОБ АВТОРЕ

Кобозева Ирина Михайловна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; kobozeva@philol.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina Kobozeva — Dr. Habil in philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kobozeva@philol.msu.ru

О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ МЕТОДЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

О.Ю. Инькова

*Женевский университет, Швейцария; ИПИ ФИЦ ИУ РАН, Москва, Россия;
olga.inkova@unige.ch*

Аннотация: В статье уточняется место сопоставительной лингвистики в лингвистических исследованиях, ее отличия от других лингвистических дисциплин, использующих сравнение языков: сравнительно-историческое языкознание, теория перевода и типология. Автор обсуждает, в частности, одно из основных положений сопоставительной лингвистики, сформулированное в свое время А.А. Реформатским и согласно которому при сопоставлении факты языка необходимо брать в тех описательных категориях, в которых они представлены в каждом из языков. На ряде примеров (союзы *a to* и *причем*, предлог *кроме*) автор показывает, что сопоставление языков может привести к пересмотру категориального аппарата в определенной зоне грамматики одного из них. Это становится возможным, в частности, благодаря разработке новых методов сопоставительного анализа: унидирекционального и двухстороннего. Они позволяют сопоставительной лингвистике решать не только практические задачи, связанные в основном с обучением иностранным языкам, но и задачи теоретического описания языков.

Ключевые слова: общее языкознание; контрастивная лингвистика; сопоставительный метод; описательные категории; грамматика

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-17-31

Для цитирования: Инькова О.Ю. О сопоставительном методе в лингвистических исследованиях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 17–31.

ON THE CONTRASTIVE METHOD IN LINGUISTIC STUDIES

Olga Inkova

*University of Geneva, Switzerland; Institute of Informatics Problems, FRC CSC
RAS, Moscow, Russia; olga.inkova@unige.ch*

Abstract: The article specifies the place of contrastive linguistics in linguistic research, how it is different from the other linguistic disciplines based on language comparison: comparative-historical linguistics, translation studies and typology. In particular, the author comments on one of the main concepts of contrastive linguistics formulated by A.A. Reformatsky: when comparing facts of language, one must study

those descriptive categories in which these facts are presented in each of the languages. Using a number of examples of Russian (conjunctions *a to*, *prichem* and the preposition *krome*), the author shows that comparing languages can lead to a revision of the categorial apparatus in a particular grammar area of one of them. This becomes possible due to the development of new contrastive analysis methods, for instance, unidirectional and bidirectional analysis. Thus, contrastive linguistics can solve not only practical problems, mostly related to foreign languages teaching, but also contribute to theoretical language description.

Key words: general linguistics; contrastive linguistics; contrastive method; descriptive categories; grammar

For citation: Inkova O.Yu. (2022) On the contrastive method in linguistic studies. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 17–31.

1. Введение

Несмотря на то что сопоставительный метод как лингвистический метод с определенными принципами стал формироваться уже в 1930–1940-е годы (ср. в отечественной лингвистике работы Е. Поливанова, Л. Щербы, а в Европе — работы Ш. Балли), место сопоставительной лингвистики среди лингвистических дисциплин, как и ее наименование — сопоставительная, контрастивная, конфронтативная лингвистика, сопоставительное языкознание — еще нуждаются в уточнении¹. Это касается как задач исследования этой дисциплины, часто упрекаемой в бессистемности и чисто прикладном характере исследований, так и применяемых методик, хотя многие из них каждый лингвист, имеющий дело с двумя и более языками, использует интуитивно, поневоле сравнивая факты изучаемых им новых языков, пропуская их через привычную сеть понятий родного или какого-либо другого языка.

В названии дисциплины мы наблюдаем типичную для русского языка оппозицию между терминами, использующими исконную лексику, и заимствованиями: в данном случае между исконным термином «сопоставительное языкознание» и термином «контрастивная лингвистика», импортированным из английского языка. Что касается различия между прилагательными «контрастивный» и «конфронтативный», то иногда полагается, что конфронтативная лингвистика занимается как сходствами, так и различиями между языками, и в этом отношении может считаться более теоретической, тогда как контрастивная лингвистика — только различиями и имеет, следовательно, более практическую направленность (это мнение

¹ Примечателен в этом отношении тот факт, что в недавно вышедшем учебнике «Введение в науку о языке» [Кибрик и др., 2019] не нашлось место разделу, посвященному контрастивной лингвистике, в отличие, например, от ЛЭС.

особенно распространено среди лингвистов стран Восточной Европы, ср. в частности [Helbig, 1981]). Однако вполне понятно, что любое различие выявляется на фоне сходства², поэтому данное противопоставление представляется нам неоправданным. Другое дело — контрастивная грамматика, используемая в преподавании иностранных языков и в силу этой особенности уделяющая основное внимание именно различиям в системах и функционировании родного и изучаемого языков. Многие беды контрастивной лингвистики связаны как раз с тем, что она практически приравняется к теории обучения иностранным языкам. Однако сейчас положение о том, что сходства и различия между родным и иностранным языком — лишь один из факторов успешного овладения последним, является общим местом [Hawkins, Filipović, 2011], а сами исследования в этой области больше опираются на психолингвистику [van Patten, Venati, 2010].

В российском языкознании попыткой определить место контрастивной лингвистики в ряду других лингвистических направлений можно считать выпуск «Контрастивная лингвистика» серии «Новое в зарубежной лингвистике» (1989), который закрепляет и наиболее распространенное сегодня название этой дисциплины. В зарубежном языкознании после бума в 1970–1980-е годы и некоторого затишья и маргинализации контрастивных исследований в последующие два десятилетия, снова появляются работы, посвященные контрастивному методу.

Основные методологические положения, отличающие контрастивную лингвистику от других лингвистических дисциплин, использующих сравнение языков, можно сформулировать следующим образом (подробнее см., например: [Hüning, Schlücker, 2012]).

– Контрастивная лингвистика, в отличие от компаративистики, или сравнительно-исторического языкознания, не занимается вопросами установления генетического родства языков и является преимущественно синхронной [Реформатский, 1962], хотя и может прибегать к данным из истории языков, например, при описании различий между двумя последовательными этапами исторического развития сопоставляемых языков.

– В отличие от теории перевода и теории межъязыкового общения, ставящих своей задачей установление эквивалентных отношений между языком оригинала и языком перевода, понятие эквивалентности не является центральным для контрастивной лингвистики, хотя, как мы покажем, может применяться для опи-

² Ср., в частности: «Видимо, в контрастивных исследованиях главное внимание должно уделяться специфическим чертам сравниваемых языков на основе некоторого набора общезыковых явлений» [ЛЭС, «Контрастивная лингвистика»].

сания соотношения между языковыми явлениями сопоставляемых языков. Кроме того, в теории перевода и еще в большей степени в теории межъязыковой коммуникации сравнивается в первую очередь использование языка, а не языковые системы, и неотъемлемой частью сопоставительного анализа становятся культурный и исторический контекст сопоставляемых языков.

– В отличие от типологии контрастивная лингвистика не ставит своей задачей выявление языковых типов и языковых универсалий, а направлена на выявление сходств и различий между сравниваемыми языками, давая таким образом материал для типологических исследований. Однако объем исследования (несколько параметров в большом количестве языков для типологии и множество параметров или даже всестороннее сравнение двух или трех языков для контрастивной лингвистики), степень его детализации (большая в сопоставительных исследованиях, в частности в силу объема исследования) и предлагаемые объяснения существенно отличают эти две дисциплины. Как отличают их и термины, в которых описываются сопоставляемые явления: дескриптивные категории для сопоставительной лингвистики и сравнительные категории для типологии. Первые специфичны для каждого языка, вторые создаются лингвистами для конкретных целей межъязыкового сравнения как своего рода метакатегории, в идеале применимые к любому языку мира [Haspelmath, 2010: 665]. Таким образом, типологический и сопоставительный методы сравнения языков являются принципиально разными теоретическими подходами, дающими разные результаты.

Сопоставительный метод считается правомерным применительно к двум языкам, а если их больше, то сравниваются они попарно [Ярцева, 1981: 31]. При этом сопоставление может затрагивать как языковые системы, языковую норму, так и функционирование языкового элемента в тексте [Гак, 1989]. Но выбор языков не связан ни с их принадлежностью к одной языковой семье, как это происходит в сравнительно-историческом языкознании; ни стремлением к всеобъемлющему сравнению, или по крайней мере, к представительной выборке языков, как в типологии; ни регулярностью взаимодействия культур сопоставляемых языков, критерий, лежащий в основе изучения межъязыковой коммуникации. Контрастивная лингвистика, как и теория перевода, выбирает просто два «разных языка», причем этот выбор обычно обусловлен внешними факторами: изучение иностранного языка, проблемы перевода и двуязычия. Это своего рода ахиллесова пята контрастивной лингвистики, поскольку очевидно, что в лингвистическом описании языков такого рода сравнение не имеет, если можно так сказать, научного обоснования.

Однако не подлежит сомнению тот факт, что сопоставительный метод позволяет лучше определить особенности каждого из сопоставляемых языков, которые могут ускользать от внимания исследования при монологичном дескриптивном подходе, изучающем язык «в себе и для себя».

Настоящее исследование не ставит своей целью дать обзор существующих подходов и исследований, выполненных с применением сопоставительного метода. Об этом можно узнать из уже цитированных выше работ; см. также ([Fisiak, 1981; Krzeszowski, 1990; Лю Юнхун, 2009; Фефилов, 2015]). Мы хотели бы остановиться на одном из основных положений контрастивной лингвистики, так, как его сформулировал А.А. Реформатский: «Факты языка — любого яруса языковой структуры — необходимо брать в тех категориях, в которых они представлены в данном языке» [Реформатский, 1962: §5]. Иными словами, сравнивать можно только такие языковые категории, которые имеются в обоих сопоставляемых языках [Ярцева, 1981: 40, 55], опираясь при этом на существующие грамматические описания. Уже само это положение предполагает, что эти грамматические описания являются полными и адекватно отражают системные и функциональные особенности языков, что, как известно, не всегда так. Но главный недостаток этого постулата заключается в том, что такой подход приводит иногда к тому, что констатируемая лингвоспецифичность связана не с отсутствием того или иного языкового явления в сопоставляемом языке, а с тем, что оно не выделяется в нем в отдельную дескриптивную категорию.

Развитие корпусной лингвистики³ и создание лингвистических электронных ресурсов, в частности, представительных массивов параллельных текстов заставляют пересмотреть данное теоретическое положение, особенно в свете эволюции используемых в сопоставительных исследованиях методик.

2. Унидирекциональная методика сопоставительного исследования

Унидирекциональная, или монофокусная, методика исследования языковых единиц была разработана Анной А. Зализняк на основе параллельного русско-французского подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и с использованием надкорпусной базы данных, представляющей собой своего рода надстройку над корпусом и позволяющей фиксировать реально встретившиеся в текстах межъязыковые соответствия в виде двуязы-

³ Об использовании корпусов для контрастивных исследований см. [Aijmer, Altenberg, 2013; Инькова, 2018a].

зычных аннотаций. Эти аннотации снабжены рядом релевантных для исследуемых единиц признаков контекста употребления; подробнее о релевантности признаков для различных языковых единиц см. [Инькова, Кружков, 2016].

Сущность унидирекциональной методики заключается в том, что «сопоставление двух языков является не целью, а лишь инструментом анализа одного из них» [Зализняк, 2015: 684]. Иначе говоря, перевод анализируемой языковой единицы рассматривается как источник информации о ее семантике. В случае прямого перевода на иностранный язык выявляются релевантные признаки русского текста, которые могли повлиять на выбор языковых средств языка перевода; в случае реверсивного перевода на русский язык в качестве свидетельства о семантике анализируемой единицы русского языка выступают признаки иностранного текста, обусловившие ее появление в переводе. В работах Анны А. Зализняк и ее коллектива такому анализу подвергаются исключительно единицы русского языка, а «французский язык в обоих направлениях перевода служит <...> способом выявления скрытых семантических компонентов, содержащихся в значении анализируемых русских языковых единиц» [Зализняк, 2016: 855]. Поэтому для иллюстрации данного метода возьмем русский союз *a to*.

В надкорпусной базе данных коннекторов (НБДК)⁴ для этого союза⁵ создано 209 двуязычных аннотаций в направлении перевода русский — французский и 28 в направлении французский — русский. В 209 аннотациях с оригинальным русским текстом зафиксировано большое количество переводных эквивалентов для *a to*: 36. Обращает на себя внимание и их семантическая разнородность: наиболее частотны показатели отрицательной альтернативы, как в (1) (из них первое место занимает *sinon* ‘иначе’, на долю которого приходится почти 40%, за ним следуют его синонимы *sans quoi, sans cela, autrement*), показатели причинных отношений (*parce que, car* ‘потому что, поскольку’), альтернативы (*ou* ‘или’), отношения «вопреки ожидаемому» (*mais* ‘но’) и противопоставления (*tandis que* ‘тогда как’), временных отношений (*tantôt* ‘то’, *de temps en temps* ‘время от времени’). Несколько примеров:

- (1) – Говори, *a to* я заплачу. [Сергей Довлатов. Иностранка (1986)]
– Parle, *sinon* je pleure. [Tr. par J. Michaut-Paternò, 2001]

⁴ Подробнее об этом лингвистическом ресурсе и его возможностях см. [Инькова, 2018a]. В НБДК используются тексты параллельных французского и итальянского подкорпусов НКРЯ, откуда заимствованы и примеры.

⁵ Чтобы не усложнять этого краткого анализа, были взяты только употребления союза *a to*; не учитывались его употребления в составе сложных союзных сочетаний, например *то... то...*, *a to, a to еще* и др.

Эквиваленты *a то* во французском языке, являющиеся показателями разных логико-семантических отношений, эксплицируют, таким образом, полисемию русского союза, фиксируемую грамматиками и словарями. Анализ их употреблений позволяет уточнить контексты, необходимые для реализации того или иного значения *a то*.

Интересно, что более чем в 20% случаев *a то* остается без перевода, т.е. имеет нулевой эквивалент. Это можно объяснить его разговорным характером: известно, что показатели логико-семантических отношений, особенно причинных, часто отсутствуют в этом регистре речи:

(2) Он выпил фужер коньяка и потянулся за шампанским. — Не смешивай, — посоветовал бригадир, — *a то* уже хорош. [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)]

Il vida un verre de cognac et tendit le bras en direction du champagne. — Ne mélange pas, lui conseilla le chef d'équipe, tu as déjà ton compte. [Tr. par J. Michaut-Paternò, 2001]

Применение унидирекционального метода позволяет, таким образом, получить дополнительную информацию об изучаемой языковой единице, высвечивая ее семантику, стилистическую окраску, семантические и синтаксические свойства контекстов, необходимых для возникновения той или иной ее интерпретации, а также возможные межъязыковые функциональные соответствия или же, наоборот, их отсутствие.

3. Двустороннее сопоставление языков

При унидирекциональном методе исследователь, как мы видим, использует сопоставляемый язык для верификации своих гипотез, оставаясь в рамках существующих в интересующем его языке, в нашем случае, русском, описательных категорий. Поэтому нам, вслед за Л.В. Щербой, представляется плодотворным также двустороннее сравнение языков: как сопоставляемого с русским, так и русского с сопоставляемым. Это позволяет в некоторых случаях по-новому взглянуть на некоторые явления русского языка, поскольку его данные преломляются через призму категорий сопоставляемого языка.

Возьмем в качестве примера предлог *кроме*, также характеризующийся неоднозначностью: как известно, он может служить как показателем исключения из множества (3), так и, наоборот, включения во множество (4).

(3) Все, *кроме* Захара, засмеялись. [И.А. Гончаров. Обломов (1848–1859)]

(4) *Кроме* притяжения вниз есть еще притяжение вверх. [Н.А. Бердяев. О самоубийстве (1931)]

Этот семантический парадокс, т.е. то, что языковая единица выражает два противоположных значения, пытались решить многие лингвисты (см., в частности [Баранов, 1998; Оскольская, 2011; Зализняк, 2019]), объясняя возникновение той или иной интерпретации контекстными условиями. Для исключения таковыми являются присутствие универсальных квантификаторов в главной части предложения, предпочтение постпозиции предложной группы с *кроме* по отношению к наименованию множества; см. (3), и два его перевода прототипическими показателями исключения франц. *excepté* 'за исключением' и франц. *sauf* 'кроме'.

(5) a. Tous, *excepté* Zakhar, s'esclaffèrent. [Tr. par A. Adamov, 1959]

b. Tous éclatèrent de rire, *sauf* Zakhar. [Tr. par L. Jurgenson, 1988]

Для включения во множество, наоборот, — препозиция предложной группы с *кроме*, отсутствие универсальных квантификаторов в главной части, а также присутствие в ней аддитивных частиц *также*, *еще* и др.; см. (4) и (6), где *кроме* переведено показателем аддитивных отношений франц. *outré* 'помимо'.

(6) *Outre* l'attraction vers le bas, il y a encore l'attraction vers le haut. [Trad. par M. Malié, 2013]

Анализ аннотаций с этим предлогом в НБДК показывает, однако, что наиболее частотным эквивалентом (почти 12%) *кроме* является франц. *à part*, выражающий разновидность исключения, которое в работе [Инькова, Манзотти, 2019: 262–279] предложено называть «исключением из рассмотрения». Его показатели «сигнализируют о том, что вводимая ими ситуация или объект не должны приниматься во внимание, чтобы судить об истинности утверждаемого в главной части» [там же: 265]. Характерен в этом отношении (7), где контекст не отвечает требованиям отношения исключения или включения. Главная часть не содержит ни указания на множество, ни еще один элемент множества, к которому добавляется элемент, вводимый *à part* (об этом говорит прилагательное *seul* 'единственный'), а представляет собой утверждение, истинность которого должна оцениваться, не принимая во внимание деталь, вводимую *à part*.

(7) *A part* Agnan, **le seul** qui avait la figure propre, c'était Geoffroy [René Goscinny. Un souvenir qu'on va chérir (1960)]

дословно: *Кроме* Аньяна, Жофруа был **единственным** с чистым лицом.

Ср. (8) с русск. *кроме*, где также ни одна из интерпретаций — исключение из множества и включение в него — невозможны и где этот предлог переводится франц. *à part*:

(8) Едва ли кто-нибудь, *кроме* матери, заметил появление его на свет <...>. [И. А. Гончаров. Обломов (1848–1859)]

<...> il est peu probable que quelqu'un, *à part* sa mère, ait remarqué sa venue au monde <...>. [Tr. par L. Jurgenson, 1988]

Кроме того, франц. *à part* может выступать эквивалентом *кроме* как в контекстах, которые вроде бы однозначно соответствуют семантическим признакам конструкции включения во множество (9), так в тех, которые интерпретируются как исключение из множества (10).

(9) В комнате, *кроме* меня, жили еще четыре девочки. [Светлана Алексиевич. Время секонд хэнд (2013)]

Dans cette chambre, *à part* moi, il y avait encore quatre petites filles. [Tr. par S. Benech, 2013]

(10) Ваша мать ненавидит все, *кроме* своих брошюр и профессора; <...> [А. П. Чехов. Дядя Ваня (1896)]

Votre mère déteste tout, *à part* ses brochures et le professeur. [Tr. par V. Sermonne, T. Galievsky, 1986]

Можно, таким образом, предположить, что именно значение «исключение из рассмотрения» является для *кроме* базовым, тогда как остальные интерпретации — собственно исключение и включение во множество — возникают под влиянием контекста на основе этого значения, а значит и ввести в терминологию описания русских показателей логико-семантических отношений эту семантическую категорию, которая помогает разрешить парадокс семантики *кроме*.

Следующий пример показывает релевантность выбора языка для сопоставления. Союз *причем* имеет в НБДК большое количество функциональных эквивалентов во французском языке (в 79 аннотациях зафиксировано 30 моделей перевода), разнородных по своей семантике: показатели аддитивных отношений (*en plus, de plus, en outre* 'кроме того, к тому же', *qui plus est*), соединительных (*et* 'и'), отношения «вопреки ожидаемому» (*mais* 'но', *cependant* 'однако'), одновременности действия (*en même temps* 'в то же время', *pendant que* 'тогда как'), а также дивергентные способы передачи логико-семантических отношений, такие как деепричастия и причастия. Схожую ситуацию можно наблюдать и при сопоставлении с данными итальянского языка, причем переводчики на французский и итальянский язык часто выбирают одинаковое решение.

(11) Они спорили о чем-то очень сложном и важном, *причем* ни один из них не мог победить другого. [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940)] ит. Discutevano qualcosa di molto complesso e importante, e nessuno dei due riusciva a vincere l'altro. [Tr. da V. Dridso, 1967]

фр. Tous deux disputaient de questions graves et compliquées, *et* aucun d'eux ne pouvait avoir raison de l'autre. [Tr. par Cl. Ligny, 1968]

Казалось бы, все говорит о том, что мы, как и в случае с союзом *a to*, имеем дело с полисемичным союзом. Однако, с одной стороны,

во французском и итальянском языках у *причем* нет словарного эквивалента, а с другой — за *причем* русской грамматикой и словами признается лишь одно значение — присоединительное. Если же мы посмотрим на эту ситуацию через призму немецкого языка, то увидим, что в нем *причем* и другим показателям с формантом *при* (*при этом, притом, при том что*) соответствуют показатели с формантом *bei* ‘при’, схожие по своей внутренней форме с русскими показателями: они также включают в свой состав относительное (*wobei*) или указательное (*dabei*) местоимения (12):

(12) – Вы бы написали, сударь, к хозяину, — сказал Захар, — так, может быть, он бы вас не тронул, а велел бы сначала вон ту квартиру ломать. Захар *при этом* показал рукой куда-то направо. [И. А. Гончаров. Обломов (1859)]
„Sie sollten an den Hausherrn schreiben, gnädiger Herr“, sagte Sachar, „dann würde er Sie vielleicht in Ruhe lassen und würde zuerst jene Wohnung niederreißen lassen“. Sachar zeigte *dabei* mit der Hand irgendwohin nach rechts. [Üb. von C. Brauner, 1960]

В немецкой грамматике *wobei* и *dabei* считаются показателями отношения сопутствования [Kortmann, 1997; Breindl et al., 2014]. Семантика русских союзов с формантом *при* вполне соответствует тому, что понимается под этим отношением. На пропозициональном уровне, положение вещей, вводимое показателем данного отношения, представляется как сопутствующее тому, что описано в главном предложении (12). На уровне высказывания часть предложения, вводимая показателем сопутствования, «сопровождает» сообщаемое в главной части, в том смысле, что она уточняет содержащуюся в нем информацию (11).

Это позволяет, на наш взгляд, говорить о существовании в системе союзов русского языка группы союзов, выражающих отношение сопутствования [Инькова, 20186], что, в свою очередь, влечет за собой и пересмотр термина «присоединение», охватывающего довольно разнородные явления и применяемого для описания разношерстной по семантике группы союзов (их число при этом доходит до 70!), которая не выделяется в других грамматических традициях [Инькова, 20186]. Заметим, что применительно к союзу *причем*, но как присоединительному, термин «действие, сопутствующее основному», используется в работе [Кузнецова, 1968: 8], а в работе [Киселева, 1980] ему предпочитается, но также в рамках присоединительных отношений, термин «комитативные отношения». Эта идея, таким образом, уже витала в воздухе, но исследователи предпочитали оставаться в рамках устоявшейся, хотя и не очень удачной терминологии.

4. Заключительные замечания

Сопоставительный метод исследования, преломляющий данные одного из языков через призму данных других языков, несмотря на свои изначально чисто практические задачи, позволяет не только выявить различия между сопоставляемыми языками, но и уточнить существующие описания языка и набор его категорий. Это стало возможным благодаря разработке новых методов сопоставительного анализа (табл. 1).

Таблица 1

Виды сопоставительного метода описания

Классический сопоставительный метод	Унидирекциональный сопоставительный метод	Двусторонний сопоставительный метод
сравнение двух языков на основе существующих описаний	сравнение двух языков, при этом язык, с которым осуществляется сравнение (Я2), является инструментом для описания языка-объекта анализа (Я1)	сравнение двух языков, каждый из которых может быть объектом анализа
используются дескриптивные языковые категории, свойственные каждому из сопоставляемых языков	используются дескриптивные категории, свойственные языку, являющемуся объектом описания (Я1)	используются дескриптивные категории, свойственные каждому из сопоставляемых языков
цель: выявление структурных сходств и различий между сопоставляемыми языками в рамках существующих описаний	цель: уточнить в свете данных Я2 описание Я1	цель: уточнить в свете данных сопоставительного анализа описание одного из (или обоих) языков; в результате анализа набор дескриптивных категорий одного из языков может быть дополнен с учетом категорий другого языка

Заметим, что приведенные примеры оправданного, на наш взгляд, перенесения в грамматику русского языка описательных категорий сопоставляемого языка не являются единичными. Как нам кажется, такой подход позволяет более последовательно и непротиворечиво описывать языковые явления, которые не вписываются в существующие в русской грамматической традиции категории или не учитываются ими. Речь, безусловно, идет не о слепом переносе категорий одного языка в систему другого, в нашем случае русского языка, а о тех случаях, где их использование представляется продуктивным и способствует преодолению расхождений в терминологии разных

грамматических традиций, а следовательно, и о сопоставимости изучаемых языковых явлений в рамках дескриптивной лингвистики. Вклад сопоставительной лингвистики в теоретическое описание языка не может, как нам кажется, в таких случаях подвергаться сомнению, а выбор пары «разных языков» приобретает научное обоснование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н. Когнитивное моделирование значения: внутренняя форма как объяснительный фактор // Русистика сегодня. 1998. № 3–4. С. 92–100.
2. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 5–17.
3. Зализняк Анна А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2015»; URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/ZalizniakAnnaA.pdf>. С. 683–695.
4. Зализняк Анна А. База данных межъязыковых эквиваленций как инструмент лингвистического анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2016»; URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3478/dialogue2016.pdf>. С. 854–866.
5. Зализняк Анна А. Загадка полисемии слова КРОМЕ // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. № 4. С. 77–88.
6. Инькова О.Ю. Лингвоспецифичность коннекторов: методы и параметры описания // Семантика коннекторов: контрастивное исследование. М., 2018а. С. 5–23.
7. Инькова О. Коннекторы русского языка с формантом *при*: корпусное исследование // Russian Linguistics. 2018б. п°42 (2). С. 159–190.
8. Инькова О., Кружков М. Надкорпусные русско-французские базы данных глагольных форм и коннекторов // Langues slaves en contraste. Bergamo, 2016. С. 365–392.
9. Инькова О., Манзотти Э. Исключение из множества // Связность текста: мереологические логико-семантические отношения. М., 2019. С. 215–304.
10. Кибрик А.Е. и др. Введение в науку о языке. М., 2019.
11. Киселева Н.П. Присоединительные конструкции с союзами *причем* и *притом* // Синтаксические связи в русском языке: межвузовский тематический сборник. Владивосток, 1980. С. 58–73.
12. Кузнецова О.Я. Сложное предложение с союзом «причем»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д., 1968.
13. Лю Юхун Сопоставление языков: концепция, подходы и методы // Вопросы языкознания. 2009. №2. С. 103–107.
14. ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
15. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М., 1989.
16. Оскольская С.А. Функционирование конструкций со значением исключения участника в русском языке. Магистерская работа. СПб., 2011. URL: https://iling.spb.ru/nord/materia/oskolskaya/exceptive_constructions_in_russian.pdf
17. Реформатский А.А. О сопоставительном методе // Русский язык в нац. школе. 1962. № 5. С. 23–33.

18. Фефилов А.И. Конфронтативная лингвистика // Сибирский научный вестник. 2015. № 2 (20). С. 180–194.
19. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.
20. Aijmer K., Altenberg B. eds *Advances in Corpus-based Contrastive Linguistics. Studies in honour of Stig Johansson*. Amsterdam, 2013.
21. Breindl E. et al. *Handbuch der deutschen Konnektoren 2. Semantik der deutschen Satzverknüpfers*. 2 Bd. Berlin; N.Y., 2014.
22. Fisiak J. ed. *Theoretical Issues in Contrastive Linguistics*. Amsterdam, 1981.
23. Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies // *Language*. 2010. n°3 (89). P. 663–687.
24. Hawkins J.A., Filipović L. *Criterion Features in L2 English*. Cambridge, 2011.
25. Heilbig G. *Sprachwissenschaft — Konfrontation — Fremdsprachenunterricht*. Leipzig, 1981. P. 70–101.
26. Hüning M., Schlücker B. eds. *Contrastive Linguistics and other Approaches to Language Comparison*. Amsterdam, 2012.
27. Kortmann B. *Adverbial Subordination. A Typology and History of Adverbial Subordinators Based on European Languages*. Berlin; N.Y., 1997.
28. Krzeszowski T.P. *Contrasting Languages: The Scope of Contrastive Linguistics*. Berlin; N.Y., 1990.
29. van Patten B., Benati A.G. *Key terms in Second Language Acquisition*. L.; N.Y., 2010.

REFERENCES

1. Baranov A.N. Kognitivnoe modelirovanie znacheniya: vnutrennyaya forma kak ob`yasnitel`ny`j faktor [Cognitive Modeling of Meaning: Inner Form as an Explanatory Factor]. *Rusistika segodnya*. 1998. № 3–4. P. 92–100.
2. Gak V.G. O kontrastivnoj lingvistike [On contrastive linguistics]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Issue XXV. Kontrastivnaya lingvistika. Moscow, 1989. P. 5–17.
3. Zaliznyak Anna A. Lingvospecificchny`e edinicy russkogo yazy`ka v svete kontrastivnogo korpusnogo analiza [Linguistic-specific units of the Russian language in the light of contrastive corpus analysis]. *Komp`yuternaya lingvistika i intellektual`ny`e tekhnologii: Trudy` mezhdunarodnoj konferencii «Dialog-2015»*; <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/ZalizniakAnnaA.pdf>. P. 683–695.
4. Zaliznyak Anna A. Baza danny`x mezh`yazy`kovy`x e`kvivalencij kak instrument lingvisticheskogo analiza [Database of crosslinguistic equivalences as a tool for linguistic analysis] // *Komp`yuternaya lingvistika i intellektual`ny`e tekhnologii: Trudy` mezhdunarodnoj konferencii «Dialog-2016»*; <http://www.dialog-21.ru/media/3478/dialogue2016.pdf>. P. 854–866.
5. Zaliznyak Anna A. Zagadka polisemii slova KROME [The mystery of the polysemy of the word KROME]. *Trudy` Instituta russkogo yazy`ka im. V. V. Vinogradova*. 2019. № 4. P. 77–88.
6. Inkova O.Yu. Lingvospecificchnost` konnektorov: metody` i parametry` opisaniya [Linguistic specificity of connectives: methods and parameters of description]. *Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie*. Moscow, 2018a. P. 5–23.
7. Inkova O.Yu. Konnektory` russkogo yazy`ka s formantom *pri*: korpusnoe issledovanie [Connectives of the Russian language with the formant *pri*: corpus research]. *Russian Linguistics*. 2018b. № 42 (2). P. 159–190.
8. Inkova O., Kruzhkov M. Nadkorpusny`e rusko-francuzskie bazy` danny`x glagol`ny`x form i konnektorov [Supracorpora Russian-French databases of verb forms and connectives]. *Languages slaves en contraste*. Bergamo, 2016. P. 365–392.

9. Inkova O., Manzotti E. Isklyuchenie iz mnozhestva [Exception from the set]. *Svyaznost' teksta: mereologicheskie logiko-semanticheskie otnosheniya*. Moscow, 2019. P. 215–304.
10. Kibrik A.E. et al. *Vvedenie v nauku o yazyke* [Introduction to the science of language]. Moscow, 2019.
11. Kiseleva N. P. Prisoedinitel'ny'e konstrukcii s soyuzami *prichem* i *pritom* [Adjunction constructions with conjunctions *prichem* and *pritom*]. *Sintaksicheskie svyazi v russkom yazyke: mezhvuzovskij tematicheskij sbornik*. Vladivostok, 1980. P. 58–73.
12. Kuznecova O.Ya. Slozhnoe predlozhenie s soyuzom «prichem» [Complex sentence with the conjunction “prichem”]. Abstract of the PhD Thesis. Rostov-na-Donu, 1968.
13. Liu Yuhong *Sopostavlenie yazykov: koncepciya, podxody i metody* [Comparison of Languages: Concept, Approaches and Methods]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2009. № 2. P. 103–107.
14. LES — *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. V. N. Yarceva ed. Moscow, 1990.
15. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Issue XXV. *Kontrastivnaya lingvistika*. Moscow, 1989.
16. Oskol'skaya S. A. *Funkcionirovanie konstrukcij so znacheniem isklyucheniya uchastnika v russkom yazyke* [Functioning of structures with the meaning of exclusion of a participant in the Russian language]. Master's work. St. Petersburg, 2011. URL: https://iling.spb.ru/nord/materia/oskolskaya/exceptive_constructions_in_russian.pdf
17. Reformatskij A.A. *O sopostavitel'nom metode* [On the contrastive method]. *Russkij yazyk v nac. shkole*. 1962. № 5. P. 23–33.
18. Fefilov A.I. *Konfrontativnaya lingvistika* [Confrontative linguistics]. *Sibirskij nauchnyj vestnik*. 2015. № 2 (20). P. 180–194.
19. Yarceva V.N. *Kontrastivnaya grammatika* [Contrastive grammar]. Moscow, 1981.
20. Aijmer K., Altenberg B. eds. *Advances in Corpus-based Contrastive Linguistics. Studies in honour of Stig Johansson*. Amsterdam, 2013.
21. Breindl E. et al. *Handbuch der deutschen Konnektoren 2. Semantik der deutschen Satzverknüpfers*. 2 Bd. Berlin; N.Y., 2014.
22. Fisiak J. ed. *Theoretical Issues in Contrastive Linguistics*. Amsterdam, 1981.
23. Haspelmath M. *Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies*. *Language*. 2010. n°3 (89). P. 663–687.
24. Hawkins J.A., Filipović L. *Criterial Features in L2 English*. Cambridge, 2011.
25. Helbig G. *Sprachwissenschaft — Konfrontation — Fremdsprachenunterricht*. Leipzig, 1981. P. 70–101.
26. Hüning M., Schlücker B. eds *Contrastive Linguistics and other Approaches to Language Comparison*. Amsterdam, 2012.
27. Kortmann B. *Adverbial Subordination. A Typology and History of Adverbial Subordinators Based on European Languages*. Berlin; N.Y., 1997.
28. Krzeszowski T.P. *Contrasting Languages: The Scope of Contrastive Linguistics*. Berlin; N.Y., 1990.
29. van Patten B., Benati A.G. *Key terms in Second Language Acquisition*. L.; N.Y., 2010.

Поступила в редакцию 12.08.2022;
 принята к публикации 15.10.2022;
 отредактирована 20.10.2022

Received 12.08.2022;
 accepted 15.10.2022;
 revised 20.10.2022

ОБ АВТОРЕ

Инькова Ольга Юрьевна — доктор филологических наук, преподаватель кафедры русского языка и литературы филологического факультета Женевского университета, старший научный сотрудник; ИПИ ФИЦ ИУ РАН; olga.inkova@unige.ch

ABOUT THE AUTHOR

Olga Inkova — Dr. Habil in philology, faculty member, University of Geneva, senior researcher, Institute of Informatics Problems, Federal Research Center for Computer Science and Control of the Russian Academy of Sciences; olga.inkova@unige.ch

НОМИНАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТЕКСТЕ. КОНТРАСТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

О.В. Артюшкина

Университет Жан Мулен Лион 3, Лион; olga.artyushkina@univ-lyon3.fr

Аннотация: Номинативные предложения рассматриваются в статье как класс предложений, который включает в себя различные типы и выполняет определенные функции в тексте: назывной тип с функцией непосредственного названия; бытийный тип, который совмещает назывную функцию и утверждение наличия или существования предмета/субъекта, а также событийный и атрибутивный типы, которые несут предикативный характер. Выделенные типы предложений позволяют определить специфику семантических связей номинативных предложений с текстом и особенностями организации его временных форм. Назывной тип входит в разряд односоставных предложений, который не имеет временной парадигмы и сопровождается в тексте сменой временных референциалов, а именно чередованием нарративного режима и режима восприятия субъекта. Остальные выделенные типы номинативных предложений располагают временной парадигмой. Контрастивный метод исследования позволяет затронуть в статье дискуссионный вопрос о типах артикля во французском языке, в том числе его нулевой формы, которая играет особую роль в связности текста. В зависимости от типа предложения и его связи с контекстом переводчик выбирает целесообразный тип артикля.

Ключевые слова: временная организация текста; чередование времен в нарративе; назывные; бытийные; событийные; атрибутивные предложения; нулевой артикль

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-32-45

Для цитирования: Артюшкина О.В. Номинативные предложения в тексте. Контрастивное исследование на материале русского и французского языков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 32–45.

NOMINATIVE SENTENCES IN THE TEXT. A CONTRASTIVE STUDY IN RUSSIAN AND FRENCH

Olga Artyushkina

University Jean Moulin Lyon 3, Lyon, France; olga.artyushkina@univ-lyon3.fr

Abstract: In this paper nominative sentences are considered as a class of sentences that covers different types and functions in the text: the naming type

with a direct naming function; the being type, which combines the naming function and affirming the presence or existence of an object/subject, and attribute and event types, which have a predicative nature. The above types of sentences allow us to determine the specificity of semantic links of nominative sentences with the text and with the peculiarities of its temporal forms organization. The naming type has no temporal paradigm and it is accompanied by the change of temporal referentials, i.e. by the alternation of the narrative mode and the mode of the subject's perception. The other three types of nominative sentences do have a temporal paradigm. The contrastive method of research allows us to consider the debatable issue of article types in French, including its zero form, which plays a special role in the coherence of the text. Depending on the sentence type and its connection with the context, a translator chooses the corresponding type of the utterance.

Key words: temporal organization of the text; narrative alternance present/past in the narrative; nominative sentences; event in nominative sentences; zero article

For citation: Artyushkina O.V. (2022) Nominative sentences in the text. A contrastive study in Russian and French. *Moscow University Philology Bulletin*, No. 6, pp. 32–45.

Номинативные предложения и их функции многочисленны и неоднородны по своей сути, однако вопрос их функционирования в контексте остается относительно малоизученным. Что касается их семантики и синтаксического статуса, то единой точки зрения среди лингвистов не существует. Во французском языке так называемые «безглагольные фразы» изучались в последние два десятилетия с точки зрения их роли в тексте и их соотносительности с различными жанрами. Однако отдельные вопросы остаются недостаточно освещены, как, в частности, вопрос употребления нулевого артикля в безглагольных фразах.

1. Формальные критерии и возможные категории

Семантические критерии, выдвигаемые в научной литературе в качестве возможных классификаций номинативных предложений (далее: НП) разнообразны [Русская грамматика, 1980]. Существуют определения НП, критерием которых является односоставность или двусоставность. Так, Цейтлин [1972] и Селиверстова [1990] считают, что обязательным критерием для НП бытийного типа является их редукция от двусоставных к односоставным: *В лесу тишина.* → *Тишина.* *У меня тоска.* → *Тоска.* По мнению Валгиной, к НП относятся лишь предложения со значением бытийности и статичности: *зима, дождь, март месяц.* [Валгина, 2003: 172–174], с чем мы не согласны, поскольку относим к номинативным и другие типы предложений, в частности «динамические», которые обозначают события, возникновение явления и пр.

Контрастивное исследование позволит нам рассмотреть разные функции НП и связи НП с контекстом сквозь призму конфронтации с другим языком, в данном случае с французским, и выяснить специфику семантических связей этих предложений с контекстом.

2. Односоставные назывные предложения без временной парадигмы

Односоставными предложениями являются те НП, в которых нет имплицитного субъекта или предиката. Что касается семантики таких НП, то нельзя сказать, что определенной синтаксической модели соответствует лишь одна функция. Так, назывные предложения, которые называют статический предмет, зависят ещё и от лексического контента. Сравним:

- (1) *Ночь*. Нянька Варька, девочка лет тринадцати, качает колыбель, в которой лежит ребёнок, и чуть слышно мурлычет: [...] (А. Чехов, *Спать хочется*)
- (1a) *C'est la nuit*. Varka, une petite bonne âgée de treize ans, balance un enfant dans son berceau [...] (пер. В. Czerny, 1967)
- (2) *Купе первого класса*. На диване, обитом малиновым бархатом, полулежит хорошенькая дамочка. (А. Чехов, *Загадочная натура*, 1967)
- (2a) *Un compartiment de première classe*. Sur la banquette de velours grenat, une jolie petite dame est à demi étendue. (Пер. М. Durand, А. Radiguet, 1967)

В первом примере речь идет о слове со значением времени суток, т.е. можно считать, что НП имеет временную парадигму (Была ночь. Будет ночь.), тогда как во втором примере НП представлено пространственным указателем, дидаскалией: *На диване [...] в купе первого класса полулежит [...]*; такой случай исключает временную парадигму.

НП-дидаскалии не являются единственным семантическим типом без временной парадигмы. По нашему мнению, это связано с непосредственным восприятием состояния или действия; при этом сам факт употребления НП создает как в русском, так и во французском языках эффект интерактивности восприятия описываемой сцены. Такой нарративный прием как «поток сознания» (*stream of consciousness*) особо располагает к использованию НП:

- (3) *Гитара идёт маршем, со струн сыплет рота, инженеры идут: ать, ать! Николкины глаза вспоминают:*
Училище. Облупленные александровские колонны, пушки. Ползут юнкера на животиках от окна к окну, отстреливаются.
Пулеметы в окнах. Туча солдат осадила училище, ну, форменная туча.
(М. Булгаков, *Белая гвардия*)

(3a) *Les yeux de Nikolka se souviennent: «L'école militaire. Les colonnes d'Alexandre, tout éraflées. Les canons. Les junkers qui rampent d'une fenêtre à l'autre, tirant sur les assaillants. Les mitrailleuses aux fenêtres. Une nuée de soldats assiège l'école».* (пер. С. Ligny)

В такого рода примерах мы имеем дело с непосредственным восприятием сцены, которая предстает перед глазами субъекта восприятия; при этом употребление настоящего времени в референциале (режиме) прямого восприятия обязательно:

(3') *Облупленные александровские колонны, пушки. *Ползли юнкера [...], *отстреливались.*

Эквивалентом во французском языке в таком случае является НП с определенным или неопределенным артиклем, который соответствует, по наблюдению Лефёвр [Lefeuvre, 2014] «преконструированному речи значению» (фр. “*valeur préconstruite à l'énonciation*”) и, добавим, прикреплению описываемых событий, сцены, ситуации к плану восприятия субъекта.

Рассмотрим еще один известный пример НП из поэмы Блока:

(4) *Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет,
Живи ещё хоть четверть века,
Всё будет так, исхода нет.
Умрёшь — начнёшь опять сначала,
И повторится всё как встарь.
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.*

В Русской грамматике [1980, § 2523: 357–358] поэма приводится в качестве примера «бытийного нелично-субъектного» предложения, в котором «вся ситуация «предмет — его существование, наличие» не отнесена ни к какому носителю». Roudet [1992] говорит о «ситуативном эллипсисе» элемента типа *здесь, перед нами*, то есть элемента, уточняющего субъекта восприятия сцены. Мы считаем, что здесь возможны, по крайней мере, две интерпретации — назывная (как у Roudet), что будет соответствовать переводу именными группами НП с артиклем, и атрибутивная:

(4a) *La nuit, la rue, le réverbère,*

*La pharmacie et la lumière
Absurde et glauque... Non, ici
Tout est pareil et sans issue.* (пер. G. Arout, 1967)

(4b) *La nuit, la rue, une lanterne, un apothicaire,
Une absurde et pâle lumière.*

*Que tu vives encore un quart de siècle,
Tout sera ainsi. C'est sans issue.* (Пер. С. Mouze, 1984)

Использование артикля при таком перечислении предметов, составляющих сцену в непосредственном восприятии субъекта, как в примере из *Белой гвардии*, является обязательным. В третьем изданном переводе поэмы переводчик использует нулевой артикль, на роли которого мы предлагаем остановиться подробнее.

3. Нулевой артикль в номинативных предложениях во французском языке

Согласно идее, сформулированной Lefeuve [1999], отсутствие детерминанта (артикля) маркирует атрибутивную функцию безглагольного предложения по отношению к имплицитному субъекту, который находится в контексте (см. также § 4 и 5). Обратимся к переводу НП с нулевым артиклем:

- (4в) (1) *Nuit, rue, fanal, apothicaire,*
(2) *Insignifiante et blafarde lumière,*
(3) *Et vivras-tu un quart de siècle en plus, —*
(4) *Tout sera pareil. Nulle issue.*
(5) *Tu mourras — recommenceras,*
(6) *Tu répéteras tout, comme autrefois :*
(7) *Nuit, rides gelées du canal,*
(8) *Apothicaire, rue, fanal.* (Пер. J.-A. Mascotto, 1991)

Нулевой артикль устанавливает тут соотношение НП с ситуацией «тщетность бытия, безысходность»; т.е. такая трактовка идет вразрез с той, что приводится в Русской грамматике. Имплицитным субъектом является контекст справа: “tout [sera pareil]” (всё [будет так]). Таким образом, нулевой артикль позволяет выделить новую категорию НП, которая устанавливает предикативную связь с контекстом, выстраивая с ним связь атрибутивного типа: интерпретация НП не может быть полной без контекста, где выражено подлежащее (предмет, субъект или ситуация в целом). Иными словами, употребление артикля или его нулевой формы соответствует разным функциям в тексте.

3.1. Нулевой артикль, режим восприятия и связность текста

Рассмотрим следующий, довольно типичный в плане организации временных форм, пример:

- (5) *Время растянулось в вечность.*

Пюре и морковные котлеты. Вилка с гнутым зубцом. Разносчица в белом переднике, звякает посудой, толкая тележку. Белые стены, глубокие окна-арки. Я люблю столовую. (М. Петросян, *Дом, в котором...*)

В данном случае нельзя сказать, что мы имеем дело с предложениями бытийного (*Есть/**были пюре и морковные котлеты.) или назывного типа; речь идет о восприятии сцены, в которую рассказчик мысленно переносится, описывая свои воспоминания-размышления. Предметы, которые входят в состав НП, являются типичными, особо запомнившимися подробностями любимой героиней школьной столовой; все эти особенности имеют свое значение при переводе. Отметим также организацию временного плана в этом отрывке: НП соседствуют с настоящим нарративным временем («Разносчица [...] **звякает** посудой»), которое является единственным возможным вариантом. Сравним:

(5') *Пюре и морковные котлеты. Вилка с гнутым зубцом. Разносчица в белом переднике, ??звякала посудой, толкая тележку.*

Вообще, режим восприятия сцены делает обязательным использование настоящего времени, как мы это наблюдали на примере потока сознания. Обратимся теперь к переводу на французский язык:

(5a) *Le temps s'étira.*

Ø Purée de carottes. Ø Fourchette aux dents tordues. Une dame en tablier blanc qui faisait tinter la vaisselle en poussant son chariot. Murs clairs, profondes fenêtres en ogive. J'aimais bien la cantine. (Пер. R. Pache, 2016)

Настоящее время передано здесь имперфектом, хотя настоящее также допускается. Как мы видим, переводчик использует нулевой артикль, тогда как употребление определенного артикля кажется весьма неудачным, так как приводит к несвязности текста:

(5b) *La purée de carottes. La fourchette aux dents tordues. Une dame en tablier blanc qui faisait tinter la vaisselle en poussant son chariot. Les murs clairs, de profondes fenêtres en ogive. ??J'aimais bien la cantine.*

Действительно, в таком варианте артикль производит эффект перечисления предметов, составляющих сцену восприятия, т.е. НП выполняет в (5b) назывную функцию, но при этом контекст справа ("J'aimais bien la cantine") обрывает изначально существующую связь плана непосредственного восприятия сцены с фразой, указывающей на то, что все перечисленные детали столовой являются причиной привязанности героя к данному месту. Если же мы эксплицитно введем контекст воспоминания, то артикль становится обязательным, поскольку за НП закрепляется назывная функция при описании:

(5в) *C'est comme cela que je me souviens de la cantine : la purée de carottes, la fourchette aux dents tordues. Une dame en tablier blanc qui faisait/fait tinter la vaisselle en poussant son chariot. Les murs clairs, de profondes fenêtres en ogive. J'aimais bien la cantine.*

Общего мнения касательно употребления нулевого артикля нет [Flament, 2014; Giry-Schneider, 1991; Anscombre, 1986], но существуют некоторые закономерности и наблюдения, которые касаются распределения употребления нулевой формы; как, например, в контексте перечисления, где нулевой артикль создает эффект «выразительности и наглядности» [Grevisse, 1969: 361] и воспринимается как «блок» [Anscombre, 1986], как в нашем примере (5). Добавим, что в примерах, где список можно понимать как типичное проявление, характеристику субъекта или, шире, ситуации, нулевой артикль не только закономерность, но и правило:

(6) *L'édifice porte la marque du néoclassicisme : Ø surfaces lisses et uniformes, Ø fenêtres à motifs hautes et étroites.* [<http://research.jyu.fi/grfle>]

(6a) *Ø Surfaces lisses et uniformes, Ø fenêtres à motifs hautes et étroites, cet édifice porte la marque du néoclassicisme / cet édifice est un exemple typique de néoclassicisme.*

(6b) *?? Des surfaces lisses et uniformes, ?? des fenêtres à motifs hautes et étroites, cet édifice est un exemple typique de néoclassicisme.*

Возвращаясь к переводу примера (5), мы предлагаем рассматривать нулевой артикль как способ маркирования отношения «часть/целое», где «часть» (*морковные котлеты, вилка* и пр.) является типичной чертой для образа любимой автором столовой. При этом фразу «Я люблю столовую» можно толковать как «Я люблю столовую с ее светлыми стенами и глубокими окнами-арками», то есть она напрямую связана с НП.

Подводя промежуточные итоги, можно сказать, что НП, употребляемые для передачи непосредственного восприятия, составляют отличную от бытийных предложений категорию, поскольку они не совместимы с бытийными глаголами (*быть, существовать* и др.) и не имеют временной парадигмы. При этом во французском языке нулевой артикль позволяет маркировать семантическую связь НП с контекстом и выполняет предикативную функцию с возможным семантическим отношением «часть/целое». Наконец, рассмотрим еще одно значение НП с нулевым артиклем и предикативной функцией.

4. Номинативные предложения событийного типа. Употребление артикля и временная парадигма

Мы предлагаем рассмотреть в этой части НП, в которых именная группа выполняет функцию независимого предиката, т.е. предиката без имплицитного субъекта. Такого типа НП обозначают события, которые помогают развитию сюжета, иначе говоря, несут нарративную функцию.

4.1. НП событийного характера

Ярким примером нарративной функции НП является поэма Фета «Шёпот, робкое дыхание...»: поэма состоит исключительно из НП предикативного характера. Они обозначают события, из которых выстраивается лирическая история ночи любви. Иными словами, мы имеем дело со случаем, противоположным тому, что мы наблюдали в поэме Блока «Ночь, улица...»:

(8) <i>Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..</i> | (8a) <i>Chuchotement, souffle timide,
Trilles du rossignol,
Éclat d'argent et ondoisement
Du ruisseau assoupi,
Clarté nocturne, ombres nocturnes,
Ombres sans fin.
Suite de changements magiques
Du cher visage.
Dans les nuages vaporeux
Pourpre de rose et reflet d'ambre,
Baisers et larmes...
Et puis l'aurore,
L'aurore !...</i> |
|--|---|

(пер. А. Lirondelle, 1917)

В отличие от поэмы Блока, где НП служат для описания статичной картины, Фет создает динамичный рассказ, построенный на образах. Картины пейзажа быстро сменяют друг друга, неизбежно приближая конец ночи любви и приход зари. Такая динамичность передана в переводе именными группами с нулевой формой артикля, которая в данном случае обязательна для передачи ритма событий. Нулевой артикль позволяет создать эффект ускорения в развитии событий. Такую его особенность можно отметить и для устной речи, когда срочное и неотложное распоряжение передается именно через нулевую форму артикля: “Après le dîner, Ø **brossage des dents!**” (После ужина — чистить зубы!).

Что касается употребления артикля при событийных НП, то, по нашим наблюдениям, он имеет эффект выделения, своеобразной остановки на сцене. Этот эффект противоположен тому, что создается нулевым артиклем:

- (9) *D'habitude, la servante sait se faire comprendre au mouvement des lèvres. Un bruit de portes et des pas précipités. Thérèse n'a que le temps de jeter un châle sur la table pour cacher les poisons.* (Mauriac, *Thérèse Desqueyroux*)

[Lefevre, 1999: 64, 120–123]

Предикативный характер НП оригинала передан в переводе (9а) предложениями, где именные группы соответствуют глаголам: ин-

хоативному глаголу «захлопать» в прошедшем времени и глаголу движения «бежать» в настоящем времени:

(9а) [Что она там кричит глухой старухе?] Обычно та её понимает по движениям губ. **Захлопали двери, кто-то бежит по лестнице.** Тереза едва успела набросить на стол свою шаль, чтобы скрыть пакетики с ядом. (пер. Н. Немчинова, 1971)

Отметим, что настоящее время в НП событийного характера носит обязательный характер, за исключением инхоативных глаголов и фазовых глаголов (*стать, наступить* и пр.):

(9б) *Захлопали двери, кто-то *бежал по лестнице. Тереза едва успела [...]*

То же мы наблюдаем в следующем примере, где при НП употреблен определенный артикль:

(10) *Il s'accroupit et les ramassa [son livre et ses cahiers], toujours pleurant. Puis d'un seul coup, **le silence** : à peine un reniflement dans l'ombre. Il détaillait enfin !* (Mauriac, *Le Sagouin*)

Пример из [Lefeuve, 1999: 110–112, 284]

События подаются здесь через призму восприятия персонажа. В русском переводе переход к новому этапу в развитии событий выражен эксплицитно через глагол *настать*:

(10а) *Мальчик с громкими всхлипываниями подобрал их [учебник и тетрадки], ползая по полу. **Потом настала тишина**, из темноты только чуть слышно **доносились всхлипывания**. Убрался-таки наконец!* (Пер. Н. Жаркова, Н. Немчинова, 1971)

При таком переводе не происходит, как во французском тексте, смены временного референциала [Desclés, J.-P., Guéntcheva, 2010], и мы наблюдаем режим нарратива вплоть до высказывания в несобственно-прямой речи в конце абзаца. Может быть и другой вариант перевода, более точно передающего организацию текста оригинала:

(10б) Потом **вдруг** - тишина, только приглушенные всхлипывания из темноты.

Отметим регулярное использование такого нарративного приема у И. Грековой и Ю. Трифонова [Artyushkina, 2019], который вводит в нарратив переход в режим восприятия персонажа через конструкцию «вдруг + НП»:

(11) *Всё это восхищало и забавляло Юру, словно бы он отгораживался котом от своего прошлого, весь был тут и светился... **И вдруг**, в разгаре игры, внезапным ударом — **молчание, тупость, пустой и враждебный взгляд**.* (И. Грекова, *Хозяйка гостиницы*)

(12) ***И вдруг** — **неожиданная встреча, прямо подарок судьбы**. Пришла в хирургию со стопкой белья, а там — новая врачиха [...]* (И. Грекова, *Хозяйка гостиницы*)

Перевод на французский язык возможен при помощи той же, что и в русском языке, конструкции:

(11a) *Et soudain, au beau milieu du jeu, tout à un coup — le silence, un regard vide et hostile.*

(12a) *Et soudain — une rencontre inespérée, un vrai cadeau du destin.*

Использование артикля при этом желательно, видимо, в связи с эффектом «замедления», подчеркнутого разрыва с привычным ходом событий.

По нашим наблюдениям, при выборе типа артикля играет роль также критерий продолжительности и возможной итеративности обозначаемого НП события:

(13) *Утром — всё сначала. Сидячая гимнастика. Застилка кроватей. «Помоги одеться соседу — и сосед поможет тебе». Умывание. [...] Столовая. Уроки. Обеденный перерыв. Уроки. Время для отдыха. И так до бесконечности. (М.Петросян, Дом, в котором...)*

Et le lendemain matin, tout recommençait. La gymnastique assise. On faisait son lit. Aide ton voisin à t'habiller et ton voisin t'aidera. Ø Toilette. Six lavabos aux syphons rongés par la rouille. Ø Cantine. Ø Cours. Ø Pause de midi. Ø Cours. Ø Repos. Et ainsi de suite, à l'infini. (пер. R. Pache)

О связи нулевой формы артикля с временной категорией пишет также Anscombe [1986], утверждая, что нулевая форма является «имперфектом имени»; как мы видим, переводчик выбрал именно нулевую форму артикля, а также имперфект для описания рутины в детском доме.

5. Номинативные предложения с временной парадигмой.

Мы предлагаем теперь рассмотреть НП атрибутивного типа с временной парадигмой.

5.1. Нулевой артикль и атрибутивный тип НП

Опираясь на классификацию безглагольных фраз, установленную Lefeuve [1999: 238–241], можно выделить НП с имплицитным субъектом с атрибутивной функцией, при которой часто употребляется нулевой артикль. Уточним, что структура НП может считаться собственно атрибутивной, когда именная группа употреблена с нулевым артиклем, а само НП может быть перефразировано при помощи бытийного глагола *être*. Типичным примером такого типа НП является их употребление с оценочной модальностью:

(14) *Elle ne manquait pas d'ajouter que “ça lui était égal de mourir”. Mensonge ! (Mauriac, Thérèse Desqueyroux)*

И всегда добавляла, будто «ей всё равно, что придется умереть». **Какая ложь!** Она ещё никогда так страстно не жаждала жить [...] (пер. Н. Немчинова, 1971)

Как отмечает Lefevvre [1999: 238–241], имплицитное подлежащее сформулировано тут в контексте слева, то есть подлежащим здесь является высказывание чужой речи, маркированной кавычками. Таким образом, НП «[какая] ложь» квалифицирует тут высказывание персонажа: «Всё это было ложью» (“C’était un mensonge”), т.е. глагол существования может быть восстановлен в прошедшем времени — как в русском, так и во французском языке (в имперфекте) — а в настоящем времени в НП атрибутивного типа со значением оценки возможен как нулевой, так и неопределенный артикль:

(14') *Elle ne manquait pas d'ajouter que “ça lui était égal de mourir”. Un mensonge!*

В (14') определенный артикль создает временной разрыв между высказываниями персонажей.

На данном этапе исследования отметим, что нулевая форма артикля позволяет воссоздать в тексте диалоговую ситуацию:

(14'') — *Ça m'est égal de mourir!*

— *Mensonge!* (**Un mensonge!*)

Нулевая форма артикля при этом является нормой [Lefevvre, 1999: 238–341].

5.2. НП бытийного типа и организация временных форм

В нашем параллельном корпусе мы отметили ряд примеров, где употребление нулевого артикля невозможно, а настоящему времени НП в русском обязательно соответствует имперфект во французском:

(15) *В этой квартире, видно, всё время менялись люди... Грязь! Несколько дней мыли всё, отмывали.* (С. Алексиевич. *Время секонд хэнд*)

(15a) *Visiblement, il y avait beaucoup de passage dans cet appartement... C'était d'une saleté! Nous avons mis plusieurs jours à tout laver, à tout nettoyer.* (пер. S. Benech)

(15б) *Visiblement, il y avait beaucoup de passage dans cet appartement *Ø Saleté! /* Une saleté! /* C'est sale./ Nous avons mis plusieurs jours à tout laver, à tout nettoyer.*

(15в) *Visiblement, il y avait beaucoup de passage dans cet appartement. Il y avait de la saleté partout.*

Грязь здесь не выполняет атрибутивной функции по отношению к ситуации, описанной в контексте, и нулевой артикль тут невозможен. НП устанавливает с контекстом справа и слева причинно-следственную связь через сам факт существования чего-либо или кого-либо (см. перевод (15в): 1) можно сказать, что в квартире часто

менялись люди, **потому что [повсюду была]** грязь. 2) Поскольку **грязь была повсюду**, мы всё долго мыли, отмывали. По всей видимости, во французском языке, связь предложения бытийного типа с контекстом слева не позволяет использовать НП, как мы видим из варианта перевода (6). Возможность чередования временных референциалов появляется, если мы распространяем НП именными группами:

15. *Грязь, пыль, вонь!* Несколько дней мыли всё, отмывали.

15а. *Ø Saleté, poussière, puanteur! Nous avons mis plusieurs jours à tout laver.*

Нулевой артикль становится возможным благодаря функции перечисления характеристик, типичных для «проходных» квартир (см. 3.1).

Выводы

Контрастивный анализ НП позволил нам увидеть, что тип связи НП разных семантических типов (назывные, бытийные, событийные и атрибутивные) с контекстом может быть маркирован при переводе на французский язык артиклем, в том числе и его нулевой формой. Использование нулевого артикля в НП имеет, как мы выяснили в результате анализа нашего корпуса, свои ограничения, которые можно объяснить, во-первых, организацией временных форм в контексте справа и слева от НП, а во-вторых, типом семантической связи, которую устанавливает НП с контекстом. Итак, НП со связью атрибутивного типа с оценочной модальностью, могут передаваться при переводе на французский нулевым артиклем, что обеспечивает тесную связь с контекстом; так, нулевой артикль позволяет воссоздать диалоговую связь между НП модальной оценки (*Mensonge! Erreur!*) и его имплицитным субъектом, тогда как определенный и неопределенный артикль создает временной разрыв НП с контекстом. В свою очередь, НП событийного типа могут передаваться в переводе НП как с артиклем, так и с его нулевой формой, создавая при этом соответственно эффект «замедления» или «ускорения» нарратива; по всей видимости, релевантен также критерий продолжительности события и его итеративности, маркируемой нулевой формой артикля, а также имперфектом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
2. Валгина Н.С. Современный русский язык и синтаксис. М., 2003.
3. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
4. Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика. М., 1990.
5. Цейтлин Н.С. Субстантивные предложения в современном русском языке и их темпоральная характеристика. Л., 1972.

6. Artyushkina O. *L'écriture polyphonique et dialogique : une tentative de formalisation linguistique. L'exemple de la prose de Jurij Trifonov, Irina Grekova et Vasilij Šukšin*, habilitation à diriger des recherches, Université Jean Moulin, Lyon 3, 2019.
7. Anscombe J.-C. L'article zéro en français: un imparfait du substantif ? // *Langue française*, n°72, 1986. C. 4–39.
8. Desclés, J.-P., Guéntcheva Z. Référentiels aspecto-temporels : une approche cognitive appliquée au français / Neveu F. et al., Congrès Mondial de Linguistique Française, 2010. C. 1675–1696.
9. Ernoul C. Aux traducteurs de poésie et à leurs très rares éditeurs / *Translittérature*, n°3, 1992. C. 39–42.
10. Flament D. *Linguistique et enseignement du FLE : De la théorie à la pratique. Le cas de l'article zéro et de l'interrogation*, видео-запись семинара. URL: <https://cel.univ-lyon3.fr/seminaire-diffusion-du-12e-seminaire-aperco-du-cel-du-15-fevrier-2018>
11. Grevisse M. *Précis de grammaire française*, Duculot (28e édition) Paris, 1969.
12. Lefeuve F. La phrase averbale en français, L'Harmattan, 1999. halshs-03145392
13. Lefeuve F. Les nominalisations prédicatives en discours // *Le Français Moderne — Revue de linguistique Française*, CILF (conseil international de la langue française), 2014.
14. Roudet R. 1992. Les propositions nominales // *Linguistique et slavistique: mélanges offerts à Paul Garde*, dir. M. Guiraud-Weber et Ch. Zaremba, Aix-en-Provence, PUP, 1992. C. 43–57.

REFERENCES

1. Arutjunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl* [The sentence and its meaning]. Nauka, Moscow, 1976.
2. Valgina N.S. *Sovremennyyi russkij yazyk i sintaksis* [Modern Russian language and syntax]. Vysshaya shkola, Moscow, 2003.
3. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Moscow, 1980.
4. Seliverstova O.N. *Kontrastivnaya sintaksicheskaya semantika* [Contrastive syntactic semantics]. Nauka, Moscow, 1990.
5. Cejtin N.S. *Substantivnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke i ikh temporal'naja kharakteristika*. [Substantive sentences in contemporary Russian and their temporal characteristics] Leningrad, 1972.
6. Artyushkina O. *L'écriture polyphonique et dialogique: une tentative de formalisation linguistique. L'exemple de la prose de Jurij Trifonov, Irina Grekova et Vasilij Šukšin* [Polyphonic and dialogic writing: an attempt at linguistic formalisation. A study of the prose of Jurij Trifonov, Irina Grekova and Vasilij Shukshin], 2019.
7. Anscombe J.-C. L'article zéro en français: un imparfait du substantif? *Langue française*, n°72, 1986, pp. 4–39.
8. Desclés, J.-P., Guéntcheva Z. Référentiels aspecto-temporels: une approche cognitive appliquée au français [Aspecto-temporal referents: a cognitive approach applied to French]. Neveu F. et al., Congrès Mondial de Linguistique Française, 2010, pp. 1675–1696.
9. Ernoul C. Aux traducteurs de poésie et à leurs très rares éditeurs. [To the translators of poetry and their very few publishers] *Translittérature*, n°3, 1992, pp. 39–42.
10. Flament D. *Linguistique et enseignement du FLE: De la théorie à la pratique. Le cas de l'article zéro et de l'interrogation*. [Linguistics and the Teaching of EFL: from theory to practice. The case of the zero article and interrogation], video recording of the workshop; <https://cel.univ-lyon3.fr/seminaire-diffusion-du-12e-seminaire-aperco-du-cel-du-15-fevrier-2018>.

11. Grevisse M. *Précis de grammaire française*, Duculot (28e édition) Paris, 1969.
12. Lefeuve F. *La phrase averbale en français* [The averbal sentence in French], L'Harmattan, 1999.
13. Lefeuve F. Les nominalisations prédicatives en discours [Predicative nominalisations in discourse] *Le Français Moderne — Revue de linguistique Française*, 2014.
14. Roudet R. Les propositions nominales [Nominal sentences] *Linguistique et slavistique: mélanges offerts à Paul Garde*, Aix-en-Provence, PUP, 1992, pp. 43–57.

Поступила в редакцию 12.08.2022;
принята к публикации 15.10.2022;
отредактирована 20.10.2022

Received 12.08.2022;
accepted 15.10.2022;
revised 20.10.2022

ОБ АВТОРЕ

Артюшкина Ольга Валериевна — доцент отделения славянских языков факультета иностранных языков университета Жан Мулен Лион 3; olga.artyushkina@univ-lyon3.fr

ABOUT THE AUTHOR

Olga Artyushkina — PhD, Associate Professor, Department of Slavic languages, Faculty of Foreign Languages, University Jean Moulin Lyon 3; olga.artyushkina@univ-lyon3.fr

РУССКОЕ УЖЕ И ИТАЛЬЯНСКОЕ GIÀ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА

А. Бонола

Миланский католический университет, Италия; abonola@gmail.com

Аннотация: В настоящей работе предлагается корпусное исследование итальянского *già* и русского *уже* на основе двунаправленного итальянско-русского параллельного корпуса в НКРЯ. Наша цель — создать сопоставительный портрет и выделить возможные лингвоспецифические функции этих лингвистических ТАМ-маркеров, в которых присутствуют темпоральность, аспектуальность и модальность.

Кроме фазово-временного значения выделяются разные модальные значения, касающиеся предположений, общих знаний и различных степеней ожиданий; перечисляются процессы семантического расширения, интенсификация, фокусирование и некоторые метатекстуальные функции.

Среди результатов выделяется уменьшение модального компонента при переходе с русского на итальянский.

Ключевые слова: *уже, già*; ТАМ-маркеры; сопоставительный анализ; русский язык; итальянский язык

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-46-57

Для цитирования: Бонола А. Русское уже и итальянское già: сопоставительный анализ на основе параллельного корпуса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 46–57.

RUSSIAN UZHE AND ITALIAN GIÀ: A CONTRASTIVE ANALYSIS BASED ON A PARALLEL CORPUS

A. Bonola

Catholic University of Milan; abonola@gmail.com

Abstract: This paper proposes a corpus study of Italian *già* and Russian *uzhe* on the basis of the bidirectional Italian-Russian parallel corpus within the Russian National Corpus (RNC). Our aim is to create a contrastive description and to highlight language-specific functions of these linguistic TAM markers, in which temporality, aspectuality and modality are present. In addition to temporality, we highlighted modal meanings of presupposition, shared knowledge and varying degrees of expectation; we also outlined the processes of semantic expansion, intensification, focusing and metatextual functions. The findings include a reduction in the modal component in the translations from Russian into Italian.

Key words: *uzhe, già*; TAM markers; contrastive analysis; Italian language; Russian language

For citation: Bonola A. (2022) Russian already and Italian già: a contrastive analysis based on a parallel corpus. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 46–57.

В настоящей работе предлагается корпусное исследование итальянского *già*¹ и русского *уже* на основе двунаправленного итальянско-русского параллельного корпуса в НКРЯ (URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=ita>). Наша цель — создать сопоставительный портрет и выделить возможные лингвоспецифические функции этих лингвистических маркеров, традиционно классифицируемых как временные наречия и описываемых лексикографией как переводные эквиваленты.

Современные лингвистические исследования указывают, что и *già*, и *уже* являются ТАМ-маркерами [см., например: Van der Auwera, J., H. Filip, 2008], т.е. элементами, в которых присутствуют темпоральность, аспектуальность и модальность.

Что касается *già*, обширное исследование К. Баццанеллы, изучившей частицу как в диахроническом, так и в синхроническом плане, сопоставляет ее с аналогичными лексемами в других романских языках и показывает, что модальные значения присутствуют уже в диахроническом предке итальянского *già*, т.е. в латинском *iam* и сохраняются в сардинском, испанском и португальском, а также во французском и итальянском, тогда как в румынском они отсутствуют [Bazzanella et al., 2005].

В свою очередь, Е.В. Падучева включила русское *уже* в число слов, «у которых презумпцией описывается все их значение или основная часть значения. Это, например, слова *даже, тоже, еще, уже, опять* и многие другие. Рассмотрим фразу (3) *Ребенок уже уснул*. Одно из ее пониманий: ‘а) Ребенок должен был уснуть; б) Он уснул’, причем компонент ‘Ребенок должен был уснуть’, соответствующий значению слова *уже*, — презумпция» [Падучева, 1977: 109].

В [Шимчук, Щур, 1999] *уже* толкуется так: «Указывает на событие, которое произошло или произойдет раньше, чем ожидал говорящий» как, например, в фразе «Брат уже спит». Это значит, что *уже* предполагает не только фазу, предшествующую настоящей (когда брат ещё не спал), но и ожидание, т.е. *уже* сигнализирует о том, что событие происходит раньше или позже, чем ожидалось, и поэтому является неожиданным. Отсюда ряд модальных значений с разными прагматическими функциями, как мы будем показывать в нашей работе.

¹ От лат. *iam* происходят в романских языках *già* (в итальянском), *già, ja(i), za(i), ge(i), giai* (в сардинском), *dejà* (во французском), *ya* (в испанском), *já* (в португальском) и *deja* (в румынском).

Далее перечислим основные функции маркеров *уже* и *già*, иллюстрируя их результатами нашего корпусного исследования: сначала анализируется базовое фазово-временное значение, указывающее на тривиальную шкалу времени, а потом разные модальные значения, когда *уже* и *già* задают шкалу ожиданий говорящего.

1. Фазово-временное значение

Già и *уже* прежде всего являются темпоральными фазовыми наречиями, указывающими на переход между фазами существования и продолжения состояния или процесса, обозначаемых глаголом [Auwera, 98: 25], т.е. на «разнообразие временных плоскостей и ступенчатость длительности по отношению к ‘предшествованию’» [Bazzanella, 2005: 51–52].

Актантная структура этого типа значения объясняется И.М. Богуславским [1996: 532] так:

Уже (P, t) =

- (а) ‘в течение определенного времени ситуация P [‘Он спит’] не имела места’
 - (б) ‘можно было ожидать, что в момент t [в данном случае: ‘момент речи’] она будет продолжать не иметь места’;
 - (в) ‘ситуация P начала иметь место в t или раньше и сохраняется в t’
- (1) Он *уже* спит.

В случае примера (1) *уже* имеет фазово-временное значение.

В фазово-временном значении *уже* и *già* — переводческие эквиваленты, как показывают примеры из параллельного корпуса с оригиналами как на итальянском, так и на русском языке²:

- (2) E io ti dico che Dio vuole che ci siano, e certo son *già* nella sua mente [...].
(Umberto Eco, *Il nome della rosa*, 1980.)

Я скажу тебе: Господу угодно, чтобы были они, и истинно *уже* существуют они в Его помысле [...].

При настоящем времени глагола в (2) время события *t* предшествует моменту высказывания и продолжается в настоящем, а в прошедшем времени (3) фазово-темпоральное наречие *уже* или *già* указывает на событие или состояние в момент времени *t*, предшествующий относительно времени *t1*.

- (3) Trascorsi che furono sei mesi (t1) — *già* avevamo varcato i monti Fasani — l’intervallo fra un arrivo e l’altro dei messaggeri aumentò a ben quattro mesi.
(Dino Buzzati, *I sette messaggeri*, 1942.)

Так прошло полгода (t1) — мы *уже* перевалили Фазаньи горы, — и интервал между прибытием гонцов увеличился до четырех месяцев.

² При отсутствии значительной разницы, зависящей от направления параллельного корпуса (ру.-ит. или ит.-ру.), будем цитировать только один пример для каждого типа употребления.

При отрицательных высказываниях русское *уже* соответствует итальянским *più* или *ormai*:

(4) Я *уже* и вообразить себе не могу, как воспринимается Пушкин без этого фона. (Лидия Чуковская, *Записки об Анне Ахматовой*, 1976.)

Non riesco neanche *più* a immaginarmi come si possa comprendere Puškin fuori da questo contesto.

Фазово-временное употребление обнаруживает и аспектуальный компонент этих ТАМ-маркеров: в (5) из-за маркера *già* итальянское прошедшее время (*passato prossimo*) является результативным, в то время как в русском языке результативное значение выражается совершенным видом глагола, а *уже* просто усиливает результативность.

(5) Studia moltissimo, vorrebbe diventare dottoressa: ma mia madre l'ha *già* *fidanzata* con il fratello minore del cugino che avrei dovuto sposare io [...].
(Francesca Caferrì, *Le musulmane a testa bassa, sospese tra due mondi // La Repubblica*, 2018.)

Она очень много учится, хочет окончить университет, но мать *уже* обручила ее с младшим братом того кузена, за которого должна была выйти замуж я [...].

С другой стороны, когда в русском тексте имеется несовершенный вид, то он может выражать общефактическое значение (6):

(6) Я *уже* тебе писала, что стараюсь заниматься все время до предела [...].
(Виктор Ерофеев, *Хороший Сталин*, 2004.)

Ti ho *già* scritto che mi sforzo di essere sempre impegnata al massimo [...].

2. Модальное значение

Разнообразие временных плоскостей, вводимых с помощью *già* и *уже*, вызывает различные степени ожиданий, предположений, общих знаний [Bazzanella, 2005: 52], на основе которых образуются разные модальные значения, в особенности при употреблении настоящего времени, как, например, в высказывании «Sono *già* le 8» (*уже* 8 часов). Время высказывания и состояния совпадают, и *уже* или *già* относятся к контрасту между ожидаемым (предполагаемым) и реальным временем и к соответствующей реакции говорящего (например удивлению или раздражению).

Несовпадение между ожиданием и реальностью встречается и в прошедшем времени:

(7) Сэм *уже* передвигался сам, слегка пошатываясь и поправляя очки, на одном из стекол которых успела появиться трещина. (Виктор Пелевин, *Жизнь насекомых*, 1993.)

Sam riusciva *già* a muoversi da solo: barcollava leggermente mentre si aggiustava gli occhiali con una lente incrinata.

В (7) думали, что Сэм не передвигается, а он передвигался.

Е.В. Урысон [Урысон, 2007] предлагает анализ актантной структуры примеров, получающих не темпоральную интерпретацию³ и в которых обычно имеется трехактантный *уже*.

Высказывание

(8) Он уже написал две главы

можно толковать темпорально, т.е. без контрастного выделения обстоятельства; тогда нет указаний на шкалу, и событие Р противопоставлено событию не Р.

Наоборот, «не темпоральное толкование задает шкалу последовательных событий: ожидалось, что в описываемый момент он напишет меньше двух глав. *Уже* задает шкалу ожиданий. При трехактантном *уже* на синтаксическом уровне *уже* относится к зависимому (х) предиката Р (к дополнению или обстоятельству) и обычно стоит перед зависимым предиката или перед предикатом, если он выделяется контрастным ударением: Он уже написал ↓ две главы» [Урысон, 2007: 533].

Ссылаясь на Богуславского [Богуславский, 1996: 534], Урысон заключает, что двухактантное *уже* указывает на тривиальную шкалу времени: событие произошло в момент времени *t*, более ранний, чем ожидалось, а трехактантное *уже* указывает на события, последовательно расположенные на шкале времени.

Таким образом, последовательность вводит градацию и, следовательно, ожидание, по отношению к которому *уже* или *già* сигнализируют преждевременность.

Приводим пример трехактантного *уже* вышеуказанного типа из нашего корпуса:

(9) Среди либералов было много выпивших *уже* на первом заседании. (Сергей Довлатов. *Филиал*, 1987)

Tra i liberali molti erano ubriachi *già* alla prima seduta.

3. Процессы семантического расширения

Анализ следующей группы примеров касается сферы модальности в широком смысле слова. В самом деле, фазовые значения в результате процессов семантического расширения приводят к развитию вторичных значений и прагматических эффектов. Вследствие этого темпоральная интерпретация ослабляется пресуппозициями,

³ Не темпоральные интерпретации характеризуют в особенности вариант *уж*. Как и Урысон, Левонтина приводит к заключению, что *уж* выражает идею превышения ожиданий, «вводит некую шкалу, относительно которой элементы множества упорядочены таким образом, что один из них занимает на шкале крайнее положение и обладает каким-то свойством большей степени»: *Уж я-то это знаю vs. Я-то это знаю* значит, что: «Другие, возможно, знают тоже, но обо мне это можно сказать совершенно точно [...]» [Левонтина, 2008: 307].

касающимися физического или даже концептуального пространства [Бениньи, 2020: 139–141].

Например, фазовое изменение можно интерпретировать пространственно, как изменение условий действия (не только времени, но и места):

(10) Poco sotto di lui, i campi illuminati del Country Club, già su territorio [...] (Giorgio Faletti, *Io uccido*, 2002.)

Чуть ниже его дома, уже на территории Княжества [...] виднелись освещенные площадки «Кантри клуба» [...].

Расширение может быть также на концептуальном уровне [Бениньи, 2021]:

(11) Сегодня средний возраст материнства, по данным Росстата, 28,4 года — пусть уже не юность, но однозначно пока еще молодость. (Мария Глушенкова. *Последний оплот демографии. Когда россияне становятся родителями* // *Коммерсантъ*, 2018.)

Oggi, secondo i dati di Rosstat, l'età media in cui si diventa madri è 28, 4 anni: non proprio l'adolescenza, quindi, ma in ogni caso un'età ancora giovane.

В этом случае в нашем корпусе выделяется некая асимметрия, потому что при этом типе семантического расширения русский *уже* переводится не итальянским *già* а *proprio* (см. Пример 11), и в некоторых случаях ничем не переводится.

Случаи концептуального семантического расширения совпадают с описанием русского *уже/уж* с метатекстовой (т.е. сформированной в предтексте) семантикой и шкалой, когда «ожидание касается не времени, а характеристик объекта или роли объекта в описываемой ситуации» [Урысон, 2007: 536], как в высказывании: «Это *уж/уже* не простенькая дорожка на пол, а ковер на стену».

В целом можно сказать, что семантически расширенные употребления *già* и *уже* имеют конвенциональные импликатуры, и их функция — вызывать инференции, такие как «быстрота», «внезапность», «неизбежность», «временная отдаленность» и другие. В таких случаях на уровне перевода мы чаще всего наблюдаем асимметрию переводческих эквивалентов, т.е. пропуски оригинального маркера в переводном тексте или прибавление в переводе отсутствующего в оригинале маркера. В рамках такой асимметрии понимается и употребление в переводе специализированных элементов: синтаксических оборотов (*stare per* для выражения предстоящих действий), наречий вроде итальянского *sin* (для выражения временной отдаленности) или русского *ранее* (для выражения предшествования или преждевременности) и некоторых других (см. § 6). Приводим несколько примеров инференциального *уже* или *già* из нашего корпуса.

— Быстрота

- (12) L'organo espantato si pulisce pompando via tutto il sangue e se possibile si impianta entro un'ora. (Sara Lucaroni. *I migranti per fuggire si vendono gli organi: ecco come funziona la tratta dell'orrore*//L'Espresso, 2018.)

Трансплантируемый орган очищается, из него выкачивают всю кровь и, если это возможно, через час уже пересаживают.

— Предстоящее действие или состояние

- (13) La gatta fece per slanciarsi, poi considerò che erano in tre, e che erano molto più grandi di lei. (Bianca Pitzorno. *La casa sull'albero*, 1977.)

Кошка выгнула спину и хотела уже броситься на них, но потом сообразила, что аистов трое и к тому же они намного больше ее.

— Преждевременность

- (14) Ma forse in questo tsimtsum, in questo ritiro, in questa solitudine, diceva Diotallevi, c'era già la promessa del tiqqun, la promessa del ritorno. (U. Eco, *Il pendolo di Foucault*, 1988.)

Однако, может быть, и в том tsimtsum, в том уединении, в одиночестве уже содержалось, как утверждал Диоталлеви, обещание возврата.

— Необратимость

- (15) “Le rotaie debbono passare di lì, non c'è niente da fare” spiegò a mia madre. (Giovannino Guareschi. *Mondo Piccolo*, 1948–1953.)

— Рельсы пройдут тут, с этим уже ничего не поделаешь, — сказал он матери.

При отрицании инференция необратимости вызывается итальянским *più*, в то время как в русском тексте употребляется каноническое *уже*. Это подтверждается тем, что, если в итальянском тексте вместе с *più* использовано и *già*, тогда последнее выражает исключительно преждевременность события по отношению к ожиданию говорящего:

- (16) — А что, они рано закрывают сегодня? — За мной уже не пускали. —
Надо же...

(В.Г. Сорокин. *Очередь*, 1985.)

— Perché, oggi chiudono presto? — Dopo di me già non facevano più entrare. — Pur ci vuole...

Среди случаев асимметричности русского и итальянского языков надо отметить и *ormai* — это специализированный маркер для вызывания инференции «необратимости» и «опоздания», в то время как русское *уже* является более многозначным, вызывая и инференцию «преждевременности»:

- (17) По мнению Х. Роте, именно это обстоятельство обусловило в 1648 г. выход «Книги о вере», которая [...] представляла собой уже разновидность религиозного учебника. (Наталья Гурьянова. *Эсхатология Реформации в русском историческом процессе в XVII в.*, 2011.)

Secondo Hans Rothe, fu appunto questa circostanza a far sì che nel 1648 si pubblicasse il “Libro sulla fede”, [...] che aveva *ormai* tutte le caratteristiche di un manuale dottrinale.

— Временная отдаленность

Кроме возможности использовать неспециализированные слова *уже/già*, в итальянском тексте инференция временной отдалённости вызывается маркером *sin* (18), а в русском *еще* (19).

(18) Sulla stampa la discussione era stata aperta *sin* dal 1962. (Giuseppe Boffa. *Dall'URSS alla Russia, storia di una crisi non finita*, 1995.)

Обсуждение в печати началось *уже* с 1962 года.

(19) *Già* da piccola, Alison non amava i vestiti lunghi. (Francesca Caferra, *Le musulmane a testa bassa, sospese tra due mondi // La Repubblica* 2018.)

Еще маленькой девочкой Алисон не любила носить длинную одежду.

Что касается разницы между *ещё* и *уже*, по мнению Э. Шимчук и М. Щур, оба слова обозначают преждевременность события или состояния по отношению к ожиданию говорящего, но при употреблении *ещё*, время события не образует единого целого с тем временем, в котором мыслит себя говорящий, а при употреблении *уже* время события воспринимается как образующее единое целое с тем временем, в котором мыслит себя говорящий. [Шимчук, Щур, 1999: 62, 133]. От этого при употреблении *ещё* происходит инференция временной отдаленности событий.

В (20) такой оттенок теряется в итальянском переводе русского *еще* итальянским *già*:

(20) Сами лондонцы уже привыкли к большому наплыву индусов (первую индуску я увидела *ещё* в аэропорту на паспортном контроле [...]). (Сусанна Альперина. *Лондонская волчица // Российская газета*, 2006.)

Gli stessi londinesi sono già abituati a una grande affluenza di indiani (il primo indiano l'ho visto *già* in aeroporto al controllo passaporti).

4. Интенсификация и фокусирование

Среди случаев семантического расширения особенно часто встречаются интенсификация и фокусирование. Ушаков в своем словаре пишет, что *уже* является «усилительной частицей», и это правда, когда сфера действия не на предикате; но понятие «усиление» требует дальнейшей разработки.

Точное сопоставительное описание *già* и *уже* как интенсификаторов и фокализаторов можно найти в [Бениньи, 2020], где детально анализируются некоторые конструкции типа [x COP *уже/già* Y]: «Но всё это уже подробности» [Бениньи, 2020: 142].

Существенным является различие между функцией интенсификатора (касающегося семантико-пропозиционального уровня) и

функцией фокализатора (действующего на метадискурсивном уровне) [Бениньи, 2020: 138].

Приведем пример интенсификации при наличии *уже* и *già*, где говорящий считает, что Р — это много.

(21) На радио я сотрудничаю уже десять лет. (Сергей Довлатов. *Филиал*, 1987.)

Collaboro con la stazione radio *già* da dieci anni.

В (21) количество лет больше, чем ожидается.

Интенсификация и фокализация отмечаются и в [Урысон, 2007] при описании трехактантного *уже* следующим образом: «Можно было ожидать, что объект Х не обладает признаком Р; объект Х обладает признаком Р; говорящий это подчеркивает»: Это *уже* прогресс.

5. Метатекстуальные функции

Типическая для итальянского *già* функция — метатекстуальное маркирование начала повествования в сочетании с употреблением имперфекта. И эта функция выполняется русским *уже*:

(22) Солнце *уже* шло на закат, в Нью-Джерси, свет косил из окна прямо на Алика, и он жмурился. (Людмила Улицкая. *Веселье похороны*, 1997.)

Il sole *andava già* a tramontare nel New Jersey, la luce dalla finestra cadeva obliqua proprio su Alik, e lui strizzava gli occhi.

Итальянское *già* может выполнять метатекстуальную функцию маркирования начала рассказа вместе с вызыванием инференции дальновременности (как *Жили-были* в русском языке): “In Firenze fu *già* un giovane chiamato Federigo...” (*Жил-был* во Флоренции молодой человек именем Федериги...). У русского *уже* нет аналогичной функции.

При метатекстуальной функции ссылка на заданную информацию *già* может находиться перед прилагательным или существительным. Такое употребление есть и у русского *уже*:

(23) [...] *уже* известный читателю капот. (Николай Гоголь. *Шинель*, 1842.)

La *già* nota al lettore vestaglia.

Перед существительным *già* обозначает или покойного человека, или его прежний, не актуальный в момент речи статус. В таких случаях переводческая симметрия *già-уже* нарушается: Figlio del *già* Mario Bianchi» (сын *покойного* Марио Бианки), “Il *già* direttore” (*бывший* директор).

Употребление маркера *già* в качестве слова-предложения в начале реплики — исключительно итальянское. В таких случаях *già* подтверждает то, что утверждалось собеседником. Русскими эквивалентами *già* являются тогда выражения как *право же, так, в самом деле, действительно* и т.д.

(24) — А те еще копаются, выбирают. — Так... — совсем ни с места... (В.Г. Сорокин. *Очередь*, 1985)

— E quelli pure frugano, scelgono. — Già... e non si fa un passo avanti...

6. Итоги

В заключение резюмируем данные, собранные на основе параллельного корпуса.

Исследование велось на материале итальянско-русского подкорпуса в НКРЯ, объемом 78 документов, 3 937 019 слов. Слово *уже* искалось в русском оригинале (найдено 69 документов, 3 984 вхождения) и в русском переводе итальянского оригинала (43 документа, 1 017 вхождений). Такое же исследование велось для итальянского *già*, сначала в итальянском оригинале (43 документа, 637 вхождений.) и затем в итальянском переводе русского оригинала (69 документов, 3 721 вхождение). Анализировались первые 200 вхождений в каждом подкорпусе. Здесь подведем только синтетические итоги, без статистической информации.

По отношению к фазово-временным значениям существует функциональная симметрия между *уже* и *già*, которая отражается в практике перевода, т.е. фазово-темпоральному *уже* чаще всего соответствует итальянское *già*, и наоборот.

Что касается нетемпоральных употреблений, в переводах с итальянского на русский в значительной мере прибавляется *уже* с модальным значением, при отсутствии *già* в итальянском тексте; притом только в некоторых случаях это объясняется наличием в итальянском оригинале маркированных конструкций типа “è da... che” (*уже* X..., как), с усилительным значением.

Пропуски итальянского *già* в русском языке (51 из 200) в основном связаны с языковым системным фактором, т.е. с присутствием результативного совершенного вида, отсутствующего в итальянском языке; благодаря совершенному виду употребление результативного *уже* в русском тексте является лишним. С другой стороны, в итальянском переводе русское *уже* опущено 63 раза из 200 вхождений, и из этих пропусков только 10% касаются фазово-темпоральных значений, а остальные распределены по нетемпоральным модальным значениям, из которых около 50% — интенсификаторы, а остальные — экстенсионалы или метадискурсивы. Это значит, что при переходе с русского на итальянский модальный компонент текста снижается и только на небольшое количество вхождений может влиять и личный стиль переводчика.

Это согласуется с тем, что в переводах итальянских оригиналов на русский часто добавляется *уже*: 79 раз из 200 вхождений, почти всегда с нетемпоральным значением, за исключением 13 результативных употреблений, где *уже* усиливает результативность совершенного вида.

В некоторых случаях переводческая симметрия уже — *già/più* нарушается употреблением других языковых единиц. Эти случаи объясняются, с одной стороны, полифункциональностью маркеров *уже*, *già* и, с другой стороны, присутствием итальянских и русских специализированных слов, передающих только отдельные значения широкой полисемии *уже* и *già*, относящиеся в большинстве случаев к семантическому расширению основного, фазово-временного значения.

Инференции неожиданности, быстроты и удивления передаются русскими словами *вдруг*, *сразу*, и итальянским *subito*; временная отдаленность и преждевременность — русскими *впереди*, *бывало*, *до сих пор*, *заранее*, *ещё*, и *прежде*, как *было*, *ранее*, с + род. п.); итальянским *sin* передаётся только временная отдалённость.

С функцией интенсификаторов и фокализаторов в нашем корпусе встретились русские: *более чем*, *добрых*, *же*, *и*, *и без того*, *к тому же*, *мало того*, а для итальянского языка — *proprio*, *certo*, *almeno*, *anche*, *e*.

Следующие русские частицы и дискурсивные слова передают итальянское *già* в функции подтверждения, отсутствующей среди функций русского *уже*: *ага*, *да*, *действительно*, *ишь*, *как же*.

Самый неожиданный результат нашего корпусного исследования — это уменьшение модального компонента при переходе с русского на итальянский. Можно предположить, что объяснением этого факта может служить большее значение маркированного синтаксиса для выражения модальных функций в итальянских текстах, в то время как в русском тексте они передаются частицей *уже*. Некоторые примеры нашлись в нашем корпусе, но для статистического подтверждения такого объяснения нужно провести исследование на материале значительно большего объема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
2. Левонтина И.Б. Загадки частицы *уж* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2008. № 7 (14). С. 306–310.
3. Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. 1977. № 8. С. 91–124.
4. Урысон Е.Б. Уже и уж: вариативность, полисемия, омонимия? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог 2007». М., 2007.
5. Шимчук Э., Шур М. Словарь русских частиц. Берлин, 1999.
6. Bazzanella C., Bosco C., Calaresu E., Garcea A., Guil P., Radulescu A. Dal latino *iam* agli esiti nelle lingue romanze: verso una configurazione pragmatica complessiva // Cuadernos de Filología Italiana. 2005. 12. P. 49–82.
7. Benigni V. Èto uže meloči, da avverbio fasale a intensificatore. Il caso di *uže* // Studi Slavistici. 2020. 17/2. P.131–155.

8. Squartini M. The pragmaticalization of *already* in Romance: From discourse grammar to illocution. // *Discourse and Pragmatic Markers from Latin to the Roman Languages*. C. Ghezzi, P. Molinelli (eds.), Oxford, 2014.
9. Van der Auwera J. Phasal adverbials in the languages of Europe // J. van der Auwera, Ó. Baoil, D.P. (eds.) *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin, 1998.
10. Van der Auwera, J., Filip H. (Tense), aspect, mood and modality: An imperfect 2008 state of the art report // *Unity and diversity of languages*. P. van Sterkenburg (ed.). Amsterdam, 2008.

REFERENCES

1. Boguslavskiy I.M. *Sfyera deystviya leksicheskikh edinits*. [The scope of lexical units] Moscow, 1996.
2. Levontina I.B. Zagadki chastitsy *uzh* [Mysteries of the particle *uzh*]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii*. 2008. № 7 (14). С. 306–310.
3. Paducheva E.B. Ponyatiye prezumptsii v lingvisticheskoy semantike [The concept of presupposition in linguistic semantics]. *Semiotika i informatika*. 1977. № 8. С. 91–124.
4. Uryson E.B. Uzhe i uzh: variativnost, polisemiya, omonimiya? [Uzhe and uzh: variability, polysemy, homonymy]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2007"*. Moscow, 2007.
5. Shimchuk È., Shchur M. *Slovar russkikh chastits* [Dictionary of Russian particles]. Berlin, 1999.
6. Bazzanella C., Bosco C., Calaresu E., Garcea A., Guil P., Radulescu A. Dal latino iam agli esiti nelle lingue romanze: verso una configurazione pragmatica complessiva. *Cuadernos de Filologia Italiana*. 2005. 12. P. 49–82.
7. Benigni V. Èto uže meloči, da avverbio fasale a intensificatore. Il caso di uže. *Studi Slavistici*. 2020. 17/2, P.131–155.
8. Squartini M. The pragmaticalization of *already* in Romance: From discourse grammar to illocution. *Discourse and Pragmatic Markers from Latin to the Roman Languages*. C. Ghezzi, P. Molinelli (eds.), Oxford, 2014.
9. Van der Auwera J. Phasal adverbials in the languages of Europe. *Adverbial constructions in the languages of Europe*. J. van der Auwera, Ó. Baoil, D.P. (eds.). Berlin, 1998.
10. Van der Auwera, J., Filip H. (Tense), aspect, mood and modality: An imperfect 2008 state of the art report // *Unity and diversity of languages*. P. van Sterkenburg (ed.). Amsterdam, 2008.

Поступила в редакцию 20.08.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Отредактирована 25.10.2022

Received 20.08.2022

Accepted 11.10.2022

Revised 25.10.2022

ОБ АВТОРЕ

Бонола Анна — доктор наук, профессор славистики, факультет иностранных языков и литературы, Миланский католический университет; abonola@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Anna Bonola — PhD, Professor of Slavic Studies, Department of Foreign Languages and Literature, Catholic University of Milan; abonola@gmail.com

СТАТЬИ

ЕСТЬ ЛИ СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ? ЧАСТЬ 2: МАЛЫЕ КЛАУЗЫ

Е.А. Лютикова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Междисциплинарная научно-образовательная школа Московского
университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект»,
Москва, Россия; lyutikova2008@gmail.com*

Аннотация: В статье предлагается анализ с подъемом для целого ряда конструкций, имеющих в своей основе неглагольную предикацию, а именно: (1) конструкции с составным именным сказуемым; (2) конструкции с переходными глаголами мнения; (3) конструкции с переходными глаголами восприятия; (4) конструкции с переходными глаголами каузации и параметрической диатезой. Все эти конструкции объединяет тот факт, что матричный предикат обладает способностью присоединять в качестве внутреннего аргумента малую клаузу. Подлежащее малой клаузы получает структурный падеж в матричной клаузе и обладает всеми структурными характеристиками подлежащего / прямого дополнения матричной клаузы, что является синтаксическим свидетельством подъема. Специфика подъема в русском языке, таким образом, состоит в том, что он ограничен малыми клаузами.

Ключевые слова: подъем; именное сказуемое; малая клауза; русский язык
doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-58-74

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 22-18-00037 (МГУ имени М.В. Ломоносова).

Для цитирования: Лютикова Е.А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 2: Малые клаузы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 58–74.

DOES RUSSIAN ATTEST SYNTACTIC RAISING? PART 2: SMALL CLAUSES

Ekaterina Lyutikova

*Lomonosov Moscow State University; Interdisciplinary Scientific and Educational
School of Moscow University “Brain, Cognitive Systems, Artificial Intelligence”,
Moscow, Russia; lyutikova2008@gmail.com*

Abstract: I propose a raising analysis for a number of Russian constructions based on non-verbal predication: (1) constructions with nominal predicates and

semi-lexical verbs; (2) constructions with transitive attitude verbs; (3) constructions with transitive perception verbs; (4) constructions with transitive causative verbs. What they all have in common is that their predicate can take a small clause as an internal argument. The small clause's subject is assigned structural case in the matrix clause and attests all structural properties of the matrix subject / direct object, which signals raising. The peculiarity of raising in Russian is thus its restriction to small clauses.

Key words: raising; predicate nominals; small clauses; Russian

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation, RSF project # 22-18-00037 (Lomonosov Moscow State University).

For citation: Lyutikova E.A. (2022) Does Russian attest syntactic raising? Part 2: Small clauses. *Moscow University Philology Bulletin*, No. 6, pp. 58–74.

1. Введение

В первой части работы [Лютикова, 2022] был рассмотрен вопрос о существовании в русском языке конструкций с подъемом аргумента из инфинитивных клауз, аналогичных подъемным конструкциям английского языка. Было показано, что русские инфинитивные конструкции с модальными и фазовыми предикатами в тех употреблениях, которые семантически сходны с подъемом, представляют собой примеры функционального реструктурирования [Wurmbrand, 2001] и тем самым не являются полипредикативными. В этой статье я предложу анализ с подъемом для целого ряда конструкций, имеющих в своей основе неглагольную предикацию. Насколько мне известно, подобный анализ для этих конструкций ранее не предлагался, и само их объединение в единую группу не обсуждалось.

Статья имеет следующую структуру. В разделах 2 и 3 мы рассмотрим различные типы конфигураций, в которых можно усматривать подъем из малых клауз — предикаций с неглагольным сказуемым, и предложим предварительный анализ таких конструкций. Итоги исследования подводятся в разделе 4.

2. Конструкции с составным именным сказуемым

В этом разделе мы обратимся к не-инфинитивным конструкциям, демонстрирующим большое сходство с подъемными конструкциями. В качестве исходной точки обсуждения рассмотрим конструкции с составным именным сказуемым, как они охарактеризованы в грамматиках русского языка [Грамматика, 1960: § 512 и сл.; Русская грамматика, 1980: § 1956]. [Грамматика, 1960] различает три класса конструкций: именные сказуемые со вспомогательными глаголами (*быть, стать*); составные именные сказуемые с полужнаменатель-

ными глаголами, обозначающими проявление и обнаружение признака, а также его изменение во времени (*казаться, оказаться, представляться, сделаться* и др.) и сложные именные сказуемые, где присутствует полнозначительный глагол и именной компонент депиктива (*Он вернулся усталый*). [Русская грамматика, 1980] рассматривает составные именные сказуемые как регулярные реализации структурных схем с именным сказуемым (N_1-N_1 , N_1-Adj_1 полн.ф., N_1-Adj кратк.ф. и нек. др.) с полузнаменательными глаголами из того же списка, что и в Грамматике 1960. В (1) приводятся примеры таких конструкций.

(1) а. N_1-N_1 :

На фронте пацаны-подростки становились сыновьями полка. [НКРЯ]

б. N_1-Adj кратк. ф.:

Рана Швабрина оказалась не смертельна. [НКРЯ]

с. N_1-Adj полн. ф.:

В общем, атмосфера получилась почти семейная. [НКРЯ]

д. N_1-Part кратк. ф.:

Дома казались наскоро построены. [НКРЯ]

е. $N_1-N_2...Adv$:

В Москве, например, географический центр оказался далеко за МКАД ... [НКРЯ]

ф. N_1-Inf :

У него уже традиционная обязанность стала следить за чистотой. [НКРЯ]

г. $N_1-Adv -o$:

А просто бабки — это считалось невозможно. [НКРЯ]

h. $Inf-N_1$:

Выступать на «капичнике» считалось смертельным номером. [НКРЯ]

е. $Inf-Adv -o$:

Но найти такую минуту оказалось непросто. [НКРЯ]

Список структурных схем и список полузнаменательных глаголов задают возможный набор комбинаций, однако не все логически возможные варианты реализуются. [Русская грамматика, 1980] исчисляет приемлемые комбинации полузнаменательных глаголов с определенными структурными схемами, рассматривая возможность определенных комбинаций как специфику структурной схемы. В таблице 1

представлены положительные данные о сочетаемости структурных схем и ползунаменательных глаголов по Русской грамматике (плюсы, выделенные полужирным), а также дополнительные возможные, невозможные и сомнительные комбинации, полученные путем анализа корпусных употреблений и интроспекцией (символы +, -, ?).

Таблица 1

Регулярные реализации подлежащно-сказуемостных структурных схем без спрягаемой формы глагола с ползунаменательными глаголами

	С координируемыми компонентами				С некоординируемыми компонентами				
	N_1-N_1	N_1-Adj пф	N_1-Adj кф	N_1-Part кф	$N_1-N_2 \dots Adv$	N_1-Inf	$N_1-Adv-o$	$Inf-N_1$	$Inf-Adv-o$
(быть)	+	+	+	+	+	+	+	+	+
бывать	+	+	+	+	+	+	+	+	+
стать	+	+	+	+	+	+	+	+	+
становиться	+	+	+	+	+	+	+	+	+
делаться	+	+	+	+	+	+	+	+	+
сделаться	+	+	+	+	+	+	+	+	+
считаться	+	+	+	+	+	+	+	+	+
казаться	+	+	+	+	+	?	+	+	+
показаться	+	+	+	+	+	?	+	+	+
оказаться	+	+	+	+	+	+	+	+	+
оказываться	+	+	+	+	+	+	+	+	+
получиться	+	+	+	+	+	+	+	+	+
получаться	+	+	+	+	+	+	+	+	+
выйти	+	+	+	+	+	+	+	?	?
выходить	+	+	+	+	+	+	+	?	?
остаться	+	+	+	+	+	+	+	+	?
оставаться	+	+	+	+	+	+	+	+	?
представляться	+	+	пф	пф	пф	—	пф	+	пф
представиться	+	+	пф	пф	пф	—	пф	+	пф
явиться	+	+	пф	пф	—	—	пф	+	—
являться	+	+	пф	пф	—	—	пф	+	—

Следует также уточнить, что авторы Русской грамматики рассматривают различные формы именного сказуемого (им. п. vs тв. п.) как независимый признак, не влияющий на грамматическую харак-

теристику конструкции¹. Соответственно, противопоставление полузнаменательных глаголов, допускающих и не допускающих варьирование именительного и творительного падежа, утрачивается. Более того, это решение имеет последствия для характеристики таких конструкций, в которых сказуемое структурной схемы неспособно к выражению падежа: это прилагательные и причастия в краткой форме, наречия, предложно-падежные формы существительного, инфинитивы. Если допустить трансформационную связь между краткими и полными формами прилагательных и причастий, а также возможность автоматической трансформации наречий на *-o/-e* в полные прилагательные в контексте, требующем формы тв. п. [Циммерлинг, 2018], то комбинация полузнаменательного глагола типа *являться*, требующего тв. п. именной части, со структурными схемами N_1 -Adj кратк. ф., N_1 -Part кратк. ф., N_1 -Adv-*o*, Inf-Adv-*o* окажется возможной. Если же считать, что тв. п. полных прилагательных в сказуемом возможен только для структурной схемы N_1 -Adj полн. ф., то число возможных комбинаций сокращается. В таблице 1 подобные спорные случаи отмечены как «пф».

Не ставя перед собой задачу подтвердить или опровергнуть выводы авторов Русской грамматики о возможных и невозможных комбинациях, зададим вопрос в другой плоскости: какие именно свойства глагола обеспечивают его включение в класс «полузнаменательных», т.е. отвечают за возможность образования конструкции с именным сказуемым?

Очевидно, что «полузнаменательность», с одной стороны, предполагает наличие определенного лексического значения (в отличие от вспомогательных глаголов / связок, выражающих только финитность конструкции); более того, некоторые глаголы из списка полузнаменательных способны лицензировать и косвеннопадежное дополнение (напр., *казаться кому-л.*, *считаться кем-л.*). С другой стороны, при сопоставлении с конструкциями с субъектными депиктивами (сложное именное сказуемое по [Грамматика, 1960]) становится очевидным, что подлежащее исследуемых конструкций тематически связано с именным предикатом, в то время как полузнаменательный глагол собственное термовое подлежащее не лицензирует, ср. (2)–(3).

¹ В литературе представлены различные точки зрения на условия варьирования им.п. и тв.п. в именном сказуемом [Nichols, 1981; Козинский, 1983; Franks, 1995; Bailyn, 2001; Filip, 2001; Strigin, Demjjanow, 2001; Grebenyova, 2005; Madariaga, 2007; 2008; Гращенков, 2018]. Для наших целей важно, что форма тв. п. грамматически возможна во всех случаях, кроме случаев нулевой связи (*Мой отец — инженер!/*инженером*), в то время как на использование формы им. п. накладываются, помимо семантических, определенные грамматические ограничения [Лютикова, 2010].

- (2) конструкции с субъектными депиктивами
- a. Борис вернулся усталым.
 - b. Борис вернулся.
- (3) конструкции с составным именным сказуемым
- a. Борис казался (нам) усталым.
 - b. *Борис казался (нам).

Таким образом, налицо характеристические признаки конструкций с подъемом: лексический матричный предикат, присоединяющий в качестве актанта зависимую предикацию; падежные и согласовательные связи подлежащего зависимой предикации с функциональной структурой главной клаузы; отсутствие селективных ограничений на аргумент со стороны матричного предиката. Отличие обсуждаемых конструкций от стандартных конструкций с подъемом лишь в том, что подъем осуществляется не из инфинитивного оборота, а из так называемой малой клаузы — функциональной структуры, в которой предикат является неглагольным и в силу этого не может проецировать собственное подлежащее, которое вводится функциональной вершиной Pred, организующей субъектно-предикатные отношения между именной группой и группой другой неглагольной категории [Bowers, 1993].

В (4a-b) сопоставляются структура стандартной конструкции с подъемом в позицию подлежащего (4a) и предлагаемая структура русской конструкции с подъемом из малой клаузы (4b). Специфика конструкции в (4b) состоит в том, что глагол *казаться*, как и другие полужнаменательные глаголы, принимает в качестве комплемента малую клаузу указанной структуры. Поскольку малая клауза нефинитна, ее подлежащее нуждается во внешних источниках падежного лицензирования. Таким источником и становится функциональная структура главной клаузы: предикативная вершина T согласуется с подлежащим малой клаузы, приписывает ему именительный падеж и вызывает его передвижение в позицию подлежащего главной клаузы.

- (4) a. подъем из инфинитивной клаузы
 John_i seems [_{TP} t_i to_T [_{VP} leave]].
 'Кажется, Джон уезжает.'
- b. подъем из малой клаузы
 Борис_i казался [_{PredP} t_i [\emptyset _{Pred} [AP усталым]].

Анализ в (4b) позволяет объединить все случаи использования творительного предикативного (именное сказуемое со связками *быть* и *стать*, составное именное сказуемое, депиктивы): можно считать, что источником падежа является функциональная вершина Pred, участвующая в образовании всех этих конструкций. Отличие между обсуждаемыми случаями сводится к тому, каким образом PredP встраивается во внешний синтаксический контекст:

как комплемент вспомогательного глагола (5a), как комплемент предиката подъема (5b) или как адьюнкт к глагольной группе (5c).

(5) a. именное сказуемое со связкой

[_{TP} Борис_i был_{Aux} [_{AuxP} был_{Aux} [_{PreDP} t_i ∅_{PreD} [_{AP} усталым]]]]].

b. составное именное сказуемое

[_{TP} Борис_i казался [_{VP} казался [_{PreDP} t_i ∅_{PreD} [_{AP} усталым]]]]].

c. конструкция с субъектным депиктивом

[_{TP} Борис_i вернулся [_{VP} t_i вернулся] [_{PreDP} PRO_i ∅_{PreD} [_{AP} усталым]]]]].

Если анализ, намеченный нами для конструкции с составным именным сказуемым, верен, то мы ожидаем обнаружить и другие конструкции, в которых происходит подъем, в том случае, если матричный предикат способен принимать в качестве аргумента малую клаузу. В следующем разделе мы обсудим конструкции-кандидаты, в которых можно усматривать подъем из малой клаузы.

3. Прочие конструкции с малыми клаузами

Начнем с обсуждения конструкций с переходными глаголами мнения (*считать, полагать, рассматривать*), ср. (6).

(6) a. Несмотря на выгоды, дворяне гнушались службою стрелецкою и **считали** оную пятном для своего рода. [НКРЯ] <считали, что она — пятно>

b. Он испугался и поспешно начал отступать, **полагая** себя отрезанным от Казани. [НКРЯ] <полагал, что он отрезан>

c. Он **рассматривал** себя в искусстве как мессию и проповедника. [НКРЯ] <считал, что он — мессия>

d. Но если **рассматривать** Бога таким, каким Его представляет Вы, то, несомненно, Бог для всех один, и это не старичок, сидящий на облаках. [НКРЯ] <считать, что Бог такой...>

e. Это давало основание в те годы **считать** Штейна входящим по результатам в пятерку сильнейших в мире вместе со Спасским, Фишером и Ларсеном. [НКРЯ] <считать, что Штейн входит в пятерку>

Легко видеть, что прямое дополнение в подобных примерах в действительности является субъектом признака, выраженного именной конструкцией в творительном падеже или зависимым союзом *как* (ср. перифразы в угловых скобках). Таким образом, налицо ключевые признаки подъема в позицию прямого дополнения: семантические связи прямого дополнения главной клаузы с предикатом зависимой клаузы и получение падежа в главной клаузе.

Отдельно стоит остановиться на глаголе *рассматривать*, образующем конструкцию *рассматривать X как Y*. Появление союза *как* здесь не случайно — он представляет собой не что иное, как выраженную лексически вершину Pred (7a). Аналогичный анализ (7b) получает английское *as* в малых клаузах [Bowers, 1993].

(7) a. [_{VP} рассматривать [_{PredP} X как_{Pred} Y]]

b. [_{VP} consider [_{PredP} X as_{Pred} Y]]

Отметим, что глагол *считать* представляет собой переходный вариант глагола *считаться*, который участвует в образовании конструкций с ползунаменательными глаголами (8a). Оба варианта — активный и пассивный — имеет также глагол *рассматривать* (8b). Эти факты еще больше подчеркивают параллелизм между конструкциями подъема из малой клаузы и стандартными конструкциями подъема: если матричный предикат переходный, подъем происходит в позицию прямого дополнения, а при его пассивизации — в позицию подлежащего, ср. (9)-(10).

(8) a. Эта быстрая и безопасная процедура происходит один раз во время инсталляции нового устройства, после чего устройство **считается** принадлежащим этой сети. [НКРЯ]

b. Личные же подсобные хозяйства **рассматриваются** как непредпринимательские. [НКРЯ]

(9) инфинитивная клауза

a. подъем в позицию дополнения

We **believe** John to have worked too much.

‘Мы считаем, что Джон слишком много работал.’

b. подъем в позицию подлежащего

John **is believed** to have worked too much.

‘Считается, что Джон слишком много работал.’

(10) малая клауза

a. подъем в позицию дополнения

We **consider** John as our friend.

‘Мы рассматриваем Джона как нашего друга.’

b. подъем в позицию подлежащего

John **is considered** as our friend.

‘Джон рассматривается как наш друг.’

Обратимся теперь к предикатам малых клауз, участвующих в конструкциях с подъемом. Среди них мы обнаруживаем, с одной стороны, именные категории — существительные и прилагательные в тв. п. (6a, d), которые участвуют также в рассмотренных выше конструкциях с ползунаменательными глаголами Русской грамматики (структурные схемы N_1-N_1 , N_1-Adj_1 полн.ф.). С другой — встречаем тип, отсутствующий в структурных схемах: сказуемое, выраженное причастием (6b, e). Отметим, что даже если рассматривать полную форму причастия в (6b) как результат регулярной трансформации для структурной схемы N_1-Part кратк. ф., возникают проблемы с действительным причастием, не имеющим краткой формы, в (6e). Более того, как показывает (8a), действительные причастия выступают также и в конструкциях с ползунаменательными глаголами (*считаться*).

Я предполагаю, что причастия представляют собой трансформационный вариант глагольного сказуемого в малой клаузе (ср. с предположением о том, что действительное причастие — трансформационный вариант финитного глагола в [Babby, 1973]). Поскольку краткая форма причастия в нефинитных клаузах в отсутствие коиндексации с номинативным подлежащим не лицензируется [Лютикова, 2010], в качестве предиката малой клаузы выступает причастие в полной форме, нуждающееся в падеже и получающее его от вершины Pred. Безусловно, не любое глагольное сказуемое может трансформироваться в причастное сказуемое малой клаузы — ср.: *Я считаю, что Борис приехал* vs **Я считаю Бориса приехавшим*. По-видимому, для подобной трансформации необходима стативная (или хабитуальная) интерпретация глагольного предиката, что делает малую клаузу со сказуемым-причастием квазисинонимичной финитной клаузе; для более точного описания условий семантической успешности такой трансформации требуются дальнейшие исследования.

Следующая группа предикатов, принимающих в качестве компонента малую клаузу и образующих конструкцию подъема — это переходные глаголы восприятия (*увидеть, заметить, обнаружить, представить, вообразить*), ср. (11).

- (11) а. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и **представлял** его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. [НКРЯ]
- б. Через пять минут, уже побывав в библиотеке, я **обнаружил** себя сидящим на собственной кровати. [НКРЯ]
- с. Силантий закончил вычищать хлев, запер скотину, пощурился на солнце, так кстати выглянувшее из прорехи в августовских тучах, и **заметил** отца сидящим на крыльце. [НКРЯ]
- д. Он **увидел** Ахмада лежавшим навзничь далеко от того места, где оставил. [НКРЯ]
- е. «Умерла», — повторил он несколько раз и удивительно живо **вообразил** Ирму влезаящей к Максусу на колени или бросающей о стену мяч. [НКРЯ]

Как и в случае с глаголами мнения, при пассивизации образуются конструкции с подъемом в позицию подлежащего (12), в том числе и относимые Русской грамматикой к конструкциям с полужнаменательными глаголами (*казаться, представляться*).

- (12) а. Москва **виделась** неврастеником, давно не посещавшим предприятие медико-медицинское учреждение. [НКРЯ]
- б. Говорили, что Филиппова **была замечена** приходящей невозможно ранним утром на заседания Союза и, естественно, сталкивалась с закрытыми дверями. [НКРЯ]

- с. В Йере история **представлялась** ему бездонным трюмом, куда проваливаются эпохи, каким-то чудовищным зевом, заглывающим поколения. [НКРЯ]

Отметим, что с глаголами восприятия видовая интерпретация причастия меняется: и действительное, и страдательное причастие получают актуально-длительное значение (ср. *обнаружил Ирму влезавшей на колени — обнаружил, что Ирма влезает на колени* в (11е) и с предикатом мнения: *считал Ирму влезавшей не в свои дела — считал, что Ирма (всегда) влезает не в свои дела*). Тяготение к актуально-длительной интерпретации вообще характерно для событий — аргументов предикатов восприятия, поскольку восприятию доступно лишь происходящее в момент наблюдения.

Наконец, последнюю группу предикатов, способных к присоединению малой клаузы, образуют переходные глаголы каузации, в том числе и перформативные глаголы речи: *сделать, назначить, выдать, объявить, провозгласить*. Часть из них уже привлекала внимание исследователей: Е.В. Падучева [Падучева, 1999] предложила блестящий анализ диатезных альтернатив глагола *назначить*, следующих из его трехаргументной структуры: назначающего, назначаемого индивида и параметра назначения. В качестве прямого дополнения могут выступать как назначаемый, так и параметр назначения:

- (13) а. Он назначил Бориса.
б. Он назначил директора.
с. Он назначил Бориса директором.

Возможность варьирования ролей у прямого дополнения говорит о том, что эта структурная позиция не связана жестко с определенным аргументом глагола; напротив, в эту структурную позицию могут попадать аргументы других предикатов. Я предполагаю, что в (13с) представлена исходная конструкция, в которой внутренним аргументом глагола *назначить* выступает малая клауза с субъектом — назначаемым и предикатом — параметром. Аналогичные примеры доступны и для других глаголов этой группы, ср. (14).

- (14) а. Он и брат его были любимцы Петра III, который **сделал** одного полковником и дал ему полк и второго подполковником. [НКРЯ]
б. Дубровский сел с Гришей в телегу и **назначил** им местом свидания Кистеневскую рощу. [НКРЯ]
с. 28 июля они протестовали против избрания Станислава, **объявив** участников в оном врагами отечества. [НКРЯ]
д. Начальник генерального штаба Карлос Пратс, ставший новым верховным главнокомандующим, **провозгласил** Шнайдера мучеником за Конституцию. [НКРЯ]

Как и в предыдущих случаях, при пассивизации образуются конструкции с подъемом в позицию подлежащего, в том числе и

входящие в список конструкций с полузнаменательными глаголами по [Русская грамматика, 1980] (*сделаться*).

- (15) а. Так один из самых блестящих умов России **был объявлен** сошедшим с ума. [НКРЯ]
- б. С 18 июля город С.-Петербург с пригородами **объявлен** состоящим на военном положении. [НКРЯ]
- с. В скором времени после этого Авшаров был смещен и **назначен** состоящим в распоряжении великого князя, а я **был назначен** начальником школы. [НКРЯ]
- д. «Роман о розе» придал всей этой культуре форму столь красочную, столь изощрённую, столь богатую, что **сделался** читаемым и почитаемым всеми (кто мог читать и почитать). [НКРЯ]

Итак, что же объединяет все рассмотренные нами конструкции? Матричный предикат относится к определенным таксономическим классам с точки зрения как семантической, так и синтаксической селекции. С семантической точки зрения он имеет пропозициональную валентность на тему. Можно выделить два класса предикатов: те, для которых тема может соответствовать только пропозиции (16), и те, которые способны присоединять как термовый, так и пропозициональный аргумент (17). К первому классу ожидаемо относятся предикаты мнения, ко второму — предикаты восприятия.

- (16) а. *Он казался / оказался / считался.
б. *Мы считали его.
- (17) а. Мы заметили приятеля.
б. Мы заметили приятеля покупающим цветы.

С синтаксической точки зрения пропозициональная семантическая валентность может заполняться малой клаузой, или PredP, но для многих предикатов доступна и финитная зависимая клауза (CP), ср. перифразы в (6) и (18b), а также пропозициональная проформа *это* (18с):

- (18) а. Мы заметили приятеля покупающим цветы.
б. Мы заметили, что приятель покупает цветы.
с. Мы заметили это.

Еще одно важное синтаксическое свойство предиката подъема — тот факт, что он не приписывает своему внутреннему аргументу ингерентного падежа (т.е. непереходный глагол имеет каноническое номинативное подлежащее, а переходный — аккузативное прямое дополнение). Это свойство обеспечивает возможность подъема подлежащего малой клаузы в главную: для подъема необходима не тематическая (т.е. не связанная с приписыванием тета-роли) позиция, в которой именная группа может получить падеж. Ингерентный падеж лексическая вершина приписывает только своему собственному аргументу, поэтому подъем с приписыванием ингерентного падежа невозможен.

Структурные репрезентации русских конструкций с подъемом из малой клаузы *Рана оказалась смертельна/смертельной* и *Посчитал рану смертельной* представлены на рис. 1 и рис. 2.

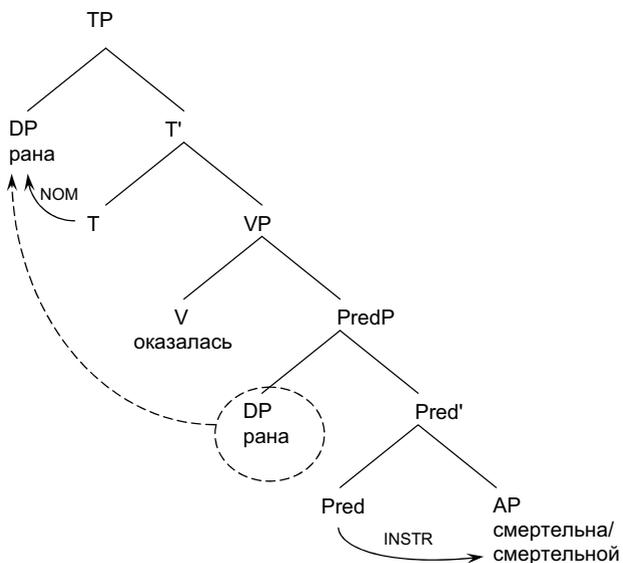

Рис. 1. Структура конструкций с подъемом из малой клаузы: подъем в позицию подлежащего

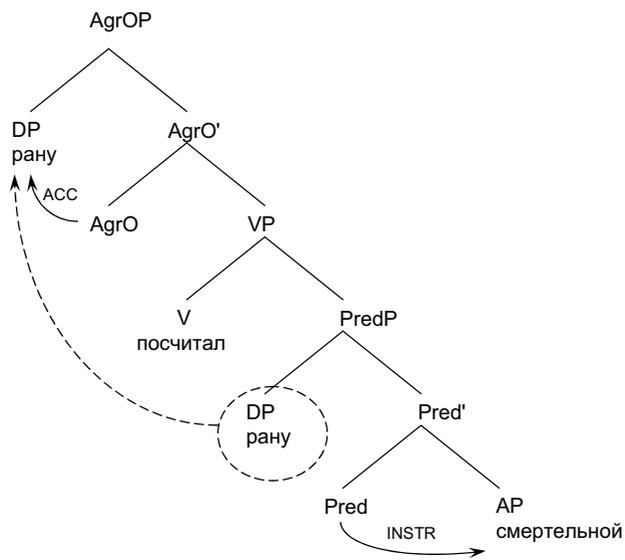

Рис. 2. Структура конструкций с подъемом из малой клаузы: подъем в позицию прямого дополнения

4. Заключение

В этой статье мы рассмотрели русские конструкции, в которых может усматриваться синтаксический подъем аргумента. Признаки подъема обнаруживаются у целого ряда конструкций с именным предикатом: клауз с составным именным сказуемым, выраженным именным компонентом в сочетании с полузнаменательным глаголом, а также их переходных аналогов — конструкций с предикатами мнения, восприятия и каузации. В статье предлагается единый анализ таких конструкций как основанных на подъеме подлежащего малой клаузы в позицию подлежащего или прямого дополнения главной клаузы. Особый интерес представляет использование в таких конструкциях причастных форм, выступающих трансформационными аналогами спрягаемого глагола финитного предложения.

Полученные нами результаты позволяют по-новому поставить вопрос о подъеме в русском языке: почему подъем невозможен из инфинитивных клауз, но возможен из малых клауз? Учитывая, что русские инфинитивы, как и английские, неоднозначны в отношении количества клаузальных проекций и могут подвергаться существенному сокращению структуры при реструктурировании [Babby, 1998; Герасимова, 2015; Герасимова, Лютикова, 2021], проблема с подъемом из инфинитивной клаузы явно не в наличии непроницаемых для А-передвижения высоких клаузальных проекций. Противопоставление причастий и инфинитивов в отношении возможности подъема позволяет предположить, что разгадка кроется в доступных для причастных и инфинитивных клауз темпоральных интерпретациях. Известно, что английские инфинитивы в подъемных конфигурациях охарактеризованы по (относительному) времени (и это отличает их от инфинитивов в конфигурациях контроля). Русские инфинитивы неспособны к выражению времени; при этом русские причастия выражают относительное (и даже абсолютное²) время в дериационных показателях (ср. причастие наст. вр. *пишущий* vs причастие прош. вр. *писавший*). Если предположить, что подъем возможен только из клауз с интерпретируемым признаком времени, запрет на подъем из инфинитивов и доступность подъема из причастных клауз получает объяснение.

² Известно, что предикаты зависимых клауз в русском языке могут интерпретироваться как по отношению к времени в главном предложении, так и по отношению к моменту речевого акта [Типология, 2009; Летучий, 2010]. Это обобщение распространяется и на нефинитные формы глагола. Соответственно, временной признак причастия может получать и относительную (ia), и абсолютную (ib) интерпретацию.

- (i) а. Мы заметили рисующего в альбоме мальчика.
б. Мы заметили рисовавшего в альбоме мальчика.

Безусловно, предпринятое в данной статье исследование — лишь первый шаг к разработке проблематики подъема из малых клауз. Среди вопросов, стоящих на повестке дня — анализ дистрибуции PredP как актанта и сирконстанта (депиктива); исследование распределения разных вершин категории Pred, в первую очередь нулевого Pred и *как*, в зависимости от синтаксического контекста; обоснование дистрибуции форм, конкурирующих с творительным предикативным в позиции предиката PredP — кратких форм прилагательных и причастий и номинатива существительных, прилагательных и причастий. Наконец, абсолютно неисследованной областью остается исчисление ограничений на причастное сказуемое в PredP в терминах семантического типа / акциональной характеристики предиката и интерпретации времени и вида причастия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасимова А.А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров: материалы международной конференции, Москва, 14–16 октября 2015 года / Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. М., 2015. С. 47–61.
2. Герасимова А.А., Лютикова Е.А. Лицензирование отрицательных местоимений в инфинитивных клаузах: экспериментальное исследование // Russian Grammar: System — Language Usage — Language Variation / Ed. by Vladislava Warditz. Frankfurt Am Main, 2021. С. 177–190.
3. Грамматика русского языка: В 2 т. / Под ред. В.В. Виноградова. М., 1960.
4. Гращенков П.В. Грамматика прилагательного. Типология адъективности и атрибутивности. М., 2018.
5. Козинский И.Ш. О категории «подлежащее» в русском языке // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 156. М., 1983.
6. Летучий А.Б. Странное «согласование времен» в русском языке // Русский язык в научном освещении. № 1(19). 2010. С. 210–221.
7. Летучий А.Б. Предикатив или прилагательное? Русские конструкции с полу-вспомогательными глаголами и прилагательными (типа Я считаю нужным участвовать) // Вопросы языкознания. № 2. 2018. С. 7–28.
8. Лютикова Е.А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2010. № 6. С. 36–76.
9. Лютикова Е.А. Есть ли подъем в русском языке? Часть 1: Инфинитивные клаузы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. № 5. 2022. С. 27–45.
10. Падучева Е.В. Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола назначить // Теория и типология языка. От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. М., 1999. С. 488–502.
11. Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
12. Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. М., 2009.
13. Циммерлинг А.В. Два диалекта русской грамматики: корпусные данные и модель // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 17 (24). Труды Международной конференции «Диалог 2018». М., 2018. С. 818–833.

14. *Babby L.* The deep structure of adjectives and participles in Russian // *Language*. Vol. 49. 1973. P. 349–360.
15. *Babby L.* Subject control as direct predication: Evidence from Russian // *Annual workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Connecticut Meeting 1997*. Ann Arbor, 1998. P. 17–37.
16. *Bailyn J.* The syntax of Slavic predicate case // *ZAS Papers in Linguistics*. Vol. 22. Berlin, 2001. P. 1–23.
17. *Bowers J.* The syntax of predication // *Linguistic inquiry*. Vol. 24. 1993. P. 591–656.
18. *Filip H.* The semantics of case in Russian secondary predication // *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 9*. Ithaca, New York, 2001. P. 192–211.
19. *Franks S.* Parameters of Slavic morphosyntax. N.Y., Oxford, 1995.
20. *Grebenyova L.* Agreement in Russian secondary predicates // *Proceedings of the 40th Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, 2005. P. 69–81.
21. *Madariaga N.* An economy approach to the triggering of the Russian instrumental predicative case // *Historical Linguistics 2005*. Amsterdam; Philadelphia, 2007. P. 103–117.
22. *Madariaga N.* Grammar change and the development of new case relations. The interaction between core syntax and the linguistic periphery in old and present-day Russian. Doctoral dissertation, University of the Basque Country, 2008.
23. *Nichols J.* Predicate nominals: A partial surface syntax of Russian. Berkley, 1981.
24. *Strigin A., Demijanow A.* Secondary predication in Russian // *ZAS Papers in Linguistics*. Vol. 25. Berlin, 2005. P. 1–79.
25. *Wurmbbrand S.* Infinitives: Restructuring and clause structure. Berlin; N.Y., 2001.

REFERENCES

1. Gerasimova A.A. Litsenzirovanie otritsatel'nykh mestoimenii cherez granitsu infinitivnogo oborota v russkom yazyke [Licensing negative pronouns across infinitival clause boundary]. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov: materialy mezhdunarodnoi konferentsii, Moskva, 14–16 oktyabrya 2015 goda*. Ed. by E.A. Lyutikova, A.V. Zimmerling, M.B. Konoshenko. Moscow, 2015, pp. 47–61. (In Russ.).
2. Gerasimova A.A., Lyutikova E.A. Litsenzirovanie otritsatel'nykh mestoimenii v infinitivnykh klauzakh: ehksperimental'noe issledovanie [Licensing negative pronouns in infinitival clauses: An experimental study]. *Russian Grammar: System — Language Usage — Language Variation*. Ed. by Vladislava Warditz. Frankfurt Am Main, 2021, pp. 177–190. (In Russ.).
3. *Grammatika russkogo yazyka* [Grammar of Russian]. 2 vol. Ed. by V.V. Vinogradov. Moscow, 1960. (In Russ.).
4. Grashchenkov P.V. *Grammatika prilagatel'nogo. Tipologiya ad"ektivnosti i atributivnosti*. [The grammar of the adjective. Typology of adjectivity and attributivity]. Moscow, 2018. (In Russ.).
5. Kozinskii I.Sh. O kategorii «podlezhashchee» v russkom yazyke [On the notion “subject” in Russian]. *Problemnaya grupa po ehksperimental'noi i prikladnoi lingvistike. Predvaritel'nye publikatsii*. Vol. 156. Moscow, 1983. (In Russ.).
6. Letuchii A.B. Strannoe «soglasovanie vremen» v russkom yazyke [A strange sequence of tenses in Russian]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. Vol. 1(19). 2010, pp. 210–221. (In Russ.).
7. Letuchii A.B. Predikativ ili prilagatel'noe? Russkie konstruksii s poluvspomogatel'nymi glagolami i prilagatel'nymi (tipa YA schitayu nuzhnyim uchastvovat') [Russian constructions with semi-auxiliary verbs and adjectives: the puzzle of complement clause]. *Voprosy yazykoznaniya*. Vol. 2. 2018, pp. 7–28. (In Russ.).

8. Lyutikova E.A. *K voprosu o kategorial'nom statuse imennykh grupp v russkom yazyke* [On the category of Russian noun phrases]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya. Vol. 6.* 2010, pp. 36–76. (In Russ.).
9. Lyutikova E.A. Est' li sintaksicheskii pod'em v russkom yazyke? Chast' 1: infinitivnye klauzy [Does Russian attest syntactic raising? Part 1: Infinitival clauses]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya. Vol. 5.* 2022, pp. ??–??. (In Russ.).
10. Paducheva E.V. Metonimicheskie i metaforicheskie perenosy v paradigme znachenii glagola naznachit' [Metonymic and metaphorical shift in the meaning paradigm of the verb *naznachit'*]. *Teoriya i tipologiya yazyka. Ot opisaniya k ob'yasneniyu. K 60-letiyu A.E. Kibrika.* Moscow, 1999, pp. 488–502. (In Russ.).
11. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. 2 vol. Ed. by N.Yu. Shvedova. Moscow, 1980. (In Russ.).
12. *Tipologiya taksisnykh konstruksii* [Typology of taxis constructions]. Ed. by V. S. Khrakovskii. Moscow, 2009. (In Russ.).
13. Zimmerling A.V. Dva dialekta russkoy grammatiki: korpusnye dannye i model' [Two dialects of Russian. Corpus grammar and a formal model]. *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialogue 2018"*. Vol. 17 (24). Moscow, 2018, pp. 818–833. (In Russ.).
14. Babby L. The deep structure of adjectives and participles in Russian. *Language.* Vol. 49. 1973. P. 349–360.
15. Babby L. Subject control as direct predication: Evidence from Russian. *Annual workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Connecticut Meeting 1997.* Ann Arbor, 1998. P. 17–37.
16. Bailyn J. The syntax of Slavic predicate case. *ZAS Papers in Linguistics.* Vol. 22. Berlin, 2001. P. 1–23.
17. Bowers J. The syntax of predication. *Linguistic inquiry.* Vol. 24. 1993. P. 591–656.
18. Filip H. The semantics of case in Russian secondary predication. *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 9.* Ithaca, New York, 2001. P. 192–211.
19. Franks S. *Parameters of Slavic morphosyntax.* New York, Oxford, 1995.
20. Grebenyova L. Agreement in Russian secondary predicates. *Proceedings of the 40th Meeting of the Chicago Linguistic Society.* Chicago, 2005. P. 69–81.
21. Madariaga N. An economy approach to the triggering of the Russian instrumental predicative case. *Historical Linguistics 2005.* Amsterdam–Philadelphia, 2007. P. 103–117.
22. Madariaga N. *Grammar change and the development of new case relations. The interaction between core syntax and the linguistic periphery in old and present-day Russian.* Doctoral dissertation, University of the Basque Country, 2008.
23. Nichols J. *Predicate nominals: A partial surface syntax of Russian.* Berkley, 1981.
24. Strigin A., Demijanow A. Secondary predication in Russian. *ZAS Papers in Linguistics.* Vol. 25. Berlin, 2005. P. 1–79.
25. Wurmbrand S. *Infinitives: Restructuring and clause structure.* Berlin/New York, 2001.

Поступила в редакцию 26.07.2022;
 принята к публикации 15.10.2022;
 отредактирована 05.11.2022

Received 26.07.2022;
 accepted 15.10.2022;
 revised 05.11.2022

ОБ АВТОРЕ

Лютикова Екатерина Анатольевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета имени М.В. Ломоносова; lyutikova2008@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Lyutikova — Dr. Habil, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; lyutikova2008@gmail.com

КАРЕЛЬСКИЕ ИДИОМЫ ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКОСТАТИСТИКИ

И.П. Новак

*Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра
Российской академии наук; Петрозаводск, Россия; novak@krc.karelia.ru;
ORCID: 0000-0002-9436-9460*

Аннотация: Уходящая своими корнями в середину XIX в. проблема «язык или диалект» для карельского языка в последние годы актуализировалась с новой силой. Под сомнение оказалось поставлено устоявшееся в российской феннистике представление о выделении в нем трех наречий: собственно карельского, ливвиковского и людиковского. Наряду с людиковскими говорами, статус самостоятельных языков предлагается присвоить также ливвиковским и тверским карельским говорам. В рамках настоящего исследования к данным 24 карельских, а также шести вепских (что является необходимым условием для определения языкового статуса людиковских идиомов) говоров применяется лексикостатистический подход с целью разграничения языков и диалектов. Кроме того, методика лексикостатистики используется для определения степени близости анализируемых идиомов, что также является актуальным для карельской диалектологии. Результаты подсчета процентов совпадений между стословными списками базисной лексики М. Сводеша показали, что привлеченные к анализу говоры подразделяются на два языка: карельский и вепский. Говор села Михайловское, однако, обнаруживает переходный характер, что делает невозможным использование методики лексикостатистики для определения его языкового статуса. Внутри карельского языка говоры распределились на три крупные группы. Две из них образовали собственно карельские говоры Северной Карелии и Центральной России. В отдельную группу объединились соседствующие собственно карельские говоры Средней Карелии, а также ливвиковские и людиковские говоры. Полученные результаты планируется в дальнейшем использовать в процессе решения проблем карельской диалектологии и переработки диалектной классификации карельского языка.

Ключевые слова: карельский язык; проблема «язык или диалект»; диалектная система; лексикостатистика; базисная лексика; стословный список Сводеша

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-75-84

Благодарности: Статья подготовлена в рамках бюджетного финансирования КарНЦ РАН (тема № 121070700122-5).

Для цитирования: Новак И.П. Карельские идиомы по данным лексикостатистики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. №. 6. С. 75–84.

KARELIAN IDIOMS ACCORDING TO LEXICOSTATISTICAL DATA

Irina Novak

Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences; Petrozavodsk, Russia; novak@krc.karelia.ru

Abstract: The “language or dialect” problem has remained topical for the Karelian language for a century and a half now. Finnic language specialists from Russia and Finland have not managed to hammer out a common opinion regarding Ludic sub-dialects: whether they belong to Karelian or form a language of their own. Lately, the long-standing concept of Karelian Proper and Livvi sub-dialects as belonging to the same language has also been questioned. An unresolved issue is the dialectal division of the Karelian language. Seeking to find the lexical criteria for determining the linguistic status of certain Karelian varieties (idioms) in this study, we applied the lexicostatistical approach. The percentages of matches between idioms were calculated using Swadesh basic vocabulary (100-word) list. Data on 30 Karelian and Veps sub-dialects were selected from the “Comparative Onomasiology Dictionary of Karelian, Veps, and Sami Dialects” (2007). Based on the threshold match percentages for discrimination between languages (91–90%), all the idioms fell into two groups: the Karelian and the Veps languages. Mikhailovskoe Village sub-dialect occupies a transitional position between them. The results demonstrate a relatively identical composition of the basic vocabulary of Karelian Proper, including Tver, as well as of Livvi and Ludic sub-dialects. Within the Karelian language, sub-dialects formed three large groups: 1) Karelian-Propert sub-dialects of Northern Karelia; 2) Karelian-Propert sub-dialects of Central Russia; 3) Karelian-Propert sub-dialects of Middle Karelia together with Livvi and Ludic sub-dialects. The results of the study are going to be used in working on the dialectal classification of the Karelian language, which primarily relies on linguistic criteria.

Key words: Karelian language; “language or dialect” problem; dialectal system; lexicostatistics; basic vocabulary; Swadesh list

Acknowledgments: The study was carried out under state order.

For citation: Novak I. (2022) Karelian idioms according to lexicostatistical data. *Moscow University Philology Bulletin*, No. 6, pp. 75–84.

Проблема «язык или диалект» для карельского языка, входящего в прибалтийско-финскую группу уральской языковой семьи, не перестает быть актуальной уже на протяжении полутора столетий. Так, например, в российской и финляндской феннистике существуют две отличные традиции относительно языкового статуса людиковских говоров, носители которых проживают вдоль восточного побережья Онежского озера. Согласно укоренившемуся в российском прибалтийско-финском языкознании представлению, восхо-

дящему к работам основоположника карельской диалектологии профессора Д.В. Бубриха, людиковские говоры составляют одно из трех наречий карельского языка¹, наряду с ливвиковским и собственно карельским [Zaikov, 2017]. Финляндские же языковеды относят людиковские говоры к самостоятельному языку. Эта точка зрения принадлежит профессору П. Виртаранта и берет начало в работах Ю. Куела, который обозначил характер людиковских говоров как переходный между карельским и вепским языками [Раһтов, 2017: 9, 33]. Важно добавить, что ранее в феннистике людиковские говоры также относили к северному диалекту вепского языка [Genetz, 1872].

В последние годы проблема актуализировалась с новой силой и распространилась на ливвиковский идиом, принадлежность которого к карельскому языку ранее не подвергалось сомнению [Новак, 2022]. Так, в составленном сотрудниками Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН в 2021 г. предварительном списке языков России карельский, ливвиковский и людиковский идиомы определяются как отдельные языки. Такое решение объясняется наличием у них собственных кодов в международной системе стандартизации², отдельных новописьменных вариантов, а также нарушенной «взаимопонятностью». Кроме того, статус языка в силу географической обособленности носителей был присвоен и тверским карельским говорам, относимым традиционно к собственно карельскому наречию. Стоит отметить, что составители списка обращают особое внимание на достаточно высокий процент лексических совпадений между карельскими идиомами [Уточнение списочного состава языков России, 2021: 13–22; 42–43].

В другом проекте «Языки России» сотрудниками института, напротив, выделяется единый карельский язык, включающий «наречия ливвиковское, людиковское, собственно карельское и тверское, которые в некоторых случаях рассматриваются как отдельные языки», также отмечается наличие взаимопонимания между носителями разных наречий и приводится высокий процент совпадений по методике лексикостатистики (в зависимости от пары 93–97%) [Список языков России, 2022].

¹ В карельском языке традиционно принято различать наречия — наиболее крупные единицы диалектного членения, которые делятся на диалекты, а те, в свою очередь, на говоры.

² В 2020 г. SIL International ответила отказом на подготовленный авторитетными исследовательскими организациями России и Финляндии запрос № 2019-037 об объединении «ливвиковского» (olo) и «карельского» (kar) языков.

Сложившаяся ситуация заставила обратиться к различным подходам разграничения языков и диалектов, в том числе к лексикостатистике, использующей критерий сохранности базисной лексики для определения степени родства языков и разграничения идиомов. В качестве материала для сравнения при применении данной методики используются универсальные списки минимально подверженной изменениям и устойчивой к заимствованиям базисной лексики. Самыми популярными являются списки американского лингвиста Мориса Сводеша, разработанные в 1950-е годы. Изначально метод был подвергнут критике, но в начале XXI в. он получил новую жизнь в работах российского лингвиста С.А. Старостина и других представителей Московской школы лингвистической компаративистики. В последние годы подход продолжает набирать популярность [Коряков, 2017; Коряков, 2018; Starostin, 2019; Васильев, Саенко, 2020; Федотова, 2021].

Чаще всего при расчете процентов совпадения (ПС) между идиомами используют стословный список базисной лексики, представленный местоимениями, числительными, терминами родства, названиями частей тела, явлений природы, животных и растений, глаголами действия и пр. Ю.Б. Коряковым на основе данных этого списка на базе большого числа проанализированных идиомов были предложены следующие пороги для разграничения языков и диалектов: при $ПС \geq 91\%$ идиомы могут считаться диалектами одного языка, а при $ПС \leq 90\%$ — разными языками [Коряков, 2017: 92].

Методика лексикостатистики используется также для определения степени близости идиомов. Коряковым в работе [Коряков, 2006] была предложена следующая шкала: при $ПС < 89\%$ речь идет о разных языках, при $ПС > 97\%$ — о диалектах одного языка, интервал $89\text{--}97\%$ — уровень «очень близких языков / отдаленных диалектов», к которым применяется термин «наречие». Такое направление применения лексикостатистического метода является не менее актуальным для карельской диалектологии, испытывающей потребность в переработке традиционной диалектной классификации [Новак, 2022].

В настоящем исследовании лексикостатистический подход применяется к данным карельского языка с целью как разграничения языков и диалектов, так и подсчета степени близости идиомов. Достижение поставленной цели требует решения следующих задач: выделение подверженных обсчету идиомов, составление по каждому из них стословных списков базисной лексики, расчет процентов совпадений между всеми парами идиомов, анализ полученных результатов.

В качестве объекта исследования предлагается использовать 24 карельских говора, представленных в «Сопоставительно-ономасиологическом словаре диалектов карельского, вепсского и саамского

Рисунок. Анализируемые говоры карельского и вепсского языков

языков» (2007). Материалы для словаря были собраны в полевых условиях в 1979–1981 гг. Распределение карельских говоров в словаре произведено согласно традиционной диалектной классификации (рисунок): 15 собственно карельских (пп. 1–14, 21), шесть ливвиковских (п. 15–20) и три людиковских (пп. 22–24) говора. Необходимым условием для определения языкового статуса людиковских идиомов является привлечение данных вепсского языка. В связи с этим предлагается проанализировать также аналогичные данные по шести говорам вепсского языка (пп. 25–30)³ [о диалектной классификации вепсского языка см.: Зайцева, 2020: 664].

Материал словаря, к сожалению, не полностью перекрывает стословный список базисной лексики. Так, например, в нем отсутствует понятие «облако», однако работа с диалектными словарями показала полное совпадение соответствующей лексемы по всем говорам (*pilvi/pilv*). Некоторый дефицит данных обнаруживают говоры Держа (семь понятий), Кондуши, Валдай (по пять), Тунгуда, Весъегонск, Озеро (по две), Реболы, Паданы, Койкары, Проккойла, Колатсельга, Михайловское, Шелтозеро, Каскесручей (по одному). Привлечение материалов диалектных источников (словарей, образцов речи, Открытого корпуса вепсского и карельского языков) позволило восполнить эти пробелы. В процессе анализа во внимание принимаются синонимы. Поскольку вопрос учета заимствований при синхронном сравнении близкородственных языков и диалектов остается открытым, зачастую в силу невозможности их выявления [Коряков, 2018: 161], данный шаг пропускается.

Проценты совпадений по стословному списку между каждой парой идиомов с учетом синонимов и заимствований представлены в таблице.

2. Определение степени близости идиомов

По наличию максимального процента совпадений среди отнесенных на первом этапе работы к карельскому языку идиомов наибольшую близость между собой демонстрируют следующие:

1) Княжая, Кестеньга, Вокनावолок, Калевала (100%). К этой группе притягивается также говора д. Тунгуда (97% против 96% со второй группой);

2) Паданы, Койкары, Святозеро (99,67%), к которым оказались довольно близки Ондозеро (98% против 97,5% с первой группой), Юостозеро (98%) и Галлезеро (97,67%);

3) Проккойла, Колатсельга, Видлица (100%);

³ Выборка материалов словаря в предварительно закодированном виде представлена на сайте диалектной базы карельского языка “Murreh”: URL: http://murreh.krc.karelia.ru/experiments/sosd_cluster/example/1_1_100swadesh

Проценты совпадений между карельскими и вепскими идиомами⁴

	Кивьяк	Кестя	Вокна-волок	Калва	Тунгуда	Ондозеро	Редьва	Паданы	Юстозеро	Кой-кара	Сенище	Валдай	Весьегонск	Тор-мачи	Дёржа	Проккояла	Ведлозеро	Колгасьга	Видлица	Олонеп	Кондуши	Талгезеро	Святозеро	Михайловское	Шлетозеро	Каскес-ручей	Ошта	Озеро	Войлахта	Сялдо-пово	
Кивьяк	-	100	100	100	96	96	95	95	91	94	93	92	88	93	89	93	93	93	93	93	94	93	87	92	95	89	87	88	90	86	86
Кестя	100	-	100	100	97	98	96	97	93	97	94	93	89	95	90	95	95	95	95	95	95	95	94	98	89	86	87	89	86	85	
Вокна-волок	100	100	-	100	97	98	96	97	93	96	92	92	87	93	88	95	95	95	95	95	94	97	90	87	90	87	88	90	87	86	87
Калва	100	100	100	-	98	98	96	97	93	96	93	92	89	95	89	96	95	96	96	95	89	94	97	90	89	89	90	92	88	87	
Тунгуда	96	97	97	98	-	98	95	97	95	95	94	95	90	95	89	96	97	96	97	92	92	94	96	89	88	88	86	87	85	84	
Ондозеро	96	98	98	98	98	-	95	98	96	98	93	92	89	93	88	95	97	95	97	91	95	98	91	87	87	86	87	85	85		
Редьва	95	96	96	96	95	95	-	97	93	96	93	91	85	95	96	96	96	96	94	90	95	96	90	86	86	85	87	83	82		
Паданы	95	97	97	97	97	98	97	-	98	99	93	93	89	93	88	96	99	97	99	99	91	97	100	92	88	88	86	87	84	83	
Юстозеро	91	93	93	93	93	95	96	93	98	-	98	97	96	93	95	91	98	98	97	98	95	98	98	95	88	88	86	87	85	86	
Койкара	94	97	96	96	95	98	96	99	98	-	96	95	93	95	92	99	98	98	98	94	98	100	95	91	91	88	89	87	88		
Сенище	93	94	92	93	94	93	93	93	97	96	-	97	98	98	95	95	96	94	96	97	98	97	96	93	87	87	85	87	84	84	
Валдай	92	93	92	92	92	95	92	90	93	96	95	97	-	95	96	95	93	94	93	94	93	95	93	91	87	87	85	87	84	84	
Весьегонск	88	89	87	89	89	88	89	88	89	93	93	98	95	-	94	95	93	92	93	94	92	94	92	91	88	84	84	82	83	81	81
Толмечи	93	95	93	95	93	91	93	95	95	95	98	96	94	-	94	94	94	94	94	95	93	94	94	90	85	85	83	85	83	82	
Дёржа	89	90	88	89	88	85	88	85	88	91	92	95	95	94	-	89	90	88	90	91	90	90	88	86	82	82	80	82	79	79	
Проккояла	93	95	95	96	95	95	95	96	98	99	95	93	93	94	89	-	99	100	100	99	94	95	99	92	88	88	87	89	85	85	
Ведлозеро	93	95	95	96	97	97	95	99	98	98	96	94	93	94	90	99	-	99	99	100	95	97	98	93	90	90	88	89	86	86	
Колгасьга	93	95	95	96	96	95	96	97	97	98	94	93	92	94	88	100	99	-	100	99	93	96	99	91	88	88	88	89	86	84	
Видлица	94	96	96	96	97	97	96	99	98	98	96	94	93	94	90	100	99	100	99	99	97	98	93	89	89	89	90	87	87		
Олонеп	93	95	95	97	97	94	99	98	98	97	94	94	94	94	91	99	100	99	99	95	97	98	93	89	89	87	88	85	85		
Кондуши	87	88	87	89	92	91	90	91	95	94	98	93	94	93	91	94	95	93	95	95	-	95	93	93	88	88	86	87	85	85	
Талгезеро	92	94	94	94	94	95	95	97	98	98	97	95	92	94	90	95	97	96	97	95	-	98	95	92	92	92	89	90	88	87	
Святозеро	95	98	97	97	96	98	96	100	98	100	96	93	91	94	88	99	98	99	98	93	98	98	-	95	93	93	90	91	89	89	
Михайловское	89	89	90	90	89	91	90	92	95	95	93	91	88	90	86	92	93	91	93	93	93	95	95	-	95	95	92	93	91	92	
Шлетозеро	87	86	87	89	88	87	86	88	88	91	87	87	84	85	82	88	90	88	89	88	92	93	95	95	100	100	97	98	95	94	
Каскесручей	87	86	87	89	88	87	86	88	88	91	87	87	84	85	82	88	90	88	89	89	88	92	93	95	100	-	97	98	95	94	
Ошта	88	87	88	90	86	86	85	86	86	88	85	85	82	83	80	87	88	88	89	87	86	89	90	92	97	97	-	100	99	97	
Озеро	90	89	90	92	87	87	87	88	89	87	87	83	85	82	89	89	89	89	89	88	87	90	91	93	98	100	-	99	97		
Войлахта	86	86	87	88	85	83	84	85	87	84	81	83	79	85	86	86	87	85	86	87	85	85	88	89	91	95	95	99	99	-	98
Сялдо	86	85	86	87	84	85	82	83	86	88	84	84	81	82	79	85	86	84	87	85	85	87	89	92	94	94	97	97	98	-	

⁴ Для наглядности в таблице произведена заливка. В нижней левой части согласно методике разграничения языков и диалектов: ПС ≥ 91% — белый цвет; ПС ≤ 90% — темно-серый цвет. В верхней правой — методике подсчета степени близости идиомов; ПС > 97% — белый цвет; ПС между 89 — светло-серый; 97% — серый цвет; ПС < 89% — темно-серый цвет.

4) Ведлозеро, Олонец (100 %).

Важно обратить внимание на тот факт, что идиомы второй, третьей и четвертой групп демонстрируют довольно высокий средний ПС между собой (97,95).

Средний ПС 95,83 (при наличии внутри группы ПС 98) показывают также карельские говоры Центральной России Селище, Весъегонск, Толмачи и Кондуши.

Относительно оставшихся за рамками образованных групп говоров стоит отметить, что говор Валдай оказался максимально близким с говором Селище (97 %), Держа — с говорами Селище, Валдай и Весъегонск (95 %), Реболы — с говором Паданы (97 %), при том, что более высокий средний ПС этот говор обнаруживает все же с первой группой, чем со второй (95,6 % против 95,33).

Таким образом, согласно результатам применения лексикостатистического подхода, анализируемые карельские идиомы распределились на три крупные группы: северную, центральную и южную. Согласно системе традиционного диалектного членения карельского языка, северная группа представлена севернокарельскими говорами собственно карельского наречия, южная — собственно карельскими говорами Центральной России и ливвиковским говором Кондуши, центральная (самая крупная) — южнокарельскими диалектами собственно карельского наречия, а также ливвиковскими и людиковскими говорами.

Полученные в ходе настоящего исследования результаты измерения лингвистического расстояния на основе лексических данных планируется в дальнейшем использовать в процессе решения актуальной для карельского языка проблемы «язык или диалект», а также в ходе разработки его лингвистически обоснованной диалектной классификации с привлечением наряду с лексическими материалами данных фонетики и морфологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев М.Е., Саенко М.Н.* Анализ топологии и оценка точности лексикостатистических классификаций (на примере славянских языков) // Вопросы языкового родства. 2020. № 3–4. С. 320–347.
2. *Зайцева Н.Г.* Дрожжи и закваски — мастера, кузнецы? (именования понятий в вепском этноязыковом пространстве) // Вестник урovedения. 2020. № 4. С. 642–651.
3. *Коряков Ю.Б.* Систематика языков. 2006. URL: <http://lingvarium.org/systematics.shtml> (дата обращения: 24.06.22).
4. *Коряков Ю.Б.* Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода // Вопросы языкознания. 2017. № 6. С. 79–101. Yu. B. Koryakov LANGUAGE VS. DIALECT: A LEXICOSTATISTIC APPROACH
5. *Коряков Ю.Б.* Проблема «язык или диалект» и самодийские языки // Урало-алтайские исследования. 2018. № 4. С. 156–217.

6. *Новак И.П.* Проблемы диалектной классификации карельского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. № 2. С. 204–213.
7. Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского и саамского языков / Под общ. ред. Ю.С. Елисеева, Н.Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007.
8. Список языков России. 2022. URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml (дата обращения: 06.06.22).
9. Уточнение списочного состава языков России. 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc1.pdf (дата обращения: 08.06.22).
10. *Федотова И.В.* Диалектное членение мансийского языка в диахронии по данным базисной лексики // Вестник угроведения. 2021. № 2. С. 338–346.
11. *Genetz A.* Wepsän pohjoiset etujoukot // Kieletär. 1872. № 4. С. 3–32.
12. *Pahomov M.* Lyydiläiskysymys: Kansa vai heimo, kieli vai murre? Helsinki, 2017.
13. *Starostin G.* Chinese basic lexicon from a diachronic perspective: implications for lexicostatistics and glottochronology // Вопросы языкового родства. 2019. № 1–2. С. 153–176.
14. *Zaikov P.M.* Karjalan kielen murteet. Петрозаводск, 2017.

REFERENCES

1. Vasil'ev M.E., Saenko M.N. Analiz topologii i ocenka tochnosti leksikostatisticheskikh klassifikacij (na primere slavjanskih jazykov) [An analysis of the topology and estimation of accuracy for lexicostatistical classifications (on the data of Slavic languages)]. *Voprosy jazykovogo rodstva*, 2020, 3–4, pp. 320–347. (In Russ.).
2. Zajceva N.G. Drozhzhi i zakvaski — мастера, кузнецы? (imenovanija ponjatij v vepsskom jetnojazykovom prostranstve) [Yeast and leaven — craftsmen, blacksmiths? (Names of notions in the Vepsian ethnolinguistic space)]. *Vestnik ugrovedenija*, 2020, 4, pp. 642–651. (In Russ.). doi: 10.30624/2220-4156-2020-10-4-642-651.
3. Korjakov Ju.B. *Sistematika jazykov* [Taxonomy of languages], 2006. URL: <http://lingvarium.org/systematics.shtml> (accessed: 24.06.22).
4. Korjakov Ju.B. Problema «jazyk ili dialekt» i popytka leksikostatisticheskogo podhoda [Language vs. dialect: a lexicostatistic approach]. *Voprosy jazykoznanija*, 2017, 6, pp. 79–101. (In Russ.). doi: 10.31857/S0373658X0003839-1.
5. Korjakov Ju.B. Problema «jazyk ili dialekt» i samodijskie jazyki [Language vs. dialect question and Samoyedic languages]. *Uralo-altajskie issledovanija*, 2018, 4, pp. 156–217. (In Russ.). doi: 10.31857/S0373658X0003839-1.
6. Novak I.P. Problemy dialektnoj klassifikacii karel'skogo jazyka [Problems of dialectal classification of the Karelian language]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij*, 2022, 2, pp. 204–213. (In Russ.). doi: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-204-213.
7. *Sopostavitel'no-onomasiologicheskij slovar' dialektov karel'skogo, vepsskogo i saamskogo jazykov* [Comparative Onomasiology Dictionary of Karelian, Veps, and Sami Dialects]. Ed. by Ju.S. Eliseev, N.G. Zajceva. Petrozavodsk, *KarRC RAS Publ*, 2007. 348 p.
8. *Spisok jazykov Rossii* [List of languages of Russia], 2022. URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml (accessed: 6.06.22).
9. *Utochnenie spisocnogo sostava jazykov Rossii* [Clarification of the list of languages of Russia], 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc1.pdf (accessed: 8.06.22).
10. Fedotova I.V. Dialektnoe chlenenie mansijskogo jazyka v diahronii po dannym bazisnoj leksiki [Dialect separation of the Mansi language in diachrony according to the basic vocabulary]. *Vestnik ugrovedenija*, 2021, 2, pp. 338–346. (In Russ.). doi: 10.30624/2220-4156-2021-11-2-338-346.

12. Genetz A. Wepsän pohjoiset etujoukot. *Kieletär*, 1872, 4, pp. 3–32.
13. Pahomov M. *Lyödiläiskysymys: Kansa vai heimo, kieli vai murre?* Helsinki, *Helsingin yliopisto Publ*, 2017. 312 p.
14. Starostin G. Chinese basic lexicon from a diachronic perspective: implications for lexicostatistics and glottochronology. *Voprosy jazykovogo rodstva*, 2019, 1–2, pp. 153–176.
15. Zaikov P.M. *Karjalan kielen murteet*. Petrozavodsk, *Izd-vo PetrGU Publ*, 2017. 36 p.
Поступила в редакцию 03.08.2022;
принята к публикации 15.10.2022;
отредактирована 05.11.2022

Received 03.08.2022;
accepted 15.10.2022;
revised 05.11.2022

ОБ АВТОРЕ

Новак Ирина Петровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; novak@krc.karelia.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina Novak — PhD, Senior Researcher, Department of Linguistics, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS; novak@krc.karelia.ru

ЧИТАТЕЛЬСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ В НАУКЕ О ЛИТЕРАТУРЕ: К ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ВОПРОСА¹

Л.О. Чернейко

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; avollis@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена актуальной для современного состояния науки о литературе проблеме изучения восприятия художественного текста (далее — ХТ), взятой в ее проекции на теоретические предпосылки отечественной предыстории европейской рецептивной эстетики. В отечественной филологии сложились два направления в подходе к ХТ — психологическое («русская психологическая школа» А.А. Потебни и его последователей) и сугубо формальное («русская формальная школа» ОПОЯЗ). Когнитивная поэтика как магистральное современное направление в науке о литературе объединяет эти подходы в свете тех целей, которые она перед собой ставит: изучение как формально-смысловой организации текста, так и его понимания читателем. В фокусе исследования художественного произведения лежит его понимание, следовательно, в научном приоритете оказывается смысл текста, а также разработка алгоритмов его реконструкции в читательском восприятии. В связи с этим особое значение имеет терминологический аппарат, предполагающий разграничение терминов триады «восприятие — перцепция — рецепция». В статье особое внимание в изучении проблемы читательского восприятия уделяется концепции Л.С. Выготского о влиянии ритма текста на его восприятие читателем.

Ключевые слова: наука о литературе; литературный прием; ритм; восприятие–перцепция–рецепция ХТ; эксперимент; удивление; остраннение
doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-85-99

Благодарности: Автор выражает благодарность уважаемым коллегам О.А. Волошиной и И.В. Ружицкому за помощь в технической подготовке материала к печати.

Для цитирования: Чернейко Л.О. Читательское восприятие в науке о литературе: к истории и теории вопроса. Часть 1 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 85–99.

¹ Настоящая статья является частью общего текста, посвященного проблемам изучения такого параметра художественного произведения, как литературный прием, взятого в его отношении к читательскому восприятию. Первая часть опубликована в виде самостоятельной статьи «Острые вопросы вокруг *остран(н)ения*», см.: Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 128–139. В данном номере представлена первая часть трехчастной статьи. Вторая часть — в следующем номере журнала.

READER'S PERCEPTION IN LITERATURE STUDIES: TOWARDS THE HISTORY AND THEORY OF THE QUESTION

Liudmila Cherneyko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; avollis@mail.ru

Abstract: The article² is devoted to studying the perception of a literary text (hereinafter referred to as LT), which is relevant for the current state of literature research, as projected on the theoretical prerequisites of the domestic prehistory of European receptive aesthetics. Russian philology has developed two approaches to LT — the psychological (“Russian psychological school” by A.A. Potebnya and his followers) and the purely formal (“Russian formal school” of the language — ОПОУ-АЗ) ones. Cognitive poetics as the mainstream modern field of literature studies combines these approaches in the light of the goals that it sets for itself: the study of both the formal and semantic organization of the text and its understanding by the reader. The focus of the study into a work of literature is its understanding, therefore, the meaning of the text turns out to be a scientific priority, as well as the development of algorithms for its reconstruction in the reader’s perception. In this regard, the terminological apparatus is of particular importance, assuming the differentiation of the terms of the triad “apprehension-perception-reception”. Studying reader’s perception particularly focuses on L.S. Vygotsky’s concept of the influence of the text’s rhythm on reader.

Key words: literature research; literary technique; rhythm; literary apprehension-perception-reception; experiment; surprise; estrangement (ostrannenie)

Acknowledgments: The author expresses his gratitude to respected colleagues O.A. Voloshina and I.V. Ruzhitsky for help in the technical preparation of the material for publication.

For citation: Cherneyko L.O. (2022) Reader’s Perception in Literature Studies: Towards the History and Theory of the Question. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 85–99.

Явление неисчерпаемо для познания, и никогда объяснение явления не может быть равно самому явлению.

А.А. Потebня

Восприятие и понимание художественного образа есть повторение процесса творчества.

Д.Н. Овсяннико-Куликовский

1. Вероятностный метод в исчислении читательского восприятия

1.1. Для современной филологии с ее антропоцентрической направленностью, в фокусе которой находится языковая личность

² This issue presents the first part of the article. The second part is in the next issue of the journal.

(в статусе «говорящий/слушающий»), способная как к текстопорождению — кодированию смысла, так и смыслопорождению — декодированию текста, очевидна теоретическая исчерпанность проблем, связанных с изучением художественного произведения лишь в аспекте его структурной и идейно-смысловой организации. Это не означает, что структурный метод перестал быть эффективным способом изучения текста во взаимной связи его элементов. Этот метод не отменим в научном познании мира как присущий разуму, ищущему в наблюдаемом хаосе порядок и пытающемуся выстроить внутренние связи между частями целого — их структуру. Но в науке о литературе вектор исследовательского интереса смещается в сторону изучения восприятия художественного текста (ХТ) читателем, что вписывается в относительно новую парадигму рецептивной эстетики и рецептивной лингвистики.

Текст в его функционировании как один из способов воплощения сознания³ стал предметом относительно новой филологической дисциплины, получившей название «эмпирическое изучение литературы» (ЭИЛ) [Лозинская, 2008: 192]. Это направление оформилось в самостоятельную дисциплину относительно недавно (IGEL — аббревиатура немецкого названия общества Internationale Gesellschaft für Empirische Literaturwissenschaft — Международное общество эмпирических исследователей литературы, возникшее в 1987 г.), но его методы стали применяться как эффективные для экспериментального (статистического) изучения читательского восприятия на базе анализа полученных интерпретаций.

В понимании термина «литературный прием» как совокупности средств выразительности, которые использует автор для создания эстетически значимых эффектов художественного произведения и «наиболее действенного воплощения своего творческого замысла», очевиден количественный подход, что подтверждается и введением математических понятий — «слагаемые», «арифметическая сумма» [СЛТ⁴, 1925]. Более современное толкование этого термина⁵ никоим образом не отменяет вероятностного (количественного) подхода к выявлению доминирующего художественного средства в произве-

³ Философы определяют текст как «некоторую длительность содержания, ориентированного на некоторое состояние сознания» [Мамардашвили, Пятигорский, 1997: 67].

⁴ Список словарей и справочников представлен в библиографии заключительной части статьи.

⁵ Прием — «композиционное, стилистическое, звуковое, ритмическое» средство, служащее для «конкретизации, выделения элемента повествования» — «состояния персонажа, описания, авторской речи и пр.» [ЛЭТП, 2001], и «конструктивные принципы литературного высказывания: сюжетно-композиционные, жанровые, стилистические, стиховые» [ЛЭС, 1987].

дении (приема), а также его влияния на читательское восприятие, даже если результат этого подхода представлен не в «чистой» статистике (с использованием математических подсчетов), а опирается на данные статистики «симптоматической», которая оперирует понятиями «чаще/реже», «больше/меньше» [Гак, 1998: 62].

Однако литературный прием не может изучаться в отрыве от его связи с определенными модусами сознания (и подсознания как его «подвала», по метафорическому определению В.В. Налимова [Налимов, 1989]): а) автора художественного текста, которые меняются по ходу реализации авторского замысла — фабулы, сюжета, композиции; б) персонажей и в) реального читателя (в статусе «портрет адресата» для автора). Именно доминирование определенных структур произведения (языковых средств, типов авторской речи, режимов повествования, композиции текста и др.), являясь материальным воплощением модусов сознания автора (и/или его персонажей), открывает возможности моделирования не только структуры текста, но и специфики его восприятия читателем, что создает особого рода сопряженное пространство.

Встречающиеся в критических текстах тривиальные трактовки приема как цели («облегчение восприятия персонажа читателем», «приемы используются для создания автором уникальных эффектов») не учитывают порождающей его причины — состояния сознания самого автора, погруженного в создание своего произведения. Субъективные эмоционально-ментальные состояния (модусы сознания), вызванные отношением автора к миру — переживанием чего-либо, выраженным в диапазоне от сочувствия до презрения, он воплощает в создаваемом тексте произведения. Взгляд писателя на мир субъективен, но и всякая интерпретация текста априори субъективна⁶, поскольку общим для автора и читателя является только материальная сторона текста — текст как герметичная линейная последовательность означающих, в которую читатель вкладывает свой смысл. Что же касается попытки найти «объективную» интерпретацию ХТ современным читателем, то без экспериментального изучения читательского восприятия ее обнаружить невозможно.

В. Хлебников заострил проблему восприятия художественного текста в его поэтическом формате: «Говорят, что стихи должны быть понятны» [Хлебников, 1986: 633], как вывеска, которая понятна, но стихами не является (статья 1919–1920 гг.). Очевидно, что в словах поэта-теоретика присутствует полемика с концепцией творчества

⁶ «Всякий из нас, слушая чужую речь и понимая ее, по-своему апперцепирует слова и их значение, и смысл речи будет всякий раз для каждого субъективным не в большей мере и не в меньшей, чем смысл художественного произведения» [Выготский, 1997: 53].

одного из его современников, исследующих творческий процесс (теории творчества Энгельмейер присвоил термин «эврология») в разных аспектах, в том числе понимания художественного произведения слушателем/читателем (с явной отсылкой к футуризму и не менее явной критикой его принципов), которое, по Хлебникову, представляет не что иное, как обывательский стандарт восприятия художественного произведения. П. Энгельмейер пишет: «Художник, прежде всего, хочет быть понятным. Не понятым, а понятным» [Энгельмейер, 1914: 137], но спустя абзац: «Художник... связан в своих комбинациях тем, что возможно, допустимо, приемлемо, что может быть представлено, понято». Таким образом, в приоритете оказывается не «понятность» художника, а его «понятость» теми читателями, которые ловят мир на одной с ним волне.

В европейской и англо-американской науке о литературе «поворот к читателю» как к потенциальному носителю метатекста произошел в середине XX в. Количественный метод в исследовании читательского восприятия художественного произведения соответствовал формирующемуся как особое направление в недрах науки о литературе когнитивному литературоведению. В приоритете этого направления мысли находится изучение не столько «когниции» (интеллектуального познания), сколько базовой эмоции переживания, с которой начинается познание. *Empirische Literaturwissenschaft* как мейнстрим европейского рецептивного литературоведения базируется на вероятностном подходе к изучению восприятия ХТ, который позволяет установить достаточно объективно его перцептивные и рецептивные параметры.

Голландский исследователь В. ван Пир, один из представителей ЭИЛ, занимает заметное место в попытках разрешения триады «автор — текст — читатель», предлагая экспериментальный анализ читательской рецепции [W. van Peer, 2019]. В переводе на лингвистическую специфику языкового знака с учетом материальности его означающего, герметической замкнутости текста и идеального статуса означаемого как в системе языка, так и в речи, эта триада может быть развернута в таком соотношении: «Смысл1 (означающее автора) — Означающее (общее для автора и читателя) / Текст — Смысл2 (означающее читателя)», что, согласно концепции Р. Ингардена, равно формуле «Произведение — Текст — Эстетический предмет»⁷). Аналогичную нетривиальную интерпретацию соотно-

⁷ В концепции Р. Ингардена различаются два понятия: «произведение искусства» (принадлежит автору) и «эстетический предмет» (принадлежит перцепту, у Ингардена — «психическому субъекту»: читателю, зрителю, слушателю), «содержание которого является более богатым по сравнению с тем, какое возникает благодаря самому произведению» [Ингарден, 1962: 135–136]. Такое понимание стату-

шения терминов «текст» и «произведение» предлагает В.А. Лукин: «Текст не является частью произведения, он относится к произведению как форма к содержанию, как выражающее к выражаемому» и «В реальной коммуникации у текста два произведения — автора и получателя. Это касается большинства текстов, но разные тексты по-разному соотносятся со своими произведениями» [Лукин, 2013: 25, 26].

В. ван Пир задается вопросом: «Что делает литература с нашими эмоциями и как мы об этом узнаем?» ('What Literature does to our emotions, and how do we know?' [W. van Peer, 2019]), ответом на который является предложенная им методика экспериментального изучения читательского восприятия (Empirical studies will tell [там же: 1]), представленного в полученных от читателей интерпретациях текста. И хотя рецептивная эстетика, возникшая как особое направление герменевтики, включает в свою сферу все виды искусства, эмпирическое исследование восприятия художественной литературы как особая ветвь лингвистики текста и науки о литературе ставит ряд междисциплинарных вопросов психо-социо-лингвистического характера, решить которые можно при условии создания атмосферы теоретической договоренности (по инструментам, т.е. терминам).

С тезисом проф. ван Пира о том, что кризис в литературоведении может быть преодолен не путем открытия новой моды, в которой литературные тексты интерпретируются по-другому, а путем изучения их воздействия на умы и сердца читателей, для которых эти тексты и создаются, нельзя не согласиться. Ориентация литературоведения на читателя означает смещение центра научного интереса с текста-оригинала на метатекст, без которого, согласно концепции Р. Барта, художественный текст не существует.

Методика проф. ван Пира и его коллег охватывает множество читательских восприятий, из которых выводится среднестатистическое восприятие произведения искусства как своего рода стандарт перцепции (принятия произведения через эмоциональное переживание текстовой информации, в том числе и идущей от звука) и рецепции⁸ (принятия произведения в контексте данной культуры).

са воспринимаемого художественного произведения имеет свою историческую предпосылку в отечественной науке о литературе (см. ниже [Райнов, 1914: 75]).

⁸ Ср.: «Культурно обусловленный аспект восприятия естественнее всего называть рецепцией, а биологический для удобства противопоставления с первым можно назвать перцепцией» [Филиппов, 2019: 93]; Цивьян Ю.: «Перцепция констатирует симптомы, рецепция ставит “диагноз текста”» (цит. по: [Филиппов, 2019: 93]). Ср.: «... каждая эпоха имеет свою психологическую гамму, которую перебирает искусство» [Выготский, 1997: 84]. Европейское литературоведение изучает восприятие ХТ, обусловленное контекстом культуры с присущими ей на

Количественный подход к читательскому восприятию дает науке о литературе возможность в зеркале поколения увидеть отображение любого стародавнего ХТ, жизнеспособность которого определяется не литературоведческими штудиями, а исключительно его востребованностью читателем, переживающим ХТ по-своему. Из этих индивидуальных переживаний текста подсчет извлекает, можно сказать, смысловой инвариант восприятий. В этом и состоит, на мой взгляд, ценность цифры, охватывающей слово. При этом интроспекция и эмпирика непременно должны идти вместе, но именно интроспекция исследователя задает векторы эмпирических исследований произведения.

1.2. Первый вопрос, который возникает в связи с изучением зависимости читательского восприятия от структуры ХТ и который достоин обсуждения, сводится к следующему: разве структурно-смысловой анализ текста, вербализованный в метатексте (в критической статье литературоведа или в лингвистическом разборе), не был традиционно ориентирован на читателя? Бесспорно, был. Именно по этой причине новизна концепции ван Пира состоит прежде всего в применении количественного метода к анализу восприятия текста читателем, поскольку в отечественной филологической традиции изучение «формо-содержания» (термин А. Белого) художественного произведения, если и не было прямо ориентировано на читателя, то, по крайней мере, не выпускало его из виду.

И современная философская мысль не оставляет феномен читателя без внимания. Так, например, философ В.А. Кувакин, профессор МГУ, в предисловии к одному из своих философских эссе «Личная метафизика надежды и удивления» пишет: «Я весь распят здесь, а вы — или ты, конкретный читатель, — неизвестное, которое я не знаю и знать не буду», но «суду мысли, чувства, воображения» которого я предаю самого себя «без остатка» [Кувакин, 1993: 5–7]. А философ Ф. Гиренок, профессор МГУ, демонстрирует не что иное, как достаточно оригинальную читательскую интерпретацию классических текстов (отечественных и зарубежных), одновременно вникая в специфику их структуры — языка и композиции — и выражая себя как читателя в достаточно категоричных и одновременно парадоксальных с точки зрения принятых в культуре стандартов восприятия афоризмах, например: «Допустим, тебе хочется спать. . . заснуть не можешь. А ты интеллигентный человек. То есть ты берешь

определенном этапе развития значимыми смыслами (системой ценностей социума), именно по этой причине оно и называет себя «рецептивным». Однако рецептивный подход к тексту не отменяет значимости изучения собственно перцептивного подхода к нему, например, в отношении фоносемантики (звукосимволизма), а также ритма, что особенно важно в изучении восприятия поэтических текстов.

“Уллиса”, читаешь и засыпаешь. Джойс — фармацевт. Он производит снотворное для интеллигенции. Пруст производит транквилизаторы для шизофреников» [Гиренок, 2019: 126]. Бесспорна оценочность приведенных суждений, однако «понимание есть тоже оценка... устанавливающая впервые новую ценность, новый предмет» [Райнов, 1914: 75].

Русская формальная школа, изучая структуру текста, занимала позицию, можно сказать, «осведомленного, искушенного» читателя, поскольку давала интерпретацию художественному тексту, противореча главному постулату, согласно которому вопрос идет не о методах изучения литературы, а «о принципах построения литературной науки»⁹, в центре которой — литературный прием как форма произведения и основа искусства (обоснованная критика противоречий теории формалистов в [Выготский, 1997]). И даже такой представитель формальной школы, как Б. Эйхенбаум, которого литературоведческие идеологи обвиняли в «крайнем» формализме, через анализ формы повести Гоголя «Шинель» [Эйхенбаум, 1992], «плоти» произведения (лексики и синтаксиса текста, а также композиции) проник в ее сокровенный глубокий смысл и создал свой метатекст, предложив совершенно отличную от предшествующих толкований («критик»¹⁰) интерпретацию, по-иному раскрывающую читателю смысл произведения.

Структура текста во многом предопределяет смысловые векторы его прочтения. Так, А. Белый [Белый, 1922] без опоры на статистику и литературоведческие трактаты провел сугубо лингвистический анализ поэтических текстов трех поэтов-классиков, который следует признать основой современного контент-анализа. По этой (и не только) причине термин «наука о литературе» на современном этапе развития отечественной и европейской филологической мысли представляется более адекватным требованиям времени, сместившим аспект изучения ХТ с его структуры на читательское восприятие, на «текст-чтение» (термин Р. Барта).

Триумфальное шествие семантики под знаменем современного когнитивизма позволило объединить не только семантику и прагматику в узком значении соответствующих им терминов, но породило объединение разъединенных на протяжении почти столетия лингвистики и литературоведения. Но в современный литературо-

⁹ «Мы говорим и можем говорить только о некоторых теоретических принципах, подсказанных нам не той или другой готовой методологической или эстетической системой, а изучением конкретного материала в его специфических особенностях» (курсив мой. — Л. Ч.) [Эйхенбаум, 1927]

¹⁰ Термин «критика» употреблен в его широком значении, лишенном негативной коннотации, в каком он используется А.А. Потебней, — «исследование».

ведческий анализ, а именно в анализ метатекста как экзистенциальной основы художественного текста (по Р. Барту) вторгается статистика, что и определяет приоритет (если не торжество) вероятностного подхода в науке о литературе, развернувшейся к читателю. Однако статистикой в ее филологическом применении могут быть охвачены только те единицы языка, которые поддаются счету: в первую очередь это лексические знаки (их частотность, их сочетаемость), откуда выводятся частотные смыслы, обозначаемые в литературоведении терминами «мотив» и «лейтмотив». Но статистика стоит на службе познания ХТ, являясь ее более объективным и более точным инструментом. Важно, однако, понимать роль и место этого инструмента в его научном применении: статистика обслуживает интуицию исследователя-рецептолога, придавая объективность ее формализации. Как справедливо отмечают исследователи новых тенденций в науке о литературе, «объективность интерпретации в значительной степени обусловлена личностью интерпретатора, а не его мастерством в использовании компьютерных методик» [Пахсарьян, 2018: 9].

2. К истории изучения читателя в науке о литературе

В истории литературоведения переворот произошел тогда, когда то, что прежде считалось ненаучным подходом к анализу литературного произведения и называлось в европейской критике *affective fallacy* (аффективным заблуждением), вышло на передний край исследовательской работы, а изучение восприятия художественного текста изменило статус читателя с получателя (адресата) текста на его законного соавтора — творца «смысла2» («эстетического предмета» — в терминологии Р. Ингардена), воплощенного в языковой форме в виде метатекста. И в этом вопросе отечественная мысль достигла важных результатов. А.А. Потебня писал: «мы можем понимать поэтическое (*resp.* художественное. — Л.Ч.) произведение настолько, насколько мы участвуем в его создании», и «личность поэта исключительна лишь потому, что в ней в большей сосредоточенности находятся те элементы, которые находятся и в понимающем его произведении¹¹» [Потебня, 1976: 543–544].

¹¹ Со словами Потебни перекликается сказанное век спустя Б.М. Гаспаровым: «Попадая из смысловой среды автора в смысловую среду каждого нового адресата, текст всякий раз меняет условия своего существования. Даже если адресат стремится восстановить изначальные условия бытования текста и соответствующим образом построить свое восприятие — эта реконструкция представляет собой продукт собственного опыта адресата и неизбежно создает для текста новую смысловую среду» [Гаспаров, 1994: 275].

В методике понимания ХТ и взаимопонимания в коммуникации, разработанной А.А. Потебней, особое внимание уделяется общей, говоря современным языком, «базе данных» отправителя речи (говорящего) и ее получателя (слушающего), а применительно к ХТ — автора и читателя. От читателя кроме общего развития требуется еще такое «приготовление» к пониманию, которое состоит в «тщательном отношении к поэтическому образу. Нужно понимать его буквально, затем пойдет более отдаленное его понимание» [Потебня, 1976: 522]. Можно провести прямую параллель с концепцией Д. Дэвидсона [Дэвидсон, 2003], ориентированной на решение проблемы адекватного восприятия читателем метафоры (образной и когнитивной) через прямое, буквальное значение вспомогательного субъекта метафоры (т.е. метафоризатора).

Вопрос о влиянии ХТ на читателя был одним из основных в не-периодическом издании сборников под общим названием «Вопросы теории и психологии творчества» (1920-е годы). Предисловие к выпуску 2 второго тома, написанное редактором сборников и одним из авторов статей, начинается следующими словами: «Без образа нет искусства, нет поэзии. Следовательно, понимание художественного целого зависит от правильного толкования единиц-образов, из которых это целое складывается». И далее: «Правильное понимание законов поэтического творчества способствует... умелому толкованию современного искусства» [Лезин, 1910: V]. Эта мысль развивается исследователем в двух направлениях — условно говоря, традиционном с ориентацией на творца текста-письма и на структуру самого текста («как слово-образ возникает», как эти слова «сгущаются» и под.) и в достаточно новом для того времени и ставшим в наше время «новым» старым с ориентацией на читателя с уточнением того, «как слова-образы воздействуют на внутренний мир человека (читателя. — Л.Ч.), преобразуя его; как слушатель, воспринимая их, понимает их, толкует, критикует» [там же]).

Особый вклад в изучение психологии эстетического переживания словесного произведения внес Л.С. Выготский, исследуя экспериментальное влияние ритмической организации текста на дыхание читателя. В художественном произведении, явленном при чтении текста в «немой, беззвучной речи» и в адекватном переживании читателем этой речи, Выготский обнаруживает следующую зависимость: «... Эмоциональный фон поэтического переживания тождествен или, во всяком случае, сходен с тем, который переживал в момент творчества автор, так как в письме его речи отвердел ритм его дыхания» [Выготский, 1926: 173]. Из двух аксиом Л.С. Выготского — «Речь без дыхания немислима» [там же: 170] и «Писатель творит не только ритмы слов, но и ритмы дыханий» [там же: 173] — вытекает,

что переживания автора текста определяют темп и характер его дыхания, которые воплощаются в ритме создаваемого им текста, а ритм текста при его «немом чтении» влияет на восприятие (переживание) текста читателем.

Разгадку «секрета художника», которую Шиллер определил, как «уничтожение содержания формой» (разумеется, в восприятии читателя. — Л.Ч.), Л.С. Выготский видит именно в причинно-следственной связи, такой, что характер дыхания автора при создании им текста через его ритм обуславливает и характер дыхания читателя, которое и определяет его переживание текста. Как и в случае со смыслом, не представленным в тексте имплицитно, для связи характера дыхания автора с характером дыхания читателя, опосредованного ритмом текста, можно предложить аналогичную формулу «Дыхание1 — Ритм текста — Дыхание2». Возникает, однако, некоторое сомнение в категоричности установленной закономерности: при чтении одного и того же ХТ, в котором ритм задан (по Выготскому) дыханием автора, не было бы «разночтений». Коль скоро они выявляются, о чем свидетельствует осмысление итогов эксперимента в таблицах, которые приводит профессор В. ван Пир [W. van Peer, 2019], следует признать необходимость учета двух указанных факторов при экспериментальном изучении восприятия текста — эмоционального (переживание) и интеллектуального (понимание). При одинаковом понимании ХТ (и, очевидно, любого произведения искусства) возможно разное его переживание¹² и, как следствие, разные интерпретации-метатексты, являющиеся самостоятельным научным объектом.

Проблеме влияния ритма на читателя посвящены и работы Д.Н. Овсянико-Куликовского, который ввел специальный аналитический термин «лирическая эмоция», считающаяся им и «наиболее архаической эмоцией», и основной «пружиной» любого вида творчества. «Начало» этой эмоции — «ритм в его различных выражениях»: «монотонный», действующий на психику «удручающим образом» и «сливающийся в мелодию», что вызывает в душе «специфическое волнение» [Овсянико-Куликовский, 1910: 186–187]. Эмоции ритма предлагается разделить на «активные» (с «элементами аффективности») и «пассивные» («представления» об увиденном,

¹² Значимость «ритмического импульса» для читательского восприятия устно исполняемого стиха отмечал Д. Бурлюк, а В. Хлебников, отстаивая особую роль «зауми» во влиянии на слушателя и в своих теоретических разработках нового поэтического языка писал о том, что стихи без содержания («заумь»), прочитанные в разном ритме и с разной интонацией, могут возбуждать в слушающем разные чувства, поскольку «заумь» представляет собой полное торжество свободной от содержания формы, подобно разговорам [Хлебников, 1986: 623–627].

услышанном) [там же: 189]. Творчество, «направленное на создание и разработку ритмов, производящих эмоции», исследователь называет «лирическим» [там же: 192] вне зависимости от характера организации речи в художественном произведении, поскольку лирическая эмоция — производная его формы, ритма, если произведение «облечено в ритмическую форму» [там же: 193].

Что касается содержания художественного произведения, вызывающего разные эмоции (жалости, негодования, ужаса, умиления и т.д.), то они получают атрибуцию «лирические» только при наличии определенной ритмической организации текста. Таким образом, ритм, который с античных времен трактовался как начало формы, является одним из основополагающих факторов, влияющих на читательское восприятие. При экспериментальном изучении восприятия как перцепции литературного произведения в разных формах организации художественной речи — как в стихе, так и в прозе — ритмическая организация текста не может не учитываться. Однако учет этого параметра значительно усложняет работу экспериментатора. Не менее значимую роль в изучении читательского восприятия играет такой параметр организации формо-содержания текста, как остраннение [Чернейко, 2020; 2022]. Однако эту категорию следует рассматривать не только как литературный прием, но и в связи с его психологическим субстратом — определенным модусом сознания, коим является удивление.

В названии монографии «Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования» [Чернейко, 2017] объединены два подхода к тексту художественного произведения: первая часть названия ориентирована на читательское восприятие, поскольку речь идет о том смысле, который читатель извлекает из текста в качестве его «соавтора», создающего новый и самостоятельный «эстетический предмет» (или «смысл2»), а вторая — на лингвистический анализ ХТ с опорой и на теоретическую базу лингвистики текста, и на интроспективный подход к тексту с читательской позиции (а иной позиции у эмпирического направления в науке о литературе и нет).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белый А.* Поэзия слова. СПб., 1922. 135 с.
2. *Выготский Л.С.* О влиянии речевого ритма на дыхание // Проблемы современной психологии. Л., 1926. С. 169–173.
3. *Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1997. 416 с.
4. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М., 1998. 768 с.
5. *Гаспаров Б.М.* Литературные мотивы. М., 1993. 304 с.
6. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. М., 1996. 352 с.
7. *Гиренко Ф.* Удовольствие мыслить иначе. М., 2019. 224 с.

8. Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М., 2003. 595 с.
9. Ингарден Р. Двумерность структуры литературного произведения (и другие разделы по теории литературного произведения) // Исследования по эстетике. М., 1962. С. 21–203.
10. Кувакин В.А. Личная метафизика надежды и удивления: Записки о неизвестности, человеческом и нечеловеческом, о вероятной и невероятной России. М., 1993. 224 с.
11. Лезин Б.А. Предисловие // Вопросы теории и психологии творчества. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1910.
12. Лозинская Е.В. Эмпирические исследования литературы: теория и методология // Человек, образ и сущность. 2008. С. 192–222.
13. Лукин В.А. Текст и произведение. В чем проблема и что нам даст ее решение // Текст. Язык. Человек. Мозырь, 2013. С. 24–27.
14. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М., 1997. 224 с.
15. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989. 287 с.
16. Овсяннико-Куликовский Д. Лирика как особый вид творчества // Вопросы теории и психологии творчества. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1910. С. 182–226.
17. Пахсарьян Н.Т. Актуальные проблемы современного французского литературоведения // Современная наука о литературе: Основные тенденции и проблемы: Сб. науч. тр. РАН ИНИОН. М., 2018. С. 11–45.
18. Потенция А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. 613 с.
19. Райнов Т. Теория творчества // Вопросы теории и психологии творчества / Под ред. Б.А. Лезина. Т. 5. Ч. 1. Харьков, 1914. С. 1–103.
20. Филиппов С.А. Перцепция и рецепция в теории искусства // Вестник РГГУ Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 87–97.
21. Хлебников Велимир. Творения. М., 1986. 736 с.
22. Чернейко Л.О. Как рождается смысл. Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. М., 2017. 208 с.
23. Чернейко Л.О. «Вероятностный мир» языковой личности (применительно к анализу художественного текста) // Вопросы психолингвистики. 2020. Т. 3. № 45. С. 137–152.
24. Чернейко Л.О. Острые вопросы вокруг *остран(н)ения* // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 127–139.
25. Эйхенбаум Б.М. Теория «формального метода» // Эйхенбаум Б.М. Литература: Теория. Критика. Полемика. Л., 1927. С. 116–148). URL: <http://www.opozaj.ru/method/method09.html> (дата обращения: 20.07.2021).
26. Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» // Поэтика. Вопросы литературоведения. М., 1992. С. 93–111.
27. Энгельмейер П.К. Эврология, или Всеобщая теория творчества // Вопросы теории и психологии творчества. Т. V. Ч. 2. Харьков, 1914. С. 131–160.
28. Willie van Peer, Anna Chesnokova. What Literature does to our emotions, and how do we know? Empirical studies will tell // Synopsis: text, context, media. 2019. 25 (1). P. 1–10.
29. Willie van Peer. Some Progress in Literary Studies: ‘Ostranenie’ and Beyond. Рукопись статьи 2021 г. для Вестника МГУ. Серия 9. Филология.

REFERENCES

1. Belyj A. *Poeziya slova* [Poetry of the word]. Peterburg: *Epoha*, 1922. 135 p.

2. Vygotskij L.S. O vliyanii rechevogo ritma na dyhanie [On the influence of speech rhythm on breathing]. *Problemy sovremennoj psihologii* [Issues of modern psychology]. L.: Gosizdat, 1926. P. 169–173.
3. Vygotskij L.S. Psihologiya iskusstva [Psychology of art]. Moskva, 1997.
4. Gak V.G. Yazykovye preobrazovaniya [Language transformations]. M.: *Yazyki russkoj kul'tury*, 1998. 768 p.
4. Gasparov B.M. Literaturnye motivy [Literary motives]. M.: *Nauka*, 1993. 304 p.
5. Gasparov B.M. Yazyk, pamyat', obraz. M., 1996. 352 s.
6. Girenok F. Udovol'stvie myslit' inache [The pleasure of thinking differently]. M.: *Prospekt*, 2019. 224 p.
7. Devidson D. Istina i interpretaciya [Truth and interpretation]. M.: *Praksis*, 203. 595 p.
8. Ingarden R. Dvumernost' struktury literaturnogo proizvedeniya (i drugie razdely po teorii literaturnogo proizvedeniya) [Two-dimensionality of the structure of a literary work (and other sections on the theory of a literary work)]. Issledovaniya po estetike [Research on aesthetics]. M.: *Inostr. lit.*, 1962. P. 21–203.
9. Kuvakin V.A. Lichnaya metafizika nadezhdy i udivleniya: Zapiski o neizvestnosti, chelovecheskom i nechelovecheskom, o veroyatnoj i neveroyatnoj Rossii [Personal metaphysics of hope and surprise: Notes on the unknown, human and non-human, about the probable and improbable Russia.]. M.: *Koffi*, 1993. 224 p.
10. Lezin B.A. Predislovie [Preface]. Voprosy teorii i psihologii tvorchestva [Issues of the theory and psychology of creativity]. V. 2. Iss. 2. SPb.: *Izd. A.S. Suvorina*, 1910.
11. Lozinskaya E.V. Empiricheskie issledovaniya literatury: teoriya i metodologiya [Empirical research of literature: Theory and methodology]. *Chelovek, obraz i sushchnost'* [Man, image and essence]. 2008. P. 192–222.
12. Lukin V.A. Tekst I proizvedenie. V chem problema I chto nam dast ee peshenie? [Text and work. What is the problem and what will its solution give us?]. *Tekst. Yazik. Chelovek. Mozyr'*, 2013. P. 24–27.
13. Mamardashvili M.K., Pyatigorskij A.M. Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke [Symbol and consciousness. Metaphysical arguments about consciousness, symbolism and language]. M.: *Yazyki russkoj kul'tury*, 1997. 224 p.
14. Nalimov V.V. Spontannost' soznaniya. Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arhitektonika lichnosti [The spontaneity of consciousness. Probabilistic theory of meanings and semantic architectonics of personality]. M.: *Prometej*, 1989. 287 p.
15. Ovsyaniko-Kulikovskij D. Lirika kak osobyj vid tvorchestva [Lyrical poetry as a special kind of creativity]. Voprosy teorii i psihologii tvorchestva [Issues of the theory and psychology of creativity]. V. 2. Iss. 2. SPb.: *Izd. A.S. Suvorina*, 1910. P. 182–226.
16. Pahsar'yan N.T. Aktual'nye problemy sovremennoogo francuzskogo literaturovedeniya [Current issues of modern French literary criticism]. *Sovremennaya nauka o literature: Osnovnye tendencii i problem: Sb. nauch. tr.* [Modern theory of literature: The main trends and issues: Collection of scientific papers] RAN INION. M., 2018. P. 11–45.
17. Potebnaya A.A. Estetika i poetika [Aesthetics and poetics]. M.: *Iskusstvo*, 1976. 613 p.
18. Rajnov T. Teoriya tvorchestva [Theory of creativity]. Voprosy teorii i psihologii tvorchestva [Issues of the theory and psychology of creativity]. Pod red. [un. ed.] B.A. Lezina. V. 5. Ch. 1. Har'kov: *Mirnyj trud*, 1914. P. 1–103.
19. Filippov S.A. Pertseptsiya i retseptsiya v teorii iskusstva [Perception and reception in the theory of Art]. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie"* [RSUH Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series]. 2019, no. 1, pp. 87–97.
20. Hlebnikov Velimir. Tvoreniya [Creations]. M.: *Sov. Pisatel'*, 1986. 736 p.

21. Chernejko L.O. *Kak rozhdaetsya smysl. Smyslovaya struktura hudozhestvennogo teksta i lingvisticheskie principy ee modelirovaniya* [How the meaning is born. The semantic structure of a literary text and the linguistic principles of its modeling]. M.: *Gnozis*, 2017. 208 p.
22. Chernejko L.O. “Veroyatnostnyj mir” yazykovoj lichnosti (primenitel’no k analizu hudozhestvennogo teksta) [The “probabilistic world” of a linguistic identity (in relation to the analysis of a literary text)]. *Voprosy psicholingvistiki* [Issues of psycholinguistics]. 2020. V. 3. № 45. P. 137–152.
23. Chernejko L.O. Ostrye voprosy vokrug ostranneniya [Urgent issues round ostran(n)enie. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology]. 2022. № 2. P. 127–139.
24. Ejhenbaum B.M. *Teoriya “formal’nogo metoda”* [The theory of the “formal method”]. URL: <http://www.opojaz.ru/method/method09.html> (retrieval date: 20.07.2021).
25. Ejhenbaum B.M. Kak sdelana “Shinel” [How the “Overcoat” is made] // *Poetika. Voprosy literaturovedeniya* [Poetics. Issues of literary criticism.]. M.: *ROU*, 1992. P. 93–111.
26. Engel’meier P.K. Evrologiya, ili Vseobshchaya teoriya tvorchestva [Eurology, or the Universal theory of creativity]. *Voprosy teorii i psikhologii tvorchestva. T. 5.* [The questions of theory and psychology of creativity. Vol. 5] Khar’kov: *Publ. Mirnyi trud*, 1914, pp. 131–160.
27. Willie van Peer, Anna Chesnokova. What Literature does to our emotions, and how do we know? Empirical studies will tell. *Synopsis: text, context, media*. 2019. 25 (1). P. 1–10.
28. Willie van Peer. Some Progress in Literary Studies: ‘Ostranenie’ and Beyond. Manuscript of the article for the *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology]. 2021.

Поступила в редакцию 24.06.2022;
 принята к публикации 15.10.2022;
 отредактирована 04.11.2022

Received 24.06.2022;
 accepted 15.10.2022;
 revised 04.11.2022

ОБ АВТОРЕ

Чернейко Людмила Олеговна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; avollis@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Liudmila Cherneyko — Dr. Habil in philology, Prof., Department of the Russian Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; avollis@mail.ru

АРХИТЕКТОНИКА «РУССКИХ НОЧЕЙ» В.Ф. ОДОЕВСКОГО

А.Н. Николоюкин

*Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва,
Россия; anikolyukin1928@yandex.ru*

Аннотация: Философский роман В.Ф. Одоевского состоит из новелл, собранных молодыми людьми во главе с Фаустом, имя которого стало обозначать автора романа как «русского Фауста». Одоевский приобщился к масонству еще в Благородном университетском пансионе, руководителем которого был А.А. Прокопович-Антонский, друг Н.И. Новикова. Молодость Одоевского, период любознательности, прошла под влиянием философии Шеллинга и идей масонства, учения Сен-Мартена и Баадера. Архитектоника «Русских ночей» как философского романа определяется беседами и спорами о вопросах современной жизни молодых участников повествования. «Русские ночи» представляют сложное сочетание мистического масонства и учения Шеллинга. Это большой философско-этический трактат, представляющий пестрое собрание идей и мнений почти по всем проблемам жизни и мышления русских людей первой половины XIX в.

Ключевые слова: В.Ф. Одоевский; «Русские ночи»; масонство; новелла; философский роман

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-100-108

Для цитирования: Николоюкин А.Н. Архитектоника «Русских ночей» В.Ф. Одоевского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 100–108.

THE ARCHITECTONICS OF V.F. ODOEVSKY'S "RUSSIAN NIGHTS"

Alexander Nikolyukin

*Institute for Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; anikolyukin1928@yandex.ru*

Abstract: V.F. Odoevsky's philosophical novel comprises a collection of manuscripts of short stories presented by young people led by Faust, whose name began to denote the author of the novel as the "Russian Faust". Odoevsky joined Freemasonry at the Noble University Boarding School, the head of which was A.A. Prokopovich-Antonsky, a friend of N.I. Novikov. Odoevsky's youth, the period of the love of wisdom, passed under the influence of Schelling's philosophy and the ideas

of Freemasonry, the teachings of de Saint-Martin and F. Baader. The architectonics of “Russian Nights” as a philosophical novel is determined by conversations and disputes about the issues of modern life among the young characters of the story. “Russian Nights” is a complex combination of mystical Freemasonry and the teachings of Schelling. It is a large philosophical and ethical treatise, representing a motley collection of ideas and opinions on almost all issues of the life and thinking of Russian people in the first half of the 19th century.

Key words: V.F. Odoevsky; “Russian Nights”; Freemasonry; short story; philosophical novel

For citation: Nikolyyukin A.N. (2022) The architectonics of V.F. Odoevsky’s “Russian Nights”. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. No. 6, pp. 100–108.

Книга В.Ф. Одоевского состоит из девяти ночей. Цифра 9 в масонстве означает единство трех миров: неба, земли и преисподней. Юность Одоевского прошла под влиянием философии Шеллинга и идей масонства. Проводниками таких идей стали профессор Московского университета по кафедре философии и беллетристики И.Г. Шварц (1751–1784) и просветитель и издатель Н.И. Новиков (1744–1818). Многие декабристы были масонами. И среди обвинителей декабристов масонов было ничуть не меньше: А.Х. Бенкендорф, А.Д. Боровков и М.М. Сперанский точно так же состояли в масонских ложах. Масонство стало формой самосознания русского дворянства, нравственной основой многих лучших людей того времени, что гениально изобразил в «Войне и мире» Л.Н. Толстой.

А.С. Пушкин записал в своем Дневнике 1821 г.: «4 мая был я принят в масоны». Вскоре Одоевский стал близким другом Пушкина. Вместе с В.К. Кюхельбекером Одоевский издавал альманах «Мнемозина» (1824–1825). Не вызывает сомнения, что Одоевский тогда, в период любомудрия, уже был масоном. Главный исследователь Одоевского П.Н. Сакулин считал, что Одоевский приобщился масонству еще в Благородном университетском пансионе, руководителем которого был А.А. Прокопович-Антонский, друг Н.И. Новикова: «Через Антонского воспитанники благородного пансиона, а, следовательно, и кн. Одоевский, входили в идейное общение с идейными традициями русского масонства екатерининской эпохи, когда вырабатывался идеал нравственно-совершенной и деятельной личности и уже определенно намечались культурные задачи общественного служения» [Сакулин, 1913, 6, ч. I: 14].

Однако исследователи предпочитают высказываться более осторожно, тем более что Пушкин позднее разочаровался в масонстве. В одной из лучших работ на эту тему утверждается: «В филантропической и просветительской деятельности Одоевского запечатле-

ны черты типичного масона новиковского круга, или истинного масона. Был ли посвящен в масонство Одоевский — вопрос не в этом. Даже если Одоевский и не подвергивал штанину, а, скорее, это так, он оставался преданным хранителем старых мистических тайн, но, понимая их значение для обретения Истины, он “переводил” их на язык современной науки» [Щербатова, 2019: 231–232].

Проблематика «Русских ночей» начинается с вопроса во второй ночи: «Зачем мы живем? — спрашиваете вы. Трудный и легкий вопрос. Может быть, на него можно отвечать одним словом; но этого слова вы не поймете, если оно само не выговорится в душе вашей... Вы хотите, чтобы вас научили истине? — Знаете ли великую тайну: истина не передается! Исследуйте прежде: что такое значит *говорить!* Я, по крайней мере, убежден, что говорить есть не иное что, как возбуждать в слушателе его собственное внутреннее слово: если его слово не в гармонии с вашим — он не поймет вас; если его слово свято — ваши и худые речи обратятся ему в пользу; если его слово лживо — вы произведете ему вред с лучшим намерением» [Одоевский, 1975: 14].

Значение второй ночи в философии романа всегда отмечалось исследователями. «Вторая ночь “Русских ночей” — самая философская. В ней Одоевский солидаризируется с Шеллингом, который, как следует из текста, лучше других понимал и тонко прочувствовал как человеческую душу, так и саму жизнь со всей ее непредсказуемостью и иррациональностью. Устами Фауста Одоевский обрушивает едкую критику на современное ему положение дел в науке» [Винкельман, 2019: 289].

Архитектоника «Русских ночей» как философского романа определяется беседами и спорами о счастье, поэзии, современной жизни молодых участников повествования. Разговор заводит Вечеслав: «Мир без нас начался, без нас и кончится. Я объявляю вам, что мне наскучили все эти бесплодные философствования, все эти вопросы о начале вещей, о причине причин. Поверьте мне, все это пустошь в сравнении с хорошим бифштексом и бутылкой лафита; они мне напоминают лишь басню Хемницера “Метафизик”» [Одоевский, 1975: 14].

Заходит спор о басне М.М. Хемницера «Метафизик». Свою интерпретацию этой беседы дает психолог Л.С. Выготский: «Всем известна прекрасная басня Хемницера “Метафизик” и ее неглубокая мораль. Оказывается, что басня вовсе не высмеивает мечтателей, как это сказал бы школьный учебник и как это делает автор. Кружок мечтателей, собравшихся у Фауста (в “Русских ночах” В.Ф. Одоевского) думает иначе. Толкование Ростислава и глубже, и интереснее, чем авторское» [Выготский, 1986: 339].

Метафизические рассуждения о времени, о химии и прочих вещах перестали удовлетворять Одоевского, читвшего философию Шеллинга. 26 июня 1842 г. состоялась встреча Одоевского с Шеллингом. Особый интерес представляет ответ Шеллинга на вопрос Одоевского о немецком философе Франце Баадере¹. Ответ был краток и неблагоприятен. «Этот человек был в противоречии с самим собою; он имел несколько оригинальных мыслей и был интересен на первые две-три встречи, а потом повторял все одно и то же; между тем его общественная жизнь мало согласовалась с его учением; он был сперва в Обществе Розенкрейцеров, в Баварии, не отличавшихся строгою нравственностью, и в нем нечто осталось от них; во время Венского конгресса он адресовался ко всем Государям и просил денег, представляя свой план сочинения в пользу Христианства; один ваш Александр обратил на него внимание и при пособии Г-жи Ельбинг, Бадер во всю жизнь Александра получал пенсию, хотя весьма неаккуратно. Он ездил в Россию, но в Риге получил повеление возвратиться и был здесь в Берлине в большой крайности...» [Сакулин, 1913, ч. 1: 386].

Одоевский разъяснил в беседе с Шеллингом понятие «мартинисты»: «Этим именем называются последователи Мартинец де Пасквалец, учителя St. Martin — Теурга, от которого St. Martin отделился, почитая опасными его теургические материальные операции» [там же]². Одоевский был поражен сходством учения Сен-Мартена с философией Шеллинга. Вместе с тем Одоевский многое воспринял от идей подвижника XVIII в. Паисия Величковского, биографию которого напечатал в «Москвитянине» (1845. Апрель) Иван Киреевский. Одоевский высоко ценил значение Шеллинга в духовной жизни его времени: «В начале XIX века Шеллинг был тем же, чем Христофор Колумб в XV: он открыл человеку неизвестную часть его мира, о которой существовали только какие-то баснословные предания, — *его душу!*» [Одоевский, 1975: 13–14]. Вместе с тем все смешалось в представлениях молодых людей, изображенных в романе. «Изыскателям попадались книги и люди, из которых одни уверяли их, что человечество достигло последней степени своего совершенства, что все объяснено, все сделано и ничего более ни делать, ни объяснять не остается; другие — что человечество не сделало ни

¹ Еще 1838 г. с ним встретился и беседовал С.П. Шевырëв и дал обширную характеристику его взглядов (Москвитянин. 1841. Ч. 3. № 6. С. 378–427).

² Мартинес де Паскуалли (Паскуалис) (*Jacques de Livron Joachim de la Tour de la Casa Martinez de Pasqually*); около 1727, Гренобль — около 1779, Порт-о-Пренс) — теург и теософ. Основал в 1761 г. орден рыцарей-масонов Избранных Коэнов Вселенной, обычно именуемого «Избранными Коэнами». Он был наставником, инициатором и другом Луи Клода де Сен-Мартена и Жана-Батиста Виллермоза, и потому считается основателем мартинизма.

шагу со времен своего падения; что оно двигалось, но не подвигалось; третьи — что хотя человечество и не достигло до совершенства, однако в наше время решен по крайней мере вопрос, каким образом отличать истину от бредней, дельное от неделного, важное от неважного; что в наше время уже сделалось непростительным человеку, как говорят, образованному не уметь определить себе круга занятий и не знать цели, к которой он должен стремиться; что, наконец, если человечество может еще подвинуться к совершенству, то не иначе, как следуя тому пути, который оно себе теперь избрало» [Одоевский, 1975: 18].

«Русские ночи» — сложное сочетание мистического масонства и учения Шеллинга, которым был так очарован Одоевский: «Шеллинг, в первый год текущего столетия, бросил в мир одну глубокую мысль, как задачу для юного века, задачу, которой разработка должна наложить на него характерическую печать и гораздо вернее выразить его внутреннее значение в эпохах мира, нежели всевозможные паровики, винты, колеса и другие индустриальные игрушки. Он отличил безусловное, самобытное, свободное самовоззрение души — от того воззрения души, которое подчиняется, например, математическим, уже *построенным* фигурам; он признал основу всей философии — во внутреннем чувстве, он назвал первым знанием — знание того акта нашей души, когда она обращается на самую себя и есть вместе и предмет, и зритель; словом, он укрепил первый, самый трудный шаг науки на самом неопровержимом, на самом явном явлении и тем, как бы по предчувствию, положил вечную преграду для всех искусственных систем, которые, подобно гегелизму, начинают науку не с действительного факта, но, например, с *чистой* идеи, с *отвлечения отвлечения*» [Одоевский, 1975: 136]. Идеализм философской романтики сохраняется в романе от периода Любомудрия Одоевского.

Одиннадцать новелл, вставленных в философский роман из прежних публикаций, составляют живое отражение взглядов, высказанных в беседах молодых людей. Фигурой, ведущей дискуссию, становится выражающий ход мыслей автора Фауст. Самопознание становится главной целью беседы. Новелла о Пиранези в третьей ночи отражает заоблачные мечты Фауста. В четвертой ночи Фауст помещает шесть новелл, найденных в бумагах одного молодого человека. Гётевский Фауст привлек к себе пристальное внимание Одоевского (см. об этом, например, работу Н.С. Васина, где Фауст в «Русских ночах» рассматривается как русский эквивалент философской концепции Гёте: «Следовательно, сюжетная организация создает определенную композиционную модель, которая представляет собой своеобразные уровни» ([Васин, 2010: 18])).

Опубликованные ранее новеллы Одоевского входят в роман как художественная иллюстрация высказанного теоретического посыла Фауста. В конце шестой ночи происходит беседа тех же молодых людей по поводу услышанной истории о Бетховене. «Но мы отделились от Бетховена. Ничья музыка не производит на меня такого впечатления; кажется, она касается до всех изгибов души, поднимает в ней все забытые, самые тайные страдания и дает им образ; веселые темы Бетховена — еще ужаснее: в них, кажется, кто-то хохочет — с отчаяния... Странное дело: всякая другая музыка, особенно гайднова, производит на меня чувство отрадное, успокаивающее; действие, производимое музыкою Бетховена, гораздо сильнее, но она вас раздражает: сквозь ее чудную гармонию слышится какой-то нестройный вопль; вы слушаете его симфонию, вы в восторге, — а между тем у вас душа изныла. Я уверен, что музыка Бетховена должна была его самого измучить. — Однажды, когда я не имел еще никакого понятия о жизни самого сочинителя, я сообщил странное впечатление, производимое на меня его музыкою, одному горячему почитателю Гайдна. — “Я вас понимаю, — отвечал мне гайднист, — причина такого впечатления та же, по которой Бетховен, несмотря на свой музыкальный гений (может быть, высшей степени, нежели гений Гайдна), — никогда не был в состоянии написать духовной музыки, которая приближалась бы к ораториям сего последнего”. — “Отчего так?” — спросил я. — “Оттого, — отвечал гайднист, — что Бетховен не верил тому, чему верил Гайдн”» [Одоевский, 1975: 85].

Молодые люди продолжают публикацию обнаруженных рукописей, после чего в девятой ночи происходит полемика, в центре которой возникает утверждение философских взглядов Шеллинга. Так возникает образ русского шеллингианца Фауста.

Рассмотрим образ его в контексте романа. Фаустом группа молодых людей называла одного из своих приятелей, который имел обыкновение держать у себя черную кошку, по несколько дней сряду не брил бороды, рассматривал в микроскоп козявок, дул в плавленную трубку, запирали дверь на крючок и по целым часам прилежно занимался неизвестно чем. Такой своеобразный предшественник тургеневского Базарова.

Молодые люди, к которым присоединилось еще несколько человек, забросали Фауста праздными вопросами, из которых живым был лишь один: «Отчего мы курим табак?». Фауст отвечал в том же духе, говоря, что на вопрос, отчего мы курим, я буду отвечать, когда вы добьетесь от животных, почему они не курят. Мирозерцание Фауста отражает эстетические и философские представления Одоевского. «Грубое дерево, последняя былинка, каждый предмет грубой временной природы доказывают существование закона, который

ведет их прямо к той степени совершенства, к которой они способны; с начала веков, несмотря на все пагубные влияния, их окружающие, естественные тела развивались в тысяче поколениях, стройно и однообразно, и всегда достигали до полного своего развития. Неужели высшая сила лишь человеку дала одно безответное желание, неудовлетворимую потребность, беспредметное стремление?» [Одоевский, 1975: 17]. Одоевский отмечает, что это мысли Сен-Мартена, на которые откликается Фауст. Так, он пишет:

«Эти вопросы, продолжал Фауст, привели моих искателей к другому, довольно странному: не ошиблись ли люди в истинном пути к влекущему их предмету? или они знали его, но забыли, — и тогда как вспомнить? Вопросы страшные, мучительные для мыслящего духа! Однажды Фауст объявил своим искателям, что они прошли и грамматику, и историю, и поэзию и что, наконец, они будут учиться такой науке, которая решит все возможные вопросы, и что эта наука называется философией. Юноши были вне себя от изумления и готовы были спросить, что такое грамматика? Что такое история? Что такое поэзия? Но вторая половина учительского объявления так их утешила, что они на этот раз решились промолчать и исподтишка наготовить многое множество вопросов для своей новой науки».

В разделе «Пожелания» второй ночи Одоевский задается вопросом: «В самом деле, что такое наука в наше время? В ней все решено — все, кроме самой науки. Все доказано, все — и та и другая сторона, и ложь, и истина, и да и нет, и просвещение и невежество, и гармония мира и хаос создания. Одна мысль разрослась, захватила огромное пространство, а другая стоит против нее, ей противоположная, столь же сильная, столь же доказанная, как власть против власти!.. И нет борьбы — борьба кончилась. На поле битвы встречаются бледные, изнеможенные ратники с поникшими лицами и болезненным голосом спрашивают друг друга: где ж победители? — Нет победителей! все мечта! В мире идеальном, как в грубом мире вещества, растет репейник возле розы, манценилл возле кокоса — и не мешают друг другу! — Это ли совершенство, ожидаемое людьми? Это ли совершенство, завещанное мудрыми? Это ли совершенство, предреченное святыми?» [Одоевский, 1975: 22]. В приведенных цитатах отражен ход исторических мыслей самого Одоевского.

Высшей напряженности беседа и противостояние различных взглядов молодых людей достигается в Эпиллоге. Это большой философско-этический трактат, представляющий пестрое собрание идей и мнений почти по всем проблемам жизни и мышления русских людей первой половины XIX в.

На все вопросы собеседников отвечает Фауст. Приведем некоторые наиболее характерные из его суждений: «У Вольтера была сумасбродная и преступная цель, и потому он видел только одну сторону вопроса, одно то, что мог он употребить как оружие против предмета своей ненависти. Между тем никто так не пользовался двусмысленностью слов, как сам Вольтер; все его мнения завернуты в эту оболочку. — Здесь дело другое; *двусмысленность* слов — большое неудобство; но *бессмысленность* еще важнее, и слов последнего рода гораздо больше в обращении — благодаря, между прочим, и Вольтеру...» [Одоевский, 1975: 143].

После победы над Наполеоном русское общество переживало результаты свершенного, и Фауст произносит слова: «Много царств улеглось на широкой груди орла русского! В годину страха и смерти один русский меч рассек узел, связывавший трепетную Европу, — и блеск русского меча доныне грозно светится посреди мрачного хаоса старого мира... Все явления природы суть символы одно другому: Европа назвала русского *избавителем*, в этом имени таится другое, еще высшее звание, которого могущество должно проникнуть все сферы общественной жизни: не одно *тело* должны спасти мы — но и *душу* Европы!» [Одоевский, 1975: 148].

Обширный философский Эпилог завершается словами: «Деятнадцатый век принадлежит России!» [Одоевский, 1975: 183]. Находясь между славянофилами и западниками, Одоевский попытался соединить взгляды своих друзей, разномыслящих по вопросу о судьбах России. В результате появилось то многообразие эстетических проблем, которое представлено в романе «Русские ночи». Проблемы, поднятые в этике и философии Фауста у Одоевского, нашли отклик и продолжение в русской литературе. Известны специальные исследования, посвященные связям и влияниям Одоевского на Гоголя, Тургенева, Достоевского, Чехова [Назирова, 2017]. При обращении к XX в. возникают сопоставления Одоевского с Булгаковым и Пастернаком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васин Н.С. Цикл «Русские ночи» В.Ф. Одоевского как вариация на темы «Фауста» И.В. Гёте // Мир науки, культуры, образования. № 4-1 (23). 2010. С. 16–19.
2. Винкельман А.М. Романтическое безумие: Ф. Шеллинг и В. Одоевский // Литература и философия: от романтизма к XX веку (К 150-летию со дня смерти В.Ф. Одоевского). М., 2019. С. 286–294.
3. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1986.
4. Назирова Р.Г. Место В.Ф. Одоевского в русской литературе // Назировский архив. 2017. № 4 (18). С. 9–55.
5. Одоевский В.Ф. Русские ночи / Подгот. Е.Ф. Егорова, Е.А. Маймина, М.И. Медового. Л., 1975. (Литературные памятники).

6. Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель — писатель. Ч. 1, 2. М., 1913,
7. Щербатова И.Ф. В.Ф. Одоевский — хранитель теософско-мистической традиции в русской философии // Литература и философия: от романтизма к XX веку (К 150-летию со дня смерти В.Ф. Одоевского). М., 2019. С. 222–232.

REFERENCES

1. Vasin N.S. Tsikl «Russkie nochi» V.F. Odoevskogo kak variant na temu «Fausta» I.W. Goethe [The cycle “Russian Nights” by V.F. Odoevsky as a variation on the themes of “Faust” by I.V. Goethe]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*. — World of science, culture, education. № 4-1 (23). 2010. P. 16–19. (In Russ.)
2. Vinkel'man A.M. Romanticheskoe bezumie: F. Shelling i V. Odoevskii [Romantic madness: F. Schelling and V. Odoevsky] *Literatura i filosofiia: ot romantizma k XX veku (K 150 letiiu so dnia smerti V.F. Odoevskogo)*. — [Literature and philosophy: from Romanticism to the 20th cent. (To the 150th anniversary of V.F. Odoevsky's passing)]. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature, 2019. P. 286–294. (In Russ.)
3. Vygot'skii L.S. *Psikhologiia iskusstva* [Psychology of Art.]. Moscow: *Iskusstvo Publ.*, 1986. 573 pp. (In Russ.)
4. Nazirov R.G. Mesto V.F. Odoevskogo v russkoi literature [Odoevsky's place in Russian literature]. *Nazirovskii arkhiv*. — Nazirovsky Archive. 2017. № 4 (18). P. 9–55. (In Russ.)
5. Odoevskii V.F. *Russkie nochi* [Russian nights] / Ed. by E.F. Egorov, E.A. Maimin, M.I. Medovoy. Leningrad: *Nauka Publ.*, 1975. 321 pp. (Literaturnye pamiatniki [Literary monuments]). (In Russ.)
6. Sakulin P.N. Iz istorii russkogo idealizma. Kniaz' V.F. Odoevskii. Myslitel' — pisatel' [From the history of Russian idealism. Prince V.F. Odoevsky. Thinker — writer]. Moscow: Edition of Sabashnikov, 1913, part 1, 616 pp.; part 2, 480 pp. (In Russ.)
7. Shcherbatova I.F. V.F. Odoevskii — khranitel' teosofsko-misticheskoi traditsii v russkoi filosofii [V.F. Odoevsky — the guardian of the theosophical-mystical tradition in Russian philosophy]. *Literatura i filosofiia: ot romantizma k XX veku (K 150 letiiu so dnia smerti V.F. Odoevskogo)* [Literature and philosophy: from Romanticism to the 20th cent. (To the 150th anniversary of V.F. Odoevsky's passing)]. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature, 2019. P. 222–232. (In Russ.)

Поступила в редакцию 17.02.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Отредактирована 01.11.2022

Received 17.02.2022

Accepted 11.10.2022

Revised 01.11.2022

ОБ АВТОРЕ

Николюкин Александр Николаевич — главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН; anikolyukin1928@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander Nikolyukin — Chief researcher at the Institute for Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Department of Literary Criticism; anikolyukin1928@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ДУХОВНУЮ ЖИЗНЬ ИСПАНИИ В XX–XXI вв.

Ю.Л. Оболенская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; obolens7@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей восприятия переводов русской литературы в различных культурно-исторических контекстах, складывающихся в Испании с конца XIX в. до 2020-х годов. Особое внимание уделено влиянию произведений Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и ряда советских писателей на испанскую культуру и духовную жизнь общества; кроме того, рассматриваются особенности восприятия произведений русских писателей второй половины XX в. в пост-франкистской Испании.

Ключевые слова: Испания; русская литература; влияние; переводы восприятие

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-109-123

Для цитирования: Оболенская Ю.Л. Влияние русской литературы на духовную жизнь Испании в XX–XXI вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 109–123.

THE INFLUENCE OF RUSSIAN LITERATURE ON THE SPIRITUAL LIFE OF SPAIN IN THE 20TH–21ST CENTURIES

Yulia Obolenskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; obolens7@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to specific features of perceiving translations of Russian literature in various cultural and historical contexts of Spain from the late 19th century to the 2020s. Special attention is paid to the influence of the works of L. Tolstoy, I. Turgenev, F. Dostoevsky and a number of Soviet writers on the Spanish culture and spiritual life of the society. In addition, the perception of works by Russian writers of the second half of the 20th century in post-Francoist Spain are considered.

Key words: Spain; Russian literature; perception of translations; influence

For citation: Obolenskaya Yu.L. (2022) The Influence of Russian Literature on the Spiritual Life of Spain in the 20th–21st Centuries. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 109–123.

Рассматривать заявленную тему я начну с парадоксального, на первый взгляд, заключения Б. Эйхенбаума о том, что «никакого «влияния» в настоящем смысле слова и не бывает, потому что иностранный автор прививается на чужой почве не по собственному желанию, а по вызову» [Эйхенбаум, 1987: 161–162]. Попытки *навязать* обществу или *запретить* произведения какого-либо автора могут быть связаны с деятельностью отдельной личности (пример — популяризаторская деятельность *пропагандиста* русской литературы И.С. Тургенева в Европе) или политикой государства. А вот «вызов» иностранного автора бывает обусловлен, прежде всего, духовными запросами общества, культурно-историческим контекстом эпохи. Сила воздействия конкретного иностранного автора зависит от того, насколько национальное литературное движение и общество в целом готово к восприятию новой проблематики, а национальная литература ощущает потребность в преобразовании, ищет новые темы, приемы и методы. И, как мы убедимся в дальнейшем, русские авторы оказались востребованы испанским обществом в течение более века самых трагических событий в этой стране: с 1880-х годов и до конца XX в.¹ Это было время кризисов, гражданских войн, республиканских побед, диктатуры Франко и перехода к демократии. Параллели с историей нашей страны очевидны.

В самом начале XX в. мода «на русское», зародившись во Франции, стала общеевропейской; а в Испании она привела к расцвету «псевдорусской литературы»² — мнимых переводов и подделок, предлагающих читателям, по словам Вальделомара (автора одного из таких «русских» творений, как повесть «Ледяной дворец»), «нечто русское: утонченное и кровавое»³. Весь XX в. в Испании — это век преклонения перед русскими писателями, которые в своих произведениях, пусть и дошедших до испанских читателей в весьма несовершенных переводах, давали ответы на волнующие их вопросы. На протяжении десятилетий русские писатели становятся властителями дум читателей, и именно «запросы» общества или отдельных

¹ Подробнее о восприятии, переводах и оценках русской литературы в Испании и Латинской Америке с XIX в. и до конца XX в., а также о «русской моде» см.: [Оболенская, 1988; 1998; 2006; 2018; 2019], и ряд наших статей в испанских изданиях: «Las traducciones de la obra de Leon Tolstoy en España». Jornadas de filología eslava., Complutense, Madrid, 1990. «La historia de las traducciones y los problemas de equivalenci». III Encuentros complutenses en torno a la traducción., Complutense, Madrid, 1993. «La historia de las traducciones de la literatura clásica rusa en España».

² Кстати, первое такое произведение появилось во Франции в 1828 г.: «Делия, или Сила образования», его автор скрывался под псевдонимом *m-me de Saint Quen*. А в конце XIX в. псевдорусская литература представлена в Старом и Новом Свете всеми жанрами, среди авторов подобных повестей были такие известные писатели как Р. Гомес де ла Серна и Р. Дарио.

³ Valdelomar. El palacio de hielo. Lima. 1910.

социальных групп обуславливали востребованность конкретных писателей и интерес к определенным их творениям уже с 1880-х годов. Так, «Тарас Бульба» Гоголя в 1880–1890 гг. стал особенно популярен в контексте братоубийственных испанских войн, вызванных претензиями на власть карлистов, и в тоже время эта повесть используется в качестве *орудия контрпропаганды* и их противниками — национал-патриотами. Тургенев в конце 1880-х привлек испанское дворянство ностальгией по рушащимся дворянским гнездам, а затем стал пророком для молодежи, предложив им актуальную проблематику обличения социальных пороков и нового героя, образец для подражания, — нигилиста. «Социальные» (по оценкам испанской критики тех лет) романы Тургенева, особенно «Отцы и дети», на рубеже веков воспринимались в Испании как манифест молодых анархистов, а имя *нигилиста* Базарова уже тогда приобрело комплекс нарицательности. Признанию авторитета русской литературы способствовали и лекции по русской литературе, прочитанные известной испанской писательницей Эмилией Пардо-Басан в мадридском Атенеуме в 1887 г. и последующее издание ее книги «Революция и роман в России» (первое издание — 1887 г.).

Л.Н. Толстой в начале XX в. становится для испанцев Учителем и оракулом грядущего. А в 1990-е он интересовал главным образом антиклерикалов и анархистов, а также дам в светских салонах, озабоченных положением женщин в Испании. Достоевский до Первой мировой войны уступал в популярности Толстому, причем на рубеже веков, благодаря многократным публикациям «Записок из мертвого дома» и «Униженных и оскорбленных» (в отрывках и целиком), а также оценкам литературной критики, его рассматривали как последователя французского натурализма. Ну а роман «Преступление и наказание» переиздавался в дешевых карманных изданиях и долго воспринимался как уголовная литература в стиле Э. Сю.

Произведения Тургенева, Толстого и Достоевского предлагали испанскому обществу новых героев — от нигилистов и безбожников, анархистов и антимонархистов до пленительных тургеневских девушек и страстных героинь Толстого и Достоевского, и главное — новую проблематику: злободневные темы войны и мира, прав человека, свободы выбора и т.п. Испанские переводы, как и мнения литературной критики, до конца 1920-х годов были, по сути, «непрямыми», т.е. отражали точки зрения главным образом французской критики и французских переводчиков, ведь и выполнялись переводы преимущественно с французского языка.

После Первой мировой войны складываются некоторые общие для Европы культурные и духовные универсалии, отразившие изменившиеся критерии общечеловеческих ценностей, и, конечно, не

последнюю роль в процессе выработки этих критериев сыграла и русская литература XIX в. К концу 1920–1930-х годов Толстой и Достоевский во всем мире признаны духовными учителями и пророками нового времени, их авторитет к середине 1930-х годов становится бесспорным и в Испании. Но помимо традиционно выделяемых титанов русской литературы: Толстого и Достоевского, и несколько *вышедшего из моды* Тургенева, в отличие от других стран у испанцев наиболее востребованным оказался Горький, с которым, кстати, до конца 1940-х годов соперничал Л. Андреев (его «Рассказ о семи повешенных» выдержал десятки переизданий!). Социальная критика и философские искания Горького с начала XX в. комментируются в газетах и журналах, а также обсуждаются в кружках социалистов, и к середине 1970-х годов, по мнению испанской литературной критики, именно он становится самым известным и изученным русским писателем в Испании⁴. Роман «Мать», переведенный на испанский язык годом позже его русского издания, и сегодня одно из самых известных и почитаемых русских произведений в Испании.

Первым по значимости центром распространения русской литературы и культуры в Испании стала Барселона, где особой популярностью русской литературы и творчества Пушкина, например, уже во второй половине XIX в. способствовал неизменный интерес каталонских меломанов к русской опере. Роль Барселоны как популяризатора русской литературы в Испании особенно значима и потому, что здесь предпринимались и испанские, и каталанские переводы произведений русских писателей. Представляют большой интерес как сама история переводов с русского на каталанский язык, так и порой трагические судьбы переводчиков⁵.

Не отстает и Валенсия, которая по праву считается одним из старейших в Испании центров популяризации русской литературы, она особенно выделяется в 1880–1900-е годы — период экономического процветания и необыкновенного оживления духовной и куль-

⁴ См., например: [Arbella, 1968; Zuniga, 1968].

⁵ И не только из-за того, что именно на каталанском, а не испанском языке впервые в Испании были опубликованы некоторые произведения Гоголя, Чехова, Андреева, но и потому, что к переводам произведений русских писателей обращались такие известные каталонские литераторы, как Н. Оллер, Ф. Пайароль, Ж. Пуч-и-Ферреретер и выдающийся каталонский славист А. Ним. Качество каталонских переводов было и, кстати, остается неизменно высоким: особенно выделяются переводы Достоевского, выполненные Андреу Нимом А. Видалем, и переводы Толстого, сделанные переводчиком, посвятившим себя творчеству этого писателя, Карлосом Капдевилем. Каталонские переводы последних десятилетий также отличаются высоким профессионализмом, особо отметим переводы, выполненные Р. Сан Висенте, Е. Видалем, А. Маргаритом и В. Искьердо.

турной жизни этой исторической области. Мадрид до середины XX в. отставал как по тиражам, так и по количеству избираемых для перевода авторов, да и близость властей, и цензурное давление в нем всегда было значительно заметнее. Каждая новая эпоха рождает новых читателей, исповедующих новые идеи: ими в Барселоне и Валенсии стали прежде всего охваченные анархистскими настроениями студенты и не только они. Молодые интеллигенты и рабочие искали ответы на волнующие их вопросы и находили актуальные для них идеи главным образом в публицистике Толстого, Бакунина, Кропоткина, а художественные произведения Толстого и Тургенева также рассматривались ими в контексте современной социально-политической проблематики. В связи с этим трудно переоценить значение «русского слова» и «русской мысли» в формировании уникального *испанского анархизма*. Бакунин и Кропоткин до сих пор почитаются как отцы анархизма, а «Записки революционера» князя Кропоткина считаются катехизисом анархизма. Начиная с 1890 г. и до середины 1920-х годов эта книга издается только в Каталонии больше 20 раз! Одновременно публикуются и «антирелигиозные и антимонархические» статьи Толстого, которые читают и комментируют в «толстовских кружках». Идеи социальной справедливости, неприемлемости власти как насилия (в том числе и со стороны церкви) и необходимости индивидуальной свободы проявляются и в контексте крестьянских войн 1905–1907 гг., и в мощнейшем отклике горожан во время «трагической недели» 1909 г. в Барселоне и других городах Каталонии⁶: их протест носил ярко выраженный антивоенный и антиклерикальный характер. Там же в Барселоне прямая трансляция похорон Толстого привела к кровавым столкновениям с полицией. Вообще, Толстой стал первым в испаноязычном мире писателем, значение личности и деятельности которого почти с самого начала знакомства с его произведениями переросло значение его писательской деятельности, а роль его произведений не ограничивалась их эстетическим воздействием. Толстой стал первым из русских писателей, вступивших в прямой диалог с читателями: в его архиве более 200 писем (с 1891 по 1910 г.) читателей из Испании и Нового Света! Его не просто читали, с ним советовались, его суждениями руководствовались в поисках решения самых насущных, «проклятых» вопросов современности. Не только его произведения, но и сама его жизнь (основные события которой оперативно освещались испанской прессой) служили в

⁶ События относятся к неделе беспорядков 26 июля — 2 августа 1909 г., дней массовых выступлений рабочих, кровавых разгонов манифестантов, собравшихся по инициативе профсоюзов, в ответ на декрет правительства о призыве резервистов — отцов семейств и единственных кормильцев на войну в Марокко.

какой-то мере примером борьбы с несправедливостью судебной и бюрократической системы, церковным мракобесием, а также примером личного служения народу. Реформаторски настроенная молодежь сначала увидела в Толстом индивидуалиста-нигилиста, точнее даже анархиста-индивидуалиста: анархистские движения в Испании и в Латинской Америке — главным образом рабочие — для подкрепления собственных идейных позиций часто использовали толстовские идеи в вольной интерпретации. И только когда анархисты окончательно убеждаются в пацифизме Толстого и в том, что его теория *непротивления злу насилуем* противоречит их установкам, Толстой перестает быть апостолом анархизма в Испании.

Исследователи творчества Толстого в Испании единодушны в том, что одновременная публикация и широкое распространение художественных, публицистических и философских работ писателя, злободневность их проблематики привели к парадоксальной ситуации: идейно-нравственное и социально-политическое содержание трактатов и художественных произведений Толстого в сознании читателей оказывалось уравненным по значению и даже получило более высокую оценку общества сразу и повсеместно, при относительно сдержанной оценке художественных достоинств его сочинений.

Действительно, для человека, придерживающегося передовых взглядов, статьи и романы Толстого становились своего рода руководством к действию, а почти каждый значительный испанский писатель признавался, что одним из главных его учителей был Толстой. К середине XX в. энтузиазм *неистовых толстовцев* начала века сменился современным и уже привычным существованием испанцев в мире, преобразованном его творениями. В этом мире персонажи Толстого стали персонифицированным воплощением определенных достоинств: например, князь Андрей — дворянской чести и воинской доблести, Анна Каренина — женского обаяния и безграничной, жертвенной любви. Мир творений Толстого стал неотъемлемой, возможно и неосознаваемой частью картины мира тех, кто открыл его для себя или прочел испанские произведения, отражающие его влияние. Из многочисленных *признаний* испанских писателей приведу лишь слова лауреата Нобелевской премии Камилло Хосе Селы, который, отвечая на вопрос о роли творчества Толстого, сказал: «Я верю в то, что творчество Л. Толстого оказало влияние на многих западных писателей. Я не являюсь исключением из этого общего правила, так как его влияние на мой образ мышления значительно и неизгладимо» [Cela, 1962: 157].

В статье Антонио Бланка «Толстой в испанской литературе», приуроченной к 150-летию со дня рождения писателя, содержится

довольно подробный обзор обширной критической литературы, существующих переводов его произведений, анализ изменявшихся взглядов испанских толстоведов. И, естественно, уделяется место проблеме влияния творчества Толстого, отразившегося в произведениях таких испанских писателей, как Асорин, П. Бароха, М. де Унамуну, А. Ганивет, Б. Перес Гальдос и Э. Пардо Басан, всего поколения 1898 г. и испанских модернистов, а также некоторых писателей середины XX в., писавших на военную тему. Автор статьи замечает, что по популярности Толстой, наряду с другими читательскими фаворитами — Достоевским, Диккенсом и Бальзаком, — уступает лишь Шекспиру [Blanch, 1978: 198].

Еще одна испанская тема, с конца XIX в. до 1930–х годов волновавшая умы нескольких социальных групп, — противостояние дворянства и завоевывающей власть буржуазии — оказалась созвучна темам произведений Тургенева, а затем, с конца первого десятилетия XX в., — Чехова, интерес к творчеству которого велик и сегодня, причем не ограничивается популярностью его пьес у ведущих испанских театров. Забавно, что испанские критики по-прежнему утверждают, что испанцы в состоянии полнее, чем русские, осознать содержание и значение пьес Чехова. К сожалению, чеховский юмор до сих пор не слишком удачно отражен в испанских переводах, а вот четыре испанских перевода «Дамы с собачкой» и по крайней мере два каталанских и более шести «Палаты № 6» — свидетельство интереса к его прозе.

Новое отношение к переводным произведениям и переводческому мастерству в 1930-е годы стало следствием значительно возросшего во всей Европе интереса к иноязычной литературе, а в связи с революцией 1917 г. и ее последствиями в особенности — к русской. «Эпохой литературного космополитизма и интернационализма» называет 1930-е годы академик Испанской Королевской Академии и выдающийся русский исследователь испано-русских культурных взаимосвязей М.П. Алексеев⁷. Эти годы знаменуют новый этап не только распространения, но и принципиально иного критического освоения наследия русских писателей, осмысления роли русской литературы в мировом литературном процессе и ее влияния на испанскую духовную жизнь. Переводы тех лет делаются преимуще-

⁷ Началу этой эпохи способствовала и «та продолжительная разобщенность, в которую были брошены народы Европы войной, блокадами, закрытием границ. Вот почему художественный перевод играет сейчас <в 1930-е годы. — Ю.О.> такую большую роль на Западе. Звание переводчика становится почетным, его профессия — прибыльной, знание чужого языка, если оно соединяется с тонким критическим чутьем и самостоятельным литературным талантом, приносит славу, переводом не пренебрегают и писатели, обладающие литературной известностью» [Алексеев, 1931].

ственно русскими эмигрантами, но есть и исключения из правил: например, первые *прямые переводы* с русского, выполненные в 1930-е годы очень известным испанским литератором и блестящим переводчиком произведений Достоевского Р.К. Ассенсом⁸.

В действительности *переводческий бум* 1930-х годов в контексте испанской истории оказался гораздо мощнее и резко отличался от общемирового тем, что совпал с победой Второй испанской республики в 1931 г. и началом революционных преобразований, направленных на просвещение широких масс и создание новой культуры. При всей сложности и противоречивости этого периода нельзя отрицать огромное влияние на эти процессы советской культуры и литературы. В это время в Испании издаются не только переводы «Брусково» Ф. Панферова или «Бронепоезда 14-69» В. Иванова, но и произведения М. Арцыбашева, А. Аверченко, И. Бабеля, ежегодно выходят десятки переизданий Л. Андреева и М. Горького и русских классиков.

Многие издания первых переводов русских писателей не сохранились, поскольку в Испании приход к власти в 1939 г. Франко ознаменовался чисткой библиотек, и в это время была сожжена значительная часть русских фондов. В те годы в Испании вообще издается мало книг; это в основном произведения политически благонадежных писателей либо произведения с ярко выраженной религиозной или реакционной направленностью, либо развлекательные, полубульварные романы. Количество переводных изданий резко сокращается, и все, что могло быть воспринято как «подрывающее устой», запрещено к изданию и изъято из библиотек. Переводов с русского поэтому публикуется сравнительно немного (около 100 в год), однако среди них необычайно высок процент переводов Достоевского: в 1944 г., например, они составляли почти четверть переводов с русского. С 1948 по 1958 г. количество переводов русских произведений сокращается еще более резко. Так, в 1951 г. их вышло всего 18: по одному переводу Тургенева, Пушкина и Толстого и три — Достоевского. Достоевский оценивается во времена диктатуры Франко как писатель-христианин евангелистского толка и антикоммунист. При этом некоторые главы «Преступления и наказания» и особенно «Братьев Карамазовых», по мнению цензоров, могли нанести ущерб нравственности испанских читателей

⁸ Этот перевод, опубликованный мадридским издательством «Агиар» в 1935 г., выдержал десятки переизданий в Испании и Латинской Америке и издается наряду с более поздними переводами до сих пор. О серьезности проделанной Ассенсом подготовительной исследовательской работы свидетельствует написанная им вскоре после публикации этого перевода книга «Федор Михайлович Достоевский. Романист подсознательного» (1936).

и моральным устоям общества в целом и поэтому вымарывались. Это могли быть отдельные слова, реплики героев или целые главы: например, Сонечкины слова и вся «евангельская» глава (IV гл. IV части романа «Преступление и наказание»), реплика Ферапонта о «провонявшем старце» из «Братьев Карамазовых», а уж глава «Бунт» и большая часть «Легенды о Великом инквизиторе» и в Испании, и в Латинской Америке просто исчезали.

Довольно подробно о состоянии русистики в годы франкистской диктатуры пишет известный испанский исследователь творчества Тургенева, автор книг «Безответные привязанности Ивана Тургенева» и «Кольцо Пушкина» Х.Э. Суньи́га: «В библиотеках не существовало русских фондов, текстов для изучения русского языка, отсутствовали словари. Мое увлечение славистикой, русской литературой стало для меня в ту пору своего рода тайным вероисповеданием — нечто похожее чувствовали, наверное, вольнодумцы XVII века, преследуемые инквизицией... При Франко устраивались публичные сожжения книг <в особенности тех, которые были изданы между 1926 и 1936 годами. — Ю. О.>, но букинисты прятали и продавали их людям, которым доверяли... Вплоть до 1970 года в каталоги мадридской Национальной библиотеки не вносились поступления, напечатанные кириллицей» [Суньи́га, 1985: 159–159].

Период переводческого бума 1930-х годов в Европе был прерван Второй мировой войной. А «переводческий кризис» в Испании затянулся до середины 1950-х годов и не только из-за диктатуры Франко, но и в связи с последовавшей за войной международной изоляцией страны. Некоторые перемены принесли в 1950–1960-е годы, когда смягчилась цензура, разрешившая публикацию русской классики, и к переводам с русского обратились первые испанские репатрианты, вернувшиеся в Испанию из СССР. Качественно новый этап истории переводов с русского открывают 1970–1980-е годы: вторая волна репатриантов из СССР принесла в Испанию новое поколение профессиональных переводчиков, филологов и библиографов: испанцев, выросших и/или получивших образование в нашей стране⁹.

⁹ В этом отношении показательна деятельность двух известнейших переводчиков русской литературы в Испании: Аугусто Видаля, преподававшего в конце 40-х в московских вузах, переводившего произведения русских писателей для издательства «Прогресс», а затем переводившего русских классиков в Испании на испанский и каталанский языки, и Риккардо Сан Висенте, который после возвращения на родину стал профессором Университета Барселоны, исследователем творчества русских писателей и одним из лучших переводчиков русской литературы в Испании.

Судьбы даже наиболее популярных в мире произведений пяти русских гениев: Пушкина¹⁰, Гоголя, Тургенева, Толстого и Достоевского — в Испании складывались совершенно по-разному. Пушкина узнали еще в середине XIX в., причем долгое время воспринимали только как романтика, написавшего приключенческую повесть в стиле Вальтера Скотта, затем во времена Второй Республики как певца свободы. Гоголя долгое время знали лишь как костюмбриста, Тургенев был властителем дум молодежи до 1920-х годов, перейдя затем в разряд лириков, воспевающих юношескую любовь. Еще до Второй мировой войны становится очевидным читательское поклонение двум гениям-мыслителям: сначала на роль властителей дум, Учителя и пророка испанцы избирают Толстого, но после Второй мировой войны Толстой уступает лидирующую позицию, и Достоевский становится безоговорочным лидером по количеству переводов и переизданий, а также восторженных откликов на публикации порой одновременно в реакционных и прокоммунистических изданиях. Однако тема освоения творчества Достоевского в испаноязычном мире слишком объемна, заслуживает более подробного анализа.

Подчеркну, что во времена франкизма Пушкина и Достоевского цензура, критика и переводчики «сделали» русскими авторами, вполне отвечающими требованиям режима. В сущности, читателям предлагается *адаптированный* образ Пушкина, «исправившегося» бунтаря, прирученного и одомашненного Байрона, сменивший образ мятежного и смелого поэта-революционера, известного испанцам по произведениям, опубликованным в 1930-е годы¹¹. А единственная разрешенная евангелистская трактовка произведений

¹⁰ Сама фигура Пушкина с годами все более мифологизируется в испаноязычном мире, в том числе и благодаря последовательной романтизации, а точнее, байронизации судьбы поэта. И в этом отношении весьма характерны «дополнения» к его биографии, подобные тем, которые делает издатель весьма престижной серии «Колексьон Аустраль», распространяемой мощным издательством «Эспаса Кальпе» в Старом и Новом Свете. Из небольшого предисловия-справки об авторе «Капитанской дочки» (*Pushkin A. La hija del capitán*. 1-a ed. Madrid, 1940; 5-a ed. Madrid, 1965) узнаем, что «русский поэт сражался против турок», причем многотиражное издание с 1940 г. было переиздано, по крайней мере, семь раз.

¹¹ Так, в указанном выше предисловии получили весьма своеобразную трактовку реальные события: читателям сообщают, что русский царь, «вернув поэта из ссылки в Петербург, осыпал его почестями и, предложив самого себя в качестве единственного цензора (*exclusivo sensor*), заказывал ему работы, которые оплачивались большими гонорарами... и так была написана, среди прочих, и его лучшая повесть “Капитанская дочка” ...» И далее: «после сражений с турками», Пушкин, наконец, «в семейном кругу зажил спокойной жизнью», которую обрвала дуэль (*La hija del capitán*. Madrid: Espasa-Calpe, 1965).

Достоевского в Испании в 1940-х годах стала средством идеологической борьбы с демократическими идеями¹².

Интересным эпизодом свободы в несвободном обществе стало в 1965 г. турне по Испании Е. Евтушенко. Это был своего рода *десант оттепели* в готовое к трансформации испанское общество. Оглушительный успех выступлений поэта, получившего прозвище «внука Сталина», публикация его произведений, писем, заметок и даже «Ранней биографии» стали катализатором резкого подъема интереса к советской литературе. По мнению испанской и особенно каталанской критики и литераторов, именно его поэзия, наряду с произведениями Горького и Маяковского, способствовала становлению каталанской реалистической школы, возникновению направления «социального реализма». С 1966 г. в испанской печати появляется больше материалов и об СССР, о советском искусстве и литературе и, конечно, об *антисоветских* писателях. Творчество Пастернака и Шолохова вызывает широкие дискуссии, испанцы знакомятся с новыми именами; во многом этому способствовал принятый в 1966 г. закон, отменяющий предварительную цензуру и смягчающий условия публикации. Впрочем, в первый же год этого *смягчения* были возбуждены судебные следствия по поводу 332 публикаций с последующими конфискациями тиражей или их уничтожением прямо в типографиях.

После смерти Франко в 1975 г. в Испании начинается процесс *transición* — преобразования, перехода от диктатуры к демократии, который во многом схож с перестроечным в нашей стране, и он так же связан с пересмотром системы ценностей. Как и в Россию, в Испанию хлынул поток ранее запрещенной литературы, и начался новый переводческий бум, который в значительной степени касался и русской литературы, как классической, так и советской. Следует отметить интерес испанских переводчиков к переводам произведений не столько писателей-диссидентов, что было бы понятно, учитывая политические реалии, а к определенным темам. Выбор произведения для перевода — это всегда реакция на запросы читателей; именно интересом испанских читателей объясняется выбор произведений, посвященных теме гражданской войны в СССР, Великой отечественной войны, а особенно репрессий, произведений, где исследуются судьбы «маленького человека» на фоне глобальных

¹² Публикации такого рода особенно часто появлялись в 1950–1960-е годы в журнале консервативной направленности *Razón y Fe* (Разум и вера): так, например, автор нескольких статей, посвященных русской литературе, в короткой рецензии по поводу публикации в СССР переписки Достоевского, прямо заявляет об антикоммунистической направленности творений Достоевского ([Elizalde, 1959: 743]).

изменений общества. Актуальность и популярность «Войны и мира» Толстого в Испании в начале XX в. вполне сопоставимы с популярностью романа «Жизнь и судьба» Гроссмана в 1990-е годы, этот роман издавался только в испанских переводах по меньшей мере 30 раз, став в двухтысячные годы бестселлером. Популярен и Маяковский, а «Реквием» Ахматовой вышел в пяти вариантах, в интерпретациях разных переводчиков¹³. Первенство по количеству изданий у Пастернака: «Доктор Живаго» был издан более 150 раз. Булгаковский роман «Мастер и Маргарита» — более 40 раз, хотя тиражей произведений Солженицына чуть больше. «Колымские рассказы» Шаламова вышли в двух переводах и довольно большими тиражами. Теперь все эти книги — востребованная несколькими поколениями читателей литература. Понять причины пережитых в XX в. трагедий и свое отношение к ним испанцам помогает очень популярная в Испании русская мемуарная и публицистическая литература начиная с Толстого, Герцена¹⁴ и заканчивая Солженицыным.

Когда мы говорим о востребованности читателями произведений определенного автора, представляющего иностранную литературу и культуру, мы должны понимать, что эти произведения читает прежде всего время. Сами переводы текстов иноязычной культуры всегда актуализируют переводческую концепцию содержания текста оригинала и являются прежде всего документом своей эпохи. Русская литература постигалась в XX в. самым бурным и трагичным в истории Испании временем.

В новых переводах «Тихого Дона» Шолохова читатели ищут ответы на вопрос о возможности примирения сторон в расколотой гражданской войной стране, оценивают масштаб репрессий в своей стране по описаниям наших, растерянность доктора Живаго идентифицируют с личными драмами своих родителей. Русская литература формирует и новый взгляд на классическую испанскую: ведь во многом благодаря князю Мышкину в XX в. испанцы иначе стали понимать *своего* «Дон Кихота».

¹³ Вообще, переводы советской поэзии вызывают серьезные споры между испанскими поэтами, касающиеся возможностей поэтического слова. Так под рубрикой «Разногласия и слово» в журнале «Дестино» (Судьба) в 1978 г. публикуется интересная статья «Советские поэты» Г. Виладота, где он рассуждает о «прозрачности», понятности русских стихов для любого читателя, называет их «здоровой» поэзией, заставляющей задуматься над тем, как «эстетически далеки наши народы», и задает вопрос «Почему наша поэзия так отделилась от народа?» [Viladot, 1978].

¹⁴ Так, Герцена и Эренбурга перевел Хорхе Феррер, он же получил российскую премию за перевод почти неизвестного в Испании автора и произведения — «Очарованного странника» Лескова.

Еще раз подчеркну, что издаются новые переводы Тургенева, Толстого, Достоевского и Пушкина, а также Чехова и Горького, по-прежнему десятками тиражей в год переиздаются старые переводы, а произведения и их переводы обсуждаются в социальных сетях. Но по-прежнему почти не известны в Испании Гончаров, Лесков, Щедрин, а, по сути, и творчество Гоголя! Однако отмечу, что малоизвестный в XX в. роман в стихах «Евгений Онегин» за последние годы переиздавался только в переводе М. Чиликова 5 раз¹⁵! А были и делаются и другие его переводы, причем на все национальные языки Испании¹⁶. Удивительно и то, что романы Тургенева стали привлекательны для читателей в XXI в. К их переводу обращаются молодые переводчики, такие как родившийся в 1976 г. Х. Фернандес-Вадьес: он перевел все известные романы Тургенева и хотел бы, чтобы их популярность вернулась, и он занял достойное место в культуре Испании¹⁷. Герои Тургенева для поколения миллениалов — прежде всего нонконформисты, внутренне свободные подвижники, воодушевляемые поисками справедливого общества, а еще и женственные, пленительные и преданные достойным избранникам героини.

Переводится в Испании и современная литература — Сорокин, Пелевин, Улицкая, Петрушевская, Водолазкин (хотя нельзя сказать, что эти авторы пользуются большой известностью или популярностью). Книжки-победители или лауреаты национальных русских литературных премий довольно быстро появляются в испанских и каталанских переводах.

Восприятие произведения иностранного писателя, естественно, во многом предопределено качеством его перевода. Скудное, не-

¹⁵ Несколько переводов было сделано и на каталанский язык — последний полный перевод Арнау Вариоса был опубликован в 2019 г. Интерес к «Евгению Онегину» и «Пиковой даме» может объясняться в том числе и неизменным успехом опер Чайковского в Испании, однако и сама форма пушкинского стиха стала привлекать переводчиков, которые лишь во второй половине XX в. оценили возможности русской силлабо-тонической системы для развития испанского стихосложения. Переводы на каталанский, галисийский, баскский и даже астурийский бабле можно рассматривать и как своего рода *литературную учебу* молодых поэтов, создающих традицию поэтической школы на национальных языках.

¹⁶ В последние десятилетия в связи с решением задач развития национальных литератур и языков, стоящих перед испанскими автономиями, писатели и переводчики активно обращаются к переводам произведений русских писателей на галисийский и баскский языки, и даже — бабле; пока их сравнительно немного, однако тенденция к созданию переводов русских авторов на национальные языки очевидна.

¹⁷ Этот переводчик — также выпускник Барселонского университета и награжден несколькими премиями за лучшие переводы с русского, перевел Пастернака, Толстого и др.

внятное изложение исказит любое содержание, а самая глубокая мысль или чувство, переданные в переводе с нарушениями норм и правил родного языка, вряд ли дойдет до ума и сердца. Но без учета особенностей духовной атмосферы и социально-политического контекста эпохи создания переводов произведений конкретного автора нельзя понять сложившуюся традицию или особенности восприятия и оценки его творчества, причины восторженного почитания одного автора или, казалось бы, необъяснимого и неза- служенного невнимания или забвения другого.

Мир русской литературы с начала XX в. без сомнения стал неотъемлемой частью духовной жизни Испании, частью внутреннего мира читателей, воздухом, которым, сами того не осознавая, дышат уже несколько поколений испанцев. Конечно, неизбежная особенность этого воздуха заключается в *контаминации*, смешении впечатлений и ассоциаций от русских образов, увиденных в многочисленных зеркалах переводов, спектаклей и фильмов, испанских и иностранных. Идеи и герои русских произведений укоренились и дали ростки в национальных литературах Испании, ну а имена некоторых персонажей — Анны Карениной и Базарова, например, *освоились* в сознании испанцев и даже обрели комплекс нарицательности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев М.П. Проблема художественного перевода. Иркутск, 1931.
2. Оболенская Ю.Л. Советская литература в оценке испанской критики (60–80-е гг.) // Русская классическая и советская литература за рубежом. М., 1988. С. 144–154.
3. Оболенская Ю.Л. Диалог культур, диалектика перевода и судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке. М., 1998.
4. Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М., 2006.
5. Оболенская Ю.Л. Мир испанского языка и культуры. М., 2018.
6. Русско-европейские литературные связи. Л., 1966.
7. Суньига Х.Э. Годы наедине с русской книгой // Иностранная литература. 1985. № 3. С. 195–201.
8. Эйхенбаум Б.М. О литературе. М., 1987.
9. Arbella R. Un centenario actual. Maximo Gorki // Destino (Barcelona). 1968. № 9111.
10. Blanch A. Tolstoy en la literatura española // Razón y fé. 1978, Dic. № 971.
11. Cela C.-J. Sobre Tolstoy // Памяти Толстого / Сост. А. Тобиаш. Будапешт, 1962. С. 157.
12. Elizalde S.J. Se publicaen Rusia la correspondencia de Dostoievski // Razón y Fe (Madrid). Dic. de 1959. P. 743.
13. Viladot G. Poetas soviéticos // Destino. Madrid, 1978. 2144.
14. Zuñiga J.E. Retrospectiva de Maximo Gorki // Indice. Madrid. 1968. № 233–234.

REFERENCES

1. Alekseev M.P. *Problema hudozhestvennogo perevoda* [The issue of literary translation]. Irkutsk, 1931. (In Russ.)
2. Obolenskaja Ju.L. Sovetskaja literatura v ocenke ispanskoy kritiki (60–80 e gg.) [Soviet literature in the evaluation of Spanish criticism (60–80's)]. *Russkaja klassicheskaja i sovetskaja literatura za rubezhom* [[Russian classical and Soviet literature abroad]. Moscow: *Lomonosov Moscow State University Publ.*, 1988, pp. 144–154. (In Russ.)
3. Idem. *Dialog kul'tur, dialektika perevoda i sud'by proizvedenij russkikh pisatelej XIX veka v Ispanii i Latinskoj Amerike* [Dialogue of cultures, dialectics of translation and the fate of the works of Russian writers of the 19th century in Spain and Latin America]. Moscow: *Lomonosov Moscow State University Publ.*, 1998. (In Russ.)
4. Idem. *Hudozhestvennyj perevod i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Literary translation and intercultural communication]. Moscow: *Vysshaja Shkola Publ.*, 2006. (In Russ.)
5. Idem. *Mir ispanskogo jazyka i kul'tury* [The world of Spanish language and culture]. Moscow: *Lenand Publ.*, 2018. (In Russ.)
6. *Russko-evropejskie literaturnye svjazi* [Russian-European literary relations]. Leningrad: *Nauka Publ.*, 1966. (In Russ.)
7. Zuñiga J.E. Gody naedine s russkoj knigoj [Years alone with a Russian book]. *Inostrannaja literatura. — Foreign Literature.* 1985. №3, pp. 195–201. (In Russ.)
8. Eihenbaum B.M. *O literature* [On literature]. Moscow: *Sovetskij Pisatel' Publ.*, 1987. (In Russ.)
9. Arbella R. Un centenario actual. Maximo Gorki. *Destino.* 1968, № 9111.
10. Blanch A. Tolstoy en la literatura española. *Razón y fé.* 1978, Dic. № 971.
11. Cela C.-J. Sobre Tolstoy. *Pamjati Tolstogo* [In memoriam of Tolstoy] / Ed. by A. To-biash. Budapest, 1962.
12. Elizalde S.J. Se publica en Rusia la correspondencia de Dostoievski. *Razón y Fe.* Dic. de 1959.
13. Viladot G. Poetas soviéticos. *Destino.* 1978 Nov. № 2144.
14. Zuñiga J.E. Retrospectiva de Maximo Gorki. *Indice.* 1968. № 233–234.

Поступила в редакцию 10.02.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Отредактирована 01.11.2022

Received 10.02.2022

Accepted 11.10.2022

Revised 01.11.2022

ОБ АВТОРЕ

Оболенская Юлия Леонардовна — профессор, зав. кафедрой иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; obolens7@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yulia L. Obolenskaya — Professor, Chair of Ibero-Romance linguistics Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; obolens7@yandex.ru

РОМАНЫ ЖАНА РЕНАРА «КОРШУН» И «ГИЛЬОМ ДЕ ДОЛЬ» В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О «СРЕДНЕВЕКОВОМ РЕАЛИСТИЧЕСКОМ РОМАНЕ»

Д.О. Теплякова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; dar.teplyakova@gmail.com*

Аннотация: В статье исследуется отличие творчества французского романиста начала XIII в. Жана Ренара от французских романов «золотого» XII в. Романы Жана Ренара наряду с некоторыми другими произведениями французской литературы XIII в. стали предметом дискуссии «о средневековом реализме», поскольку в них отсутствуют свойственные романам «бретонского цикла» чудеса и волшебные персонажи. Ее суть заключается в обозначенном Антимом Фурье противопоставлении «романа-бегства» и «романа-зеркала». По Фурье, романы второго типа — это «отражение» реальности и современности, тогда как в основе романов первого типа лежит вымысел, например, «бретонский материал» или античная мифология. Однако предложенной Фурье классификацией трудно: говорить об отражении современности в текстах XIII в. было бы неверно. Более справедливым будет определить материал романов Жана Ренара как то, что могло существовать в его эпоху, с чем он мог быть знаком и что не входило в «инвентарь» античного, бретонского или какого-либо другого «материала», а значит, и не становилось ранее основой романа. «Материал реальности» включает несколько элементов. Каждый из них — описание еды, одежды, физического облика и жестов персонажей — имеет особые функции, которые влияют на психологический портрет персонажей и динамику сюжета. В статье предлагается анализ таких элементов «материала реальности» и демонстрируется, как происходит их интеграция в художественный мир романов в целом. Благодаря этому становятся понятными творческие принципы Жана Ренара: «... материал реальности» — это то самое полотно, из которого поэт тклет свое произведение, превращая *conte* в *romans*.

Ключевые слова: Жан Ренар; Гильом де Доль; Коршун; материал реальности; средневековая поэтика; «средневековый реализм»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-124-132

Для цитирования: Теплякова Д.О. Романы Жана Ренара «Коршун» и «Гильом де Доль» в контексте дискуссии о «средневековом рыцарском романе» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 124–132.

JEAN RENART'S NOVELS (L'ESCOUFLE, GUILLAUME DE DOLE) AND THE ISSUE OF THE "REALISTIC MEDIEVAL NOVEL"

Daria Teplyakova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dar.teplyakova@gmail.com

Abstract: This article highlights the difference between Jean Renart's novels and French novels of the "golden" 12th century. Its main feature is the absence of magic and Breton material. Instead, Jean Renart and some other 13th-century authors build their novels on the "material of reality". During the 20th century, these novels were considered examples of the so-called "medieval realism". The idea was introduced by French medievalist Anthime Fourier, who distinguished an "escape novel" (roman évasion) and a "mirror novel" (roman miroir). The latter is a "reflection" of reality, and the former is based on the Breton or Ancient Greek material. However, this distinction is controversial: the concept of "reflection" of reality cannot be applied to 13th-century texts. More likely, the elements of "reality" — description of food, clothes, character's appearance, and gestures — are also artistically transformed material, similar to the Breton material. They have a particular function and influence a character's image and plot development. In this article, we analyze the elements of the "material of reality" and show how they are integrated in the novel's universe. Also, this research provides a better insight into Jean Renart's artistic methods: the "material of reality" becomes a canvas of which his text is made, transforming a "conte" into a "romans".

Key words: Jean Renart; Guillaume de Dole; L'Escoufle; material of reality; medieval poetics; "medieval realism"

For citation: Teplyakova D.O. (2022) Jean Renart's novels (*L'escoufle, Guillaume de Dole*) and the issue of the "realistic medieval novel". *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 124–132.

Жан Ренар — представитель посткретьеновского поколения романистов: его творчество приходится на первую треть XIII в. Современные медиевисты ограничивают творчество Жана Ренара тремя текстами, и в данной статье мы обратимся к первым двум — «Коршун» (ок. 1202 г.) и «Роман о Розе, или Гильом де Доль»¹ (ок. 1210 г.).

В фабуле обоих романов достаточно много элементов, свойственных романам более раннего периода: это и сюжет о юных любовниках и съеденном сердце в романе «Коршун», о слабом короле и коварном сенешале, о «пари» на честность девушки в романе «Гильом де Доль». Однако, в отличие от романов XII в., у Жана Ренара нет ни

¹ В современной медиевистике принято использовать сокращенное название второго романа Жана Ренара — «Гильом де Доль», чтобы избежать путаницы с «Романом о розе» Гильома де Лорриса и Жана де Мена. В данной статье мы будем придерживаться этого правила.

волшебства, ни волшебных существ, ни волшебного хронотопа: их художественный мир не выходит за пределы современной ему действительности. Получается, что в романах Жана Ренара устоявшиеся сюжетные элементы интерпретируются совершенно новыми для средневековой литературы способами без привычного для «золотого» века инструментария. Неудивительно, что они стали причиной возникновения дискуссии о «средневековом реализме». Кратко изложим ее суть.

Концепция «средневекового реалистического романа» была впервые предложена французским исследователем Антимом Фурье в работе «Реалистическое направление во французском куртуазном романе в Средние века» [Fourier, 1960]. Фурье говорит о двух типах романических текстов, которые он называет «роман-бегство» ('roman-évasion') и «роман-зеркало» ('roman-miroir'). Романы, принадлежащие ко второму типу, — как следует из названия — это «отражение» реальности и современности, тогда как в основе романов первого типа лежит вымысел, например, «бретонский материал» или античная мифология. Разумеется, концепция Фурье встретила серьезную критику: подобный подход, как замечает французская исследовательница Марион Вюанью-Улиг [Vuagnoux-Uhlig, 2009], полностью отрицает символическую и имагинарную составляющую средневековых текстов, а значит, закрывает доступ к огромному пласту смысла.

Идея Фурье была скорректирована Ритой Лежен [Lejeune, 1978], которая полагает, что необходимо говорить не об «имитации реальности», а об «изменении статуса» реального, которое становится своеобразным материалом для создания текста. «Средневековый реализм», по мнению исследовательницы, является оригинальной «художественной техникой», среди характерных черт которой можно назвать наличие длинных и подробных описаний, четкую географию пространства, дистанцирование автора от создаваемого им текста (как следствие, большое количество автокомментариев), а также изменение типа женских персонажей. Однако эти черты не могут являться дифференциальным признаком реалистического средневекового романа. Во-первых, некоторые из них (например, объемные описания и автокомментарии) были свойственны и более ранним текстам, в частности, кретьеновским романам; во-вторых, предлагаемые критерии не могут быть отнесены ко всем текстам, которые Рита Лежен включила в корпус реалистических², и, напротив, присущи романам, в него не входящим. Выходом из этого

² Рита Лежен причисляет к реалистическим романам следующие тексты: «Коршун» и «Гильом де Доль» Жана Ренара, «Галеран Бретонский» Рено, «Роман о Фиалке» Жеребера де Монтрейля, «Манекин» и «Жеан и Блонд» Филиппа де

«терминологического тупика» стали две тенденции: называть подобный тип текста «романом, не похожим на романы артуровского цикла», либо уточнять критерии и тем самым уменьшить количество текстов, подходящих под определение.

Дискуссия о «средневековом реализме» не завершена по сей день. Нельзя отрицать, что романы Жана Ренара, в которых нет элементов волшебного, сильно отличаются от романов XII в. — однако использовать термин «реализм» и «реалистический роман» по отношению к средневековому тексту кажется неправомерным. Безусловно, «реальное» составляет значительный пласт в художественном мире Жана Ренара, однако его не следует понимать как буквальное воспроизведение или отражение исторической действительности начала XIII в.

Более справедливым будет определить «реальное» как то, что могло существовать в эпоху Жана Ренара, с чем он мог быть знаком и что не входило в «инвентарь» античного, бретонского или какого-либо другого «материала», а значит, и не становилось ранее основой романа.

Все это нам представляется удобным назвать — по аналогии с термином «бретонский материал» — «материалом реальности». Под этим термином мы будем понимать комплекс современных Жану Ренару реалий и в целом проявлений окружающего мира, так или иначе отраженных в тексте его романов. При этом нам кажется справедливым включить в понятие «материала реальности» не только предметы вещного мира (еду, питье, интерьеры), но и физический облик персонажей и их поведение.

Обратимся к тексту романов и проанализируем, как элементы материала реальности включаются в текст и как они влияют на поэтику романов.

Один из таких элементов — это ежедневные ритуалы, например обеды и ужины. Тщательность, с которой Жан Ренар описывает трапезы, поразительна: это длинные отступления, включающие в себя «состав меню», описание сервировки, а также замечания героев на этот счет.

В основном гастрономические эпизоды связаны с изображением двора монарха. Например, в самом начале романа «Гильом де Доль» есть следующее описание обеда императора Конрада:

365 Et quant li quens de Sagremors
ot chanté une chançonete,
viande orent et bone et nete,

Реми, «Жоффруа Пуатевинский» и «Роман о графе Анжуйском» Жана Майара и «Роман о кастеляне из Куси и даме Файель» Жакмеса.

vin cler e froit de la Musele,
et vaisselemente novele,
pastez de chevrols et lardez
(de ce i ert granz la plentez)
de chevrieux, de cers et sains
de la riviere de Clermont. [Jean Renart, 2008: 92]

Описание трапез присутствует и в романе «Коршун»: особое значение придается тому, что и как ели Гильом и Аэлис во время своего странствия. За гастрономическими эпизодами следуют сцены любовных ласк главных персонажей. Это в своем роде такие же «поправки» к традиции XII в.: чувственность и телесное влечение не были табу для средневековых авторов, но все же не смыкались так тесно с другим телесным удовольствием — радостью насыщения [Jean Renart³, 1894: 132–133].

Тесная связь изображения принятия пищи и почти эротической сцены в романах Жана Ренара является лишь частью целого комплекса тем и мотивов, связанных, в широком смысле, с человеческим телом и его репрезентацией — еще одним элементом «материала реальности». Бесспорно, описание физического облика героев присутствовало и в куртуазной литературе, в том числе в романах Кретьена де Труа. Однако никогда ранее оно не было столь конкретным и не носило, как правило, столь подчеркнутого эротического оттенка.

В первую очередь это касается женских персонажей Жана Ренара. В обоих романах акцент сделан не столько на соответствии внешнего облика героинь куртуазному идеалу, сколько на физической, земной красоте женского тела. Так, например, в романе «Коршун» мы видим все этапы взросления девушки Аэлис, от рождения до зрелости:

1782 Jamais ne quit que feme enfant
Si bel enfant, et bien puet estre
Ot mis en lui assés nature ;
Mais en si jovene creature
Ne se puet la biauté estendere. [Jean Renart, 1894: 54]

2315 L'emperere les .ij. enfans
Amener. Ja en lor vivans
Ne verront [il] .ij. ausi biax :
Il sont d'un drap d'or a oisiax
Vestu, a flors et a lunetes.
Moût poi ot ja de mameletes
La pucele sor les costés. [Jean Renart, 1894: 70]

³ На момент этой публикации романа текст еще не был атрибутирован.

Аэлис — не невинная девушка идиллического романа и тем более не прекрасная дама, недоступный идеал. Ее возлюбленный, юный Гильом, также описывается с несвойственной средневековой литературе пластикой и рельефностью:

2980 *Jamais ne cuit, non, que Diex face
Si bel tant com li siècles vive. [...]
Moût ot biax bras et bêles gemmes
Tex com li ot faite nature.
Ele s'estoit a desmesure
En lui faire seule entendue ;
Et dist qu'il avoit estendue
Lonc la mine la jambe destre.
Ses mantiax pent au bras senestre ;
S'en ot l'atache au flui del co[u]te.
Al senestre genol s'acoute
Et tint sa jambe sous lui chambre. [Jean Renart, 1894: 80]*

Интерес Жана Ренара к изображению человеческого тела не ограничивается портретными (т.е. статичными) деталями. Достаточно большое пространство текста, по сравнению с более ранними памятниками жанра, занимает изображение различного рода жестов. В текстах присутствуют не только «ритуальные» жесты (сопровождающие принесение клятвы, оммажа, дарение), значение которых было кодифицировано средневековой культурой, но и жесты, не имеющие никакой другой цели, кроме выражения чувств, которые французская исследовательница Лиди Луизон называет “simple marque affective” [Louison, 1998]. Их количество очень велико в обоих романах, и поэтому достаточно будет привести два пассажа, иллюстрирующих суть явления.

– Первая встреча императора и графа Ришара в романе «Коршун»:

515 *Puis le baise tôt en riant.
Et après ses compaignons baise :
N'i a .j. seul cui moût ne plaise.
[Jean Renart, 1894: 16]*

– В романе «Гильом де Доль» Жан Ренар так описывает встречу рыцаря Гильома и менестреля Жугле:

1482 *Ses braz li dit a lors au col mis'
et si en fet joie trop grant. [Jean Renart, 2008: 160]*

На наш взгляд, справедливым будет назвать такие жесты особенностью «почерка» Жана Ренара. В отличие от «ювелирных» деталей, которые не служат исключительно украшению текста, жесты у Жана Ренара становятся приемом психологизма. Отсюда и замечание Лиди Луизон, процитированное выше: жесты — это самый простой спо-

соб выразить симпатию, дружбу, влечение (см. процитированные выше отрывки о ласках Гильома и Аэлис), и Жан Ренар прибегает именно к такому средству, к материалу реальности, а не к куртуазному инструментарию.

Однако бóльшую часть «материала реальности», появляющуюся в романе, составляют детали, связанные с эстетической стороной повседневной жизни — предметы одежды и аксессуары. Описания их невероятно многочисленны и разнообразны (от сорочек, рубашек, туфель до верхней одежды и обмундирования). Выбор места, в котором появляется та или иная развернуто описанная деталь, будет весьма справедливо назвать произвольным. Это связано с тем, что подробное описание какого-либо элемента костюма персонажа появляется не только (и не столько) в эпизодах, в которых его можно было бы ожидать. Например, в романе «Коршун» описание роскошной свадьбы графа Ришара сводится к следующему краткому замечанию, совершенно лишенному конкретики:

1712 Tant i ot dainties d'uns et d'autres
Richeces et biax garnimens. [Jean Renart, 1894: 51–52]

Построенные таким же образом отступления часто встречаются и в романе «Гильом де Доль». Так, например, описывается внешний вид Гильома де Доля перед отправкой на рыцарский турнир (см. ст. 2191–2200). Разнообразие материалов и широкий спектр цветов поразительны, а это не свойственно романам XII в., где многие характеристики внешнего вида предметов ограничивались прилагательными-клише. Поразительно и то, что такого внимания заслуживают незначительные детали, часто ничем не примечательные с точки зрения сюжета. Однако чаще всего подобные описания не являются столь развернутыми и представляют собой точечные и, на первый взгляд, еще менее оправданные вкрапления, рассеянные по тексту романов. При этом наибольшее внимание Жан Ренар уделяет материалу, из которого сделана одежда или аксессуар, что, вероятно, неслучайно. Это можно расценивать как своеобразную реализацию метафоры, появляющейся в зачине романа «Гильом де Доль»: для Жана Ренара создание текста в целом ничем не отличается от работы с тканью.

8 car aussi com l'en met la graine
es dras por avoir los et pris,
einsi a il chans et sons mis
en cestui Romans de la Rose,
qui est une novele chose
et s'est des autres si divers
et brodez, pat lieus, de biaux vers
que vilains nel porroit savoir. [Jean Renart, 2008: 70]

Параллель между большим количеством упоминаний типов тканей в романе «Гильом де Доль» и структурой текста романа была проведена американской исследовательницей Каролиной Джуэрс [Jewers, 1996], однако нам кажется, что она справедлива и для более раннего романа «Коршун». Кроме того, эту параллель, на наш взгляд, можно расширить: в целом, все элементы материала реальности, перечисленные выше, одновременно становятся материалом для романа, его тканью и его текстуальным украшением.

Детали повседневной жизни очевидно не создают в романе XIII в. бартовского «эффекта реальности» и тем более правдоподобия, о котором говорили сторонники средневекового реализма. Тем не менее они позволяют создать не всегда стройный, но объемный и пестрый художественный мир Жана Ренара, столь отличный от мира романов «золотого» XII в. Открывая XIII в, романы «Гильом де Доль» и «Коршун» меняют поэтику средневекового романа в целом. Жан Ренар привносит в роман новые художественные методы и новый контекст, в котором они реализуются, намечая тем самым пути дальнейшего развития жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михайлов А. Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 2006.
2. *L'escoufle*, roman d'aventure publié pour la première fois d'après le manuscrit unique de l'Arsenal par H. Michelant et P. Meyer, 1894.
3. *Dragonetti R.* Le mirage des sources: l'art du faux dans le roman médiéval. Paris, 1987.
4. *Fourier A.* Le courant réaliste dans le roman courtois en France au Moyen Age. Paris, 1960.
5. *Jean Renart*, Le Roman de la Rose ou de Guillaume de Dole. Traduction, présentation et notes de Jean Dufournet avec le texte édité par Félix Lecoy. Paris, 2008.
6. *Jewers C.* Fabric and fabrication: lyric and narrative in Jean Renart's Roman de la Rose // *Speculum*. 1996. 71: 4. P. 907–924.
7. *Lejeune R.* L'œuvre de Jean Renart: contribution à l'étude du genre romanesque au Moyen Âge. Paris, 1935.
8. *Louison L.* De Jean Renart à Jean Maillart. Les romans de style gothique. Paris, 2004.
9. *Louison L.* Mimétisme et sémantisme des gestes dans l'Escoufle // *Le geste et les gestes au Moyen Age*. 2014. P. 383–399.
10. *Vuagnoux-Uhlig M.* Le couple en herbe : “Galeran de Bretagne” et “L'escoufle” à la lumière du roman idyllique médiéval. Genève, 2009.

REFERENCES

1. Mikhailov A. V. *Frantsuzskii rytsarskii roman i voprosy tipologii zhanra v srednevekovoi literature* [French chivalric novel and genre typology in medieval literature]. М., 2006. 352 p. (In Russ.)
2. *L'escoufle*, roman d'aventure publié pour la première fois d'après le manuscrit unique de l'Arsenal par H. Michelant et P. Meyer, 1894. 328 p.

3. Dragonetti R. *Le mirage des sources : l'art du faux dans le roman médiéval*. Paris, Seuil, 1987. 266 p.
4. Fourier, A. *Le courant réaliste dans le roman courtois en France au Moyen Age*. Paris, A.G. Nizet, 1960. 522 p.
5. Jean Renart, *Le Roman de la Rose ou de Guillaume de Dole. Traduction, présentation et notes de Jean Dufournet avec le texte édité par Félix Lecoy*. Paris, Champion, 2008. 415 p.
6. Jewers C. Fabric and fabrication: lyric and narrative in Jean Renart's Roman de la Rose // *Speculum*. 1996. 71:4, pp. 907–924.
7. Lejeune R. *L'œuvre de Jean Repart : contribution à l'étude du genre romanesque au Moyen Âge*, Paris, E. Droz, 1935, 472 p.
8. Louison L. *De Jean Renart à Jean Maillart. Les romans de style gothique*. Paris, Champion, 2004. 1007 p.
9. Louison L. Mimétisme et sémantisme des gestes dans l'Escoufle // *Le geste et les gestes au Moyen Age*. 2014, pp. 383–399.
10. Vuagnoux-Uhlig M. *Le couple en herbe : "Galeran de Bretagne" et "L'escoufle" à la lumière du roman idyllique médiéval*. Genève, Droz, 2009. 480 p.

Поступила в редакцию 29.03.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Отредактирована 11.11.2022

Received 29.03.2022

Accepted 11.10.2022

Revised 11.11.2022

ОБ АВТОРЕ

Теплякова Дарья Олеговна — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; dar.teplyakova@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Daria Teplyakova — PhD Student, Department of the History of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; dar.teplyakova@gmail.com

«СЛОВО» И «ДЕЛО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» (РУСЬ НАИЗНАНКУ В РОМАНЕ ХОЛЬМА ВАН ЗАЙЧИКА)

А.А. Пауткин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; aputkin@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена рецепции в литературе «Слова о полку Игореве», которое, вне всякого сомнения, может быть названо прецедентным текстом русской культуры. Высока узнаваемость отдельных фрагментов памятника, используемых в речи и текстах различных жанров. Не имеющая себе равных влиятельность «Слова» формировалась постепенно, под влиянием множества факторов. На протяжении XIX в. сложилось своеобразное интермедиальное поле воздействия древнерусского произведения, проявившееся прежде всего в многообразных лирических откликах. В прозе прецедентность «Слова» набирает силу уже в XX столетии, в значительной степени под влиянием научных публикаций. Определенная канонизация смыслов произведения до недавнего времени делала невозможным или даже недопустимым их снижение, ироническое прочтение. Однако в самом начале XXI в. на волне постмодернизма появились свидетельства разрушения традиции поиска в «Слове» возвышенного и поэтому ценностного вне времени. Роман Хольма ван Зайчика «Дело о полку Игореве» (2001) построен на травестирированной демонстрации всего комплекса представлений о «Слове» и противопоставлен известным откликам в литературе XIX–XX вв. Исследователи современного литературного процесса затрудняются с определением жанровой принадлежности романа, в котором присутствуют черты фантастики, детектива и даже антиутопии. Так или иначе, все эти компоненты относятся к наиболее востребованным сегодня у массового читателя жанровым формам, что позволяет говорить о совершенно новом этапе рецепции древнерусского памятника в литературе Новейшего времени.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве»; Хольм ван Зайчик; прецедентный текст; рецепция; травестирирование; постмодернизм; разрушение традиции

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-133-140

Для цитирования: Пауткин А.А. «Слово» и «Дело о полку Игореве» (Русь наизнанку в романе Хольма ван Зайчика) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 133–140.

“THE TALE” AND “THE CASE OF IGOR’S CAMPAIGN” (RUSSIA INSIDE OUT IN THE NOVEL BY HOLM VAN ZAICHIK)

Alexey Pautkin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; apautkin@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the literary reception of *The Tale of Igor’s Campaign*, which can undoubtedly be called a precedent text of Russian culture. The recognition of individual fragments of the record used in speech and texts of various genres is high. The unparalleled significance of the “Igor Tale” developed gradually, under the influence of many factors. During the 19th century, there was a kind of intermedial field of influence of the Old Russian work, manifested primarily in a variety of lyric poetry responses.

In prose, the precedent of the “Igor Tale” gains strength only in the 20th century, largely under the influence of scientific publications. A certain canonization of the meanings of the work made it impossible or even unacceptable to reduce them to ironic reading until recently. However, at the very beginning of the 21st century, in the context of postmodernism, there was evidence of a departure from the tradition of searching for the sublime and timeless in the “Word”. Holm van Zaichik’s novel “The Case of Igor’s Campaign” (2001) is based on a travestied demonstration of the whole complex of ideas about the “Igor Tale”. It is contrasted with well-known responses in the 19th-20th-century literature. Researchers of the modern literary process find it difficult to determine the genre of the novel, in which there are features of fiction, detective and even dystopia. One way or another, all these components belong to the genre forms that are most in demand today among the mass reader, which suggests a completely new stage of reception of the ancient Russian monument in contemporary literature.

Key words: “The Tale of Igor’s Campaign”; Holm van Zaichik; precedent text; reception; travesting; postmodernism; destruction of tradition

For citation: Pautkin A. A. (2022) “The Tale” and “The Case of Igor’s Campaign” (Russia inside out in the novel by Holm van Zaichik). *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 133–140.

«Слово о полку Игореве» вне всякого сомнения может быть названо прецедентным текстом русской культуры. За два с лишним столетия, прошедшие с момента первой публикации, древнерусская поэма напитала своими образами, мотивами, прямыми цитатами и реминисценциями различные сферы искусства. Прежде всего это касается литературы. Высока узнаваемость отдельных фрагментов памятника, используемых в речи и текстах различных жанров. Однако подобная не имеющая себе равных влияние «Слова» сложилась не сразу. Она формировалась постепенно, под влиянием множества факторов. Публикации памятника, череда его поэтиче-

ских переложений, музыкальные и живописные отклики на протяжении XIX в. способствовали сложению своеобразного интермедialного поля воздействия древнерусского произведения.

Особая роль в этом процессе принадлежит гуманитарному образованию. Под влиянием трудов Ф.И. Буслаева и Н.С. Тихонравова в 1970-е годы «Слово» постепенно утвердилось в гимназических учебных программах, а еще раньше в преподавании в стенах кадетских корпусов [Елеонская, 1978; Елеонская, 1988]. Недаром В. Маяковский уже в XX в. не без иронии замечал: «В башку втемяшивают, годы тратя: “Не лепо ли ны бяшет братие...”» («Гимназист и строитель», 1927).

Особенности мифопоэтики «Слова» предопределили прежде всего богатство и удивительную многоплановость лирических откликов [Сазонова, 1988]. Рецепция памятника в русской поэзии не раз становилась предметом пристального внимания исследователей. Это и обобщающие работы, и посвященные отдельным периодам литературного процесса. В прозе воздействие «Слова» не столь заметно. Оно набирает силу уже в XX столетии. В значительной степени под влиянием научных публикаций. Эта сторона рецепции памятника менее изучена. Наблюдения носят фрагментарно-избирательный характер. Достигнуть абсолютной полноты учета различных обращений прозаиков к «Слову», пожалуй, невозможно. Слишком широк спектр авторских прочтений и замыслов, ведь содержание средневекового памятника может подвергаться неожиданным трактовкам.

Определенная канонизация смыслов произведения до недавнего времени делала невозможным или даже недопустимым их травестирование, снижение, ироническое прочтение. И вот в самом начале XXI в. на воле постмодернистской «игры в осколки», как это явление метко охарактеризовал В.Б. Катаев [Катаев, 2002], появилось нечто необычное, свидетельствующее о разрушении традиции поиска в «Слове» возвышенного и поэтому ценностного вне времени. В наступившую нелитературоцентричную эпоху оказалась отброшенной давно сложившаяся аксиология. Показательно, что «Слово», несмотря на свою хронологическую удаленность, архаичность поэтики, в силу отмеченной прецедентности, хрестоматийной «классичности» оказалось достигаемым для постмодернистской деконструкции.

Речь идет о романе Хольма ван Зайчика «Дело о полку Игоре» (2001), где так или иначе затрагивается не только «визитная карточка» древнерусской словесности, но и многочисленные явления национальной культуры, ее знаки, артефакты и мифологические топысы, относящиеся в том числе к периоду средневековья.

Хольм ван Зайчик — совместный псевдоним петербургских писателей и ученых-китаистов Вячеслава Рыбакова и Игоря Алимова. Его звучание явно отсылает к имени голландского востоковеда Роберта Ханса ван Гуллика (1910–1967), писавшего исторические детективы о некоем судье Ди.

Действие романа «Дело о полку Игореве», входящего в большой цикл, происходит в государстве Ордусь, построенном на евразийских началах, где органично слились русская и азиатская культуры. Это отражается и в топонимах (Мосыкэ — Москва, загородное имение Пусицзин — Пушкино, реки Нева-хэ и Моикэ -хэ и др.) и в именах собственных (император Го-дзун — Годунов, художник Голу — Цзунув — Глазунов, портрет Ди Жень — Дзе — Дзержинского в соответствующем учреждении). Следствием особого этнического единения выступает парадоксальная ономастика персонажей, например Богдан Рухович Оуянцев-Сю, Мокий Нилович Рабинович (для близких Раби Нилыч), Редедя Пересветович Алимагомедов, Борманджин Гаврилович Сусанин.¹ Все они считают себя русскими, ведь русский, с точки зрения Ордуси, это не национальность, а состояние души. Судя по всему, в Ордуси царит конфессиональное единство. На одной из известных картин Голу-Цзунова изображены Будда, Лао-Цзы, Христос, Мухаммед и Конфуций на горе Синай.

Нередки гротескные отсылки к древнерусским реалиям и именам. Так, столица улуса, где происходит действие романа, — Александрия Невская (сайт: Alexandria.org), где постоянно попадают завуалированные реалии Петербурга/Ленинграда. Всадник ранее Медный, а ныне Жасминовый — это святой князь Александр. На постаменте высечено сначала на господствующем русском наречии: «Благоверному князю — благодарные потомки», а рядом помещается ханская надпись. Студенты-археологи ведут раскопки на Каргопольском подворье Андрея Первозванного. Один из вокзалов Мосыкэ называется Киево-Печерским, место покаяния — Соловецкий скит. А среди персон можно встретить поэта Есеню Заточника, Даниила Казимировича Галицкого, думного боярина Ртищева и ученого-генетика Петра Крякутного, живущего отшельником на хуторе Капустин Лог (Капустин Яр). Даже марка холодильника в квартире одного из героев — «Господин Великий Новгород — 15».

Ордусь поклоняется «Слову о полку Игореве». Древний памятник заключает в себе главную идею мироустройства — единство народов и культур. Произведение хранится во всех библиотеках и изучается

¹ Лексические особенности романов Хольма ван Зайчика исследует Я.П. Полухина [Полухина, 2014].

в школах. В этом эпосе повествуется о том, как Игорь едет к своим друзьям Гзаку и Кончаку, чтобы вступить в брак с прекрасной Кончаковной. Все с детства знают, что на берегу Каялы три дня русичи пировали с дружественным народом половцев. Одна из героинь (француженка по происхождению) умиляется тому, что у всех народов эпос кровавый, а у русских наоборот — «светлая пиршественная песня». Над этим «удивительным памятником» Жанна задумывалась еще в стенах «Великого училища» и теперь цитирует по памяти его начало. «Не пристало ли нам братия, начать старыми словесами радостное повествование о брачном походе Игоря, Игоря Святославича, во просторно красно поле половецкое, к сродникам да содружникам своим ханам Кончаку Отроковичу да к Гзаку Бурновичу, а и к любушке невесте своей милой, нежной хотя свет Кончаковне?» [Хольм ван Зайчик, 2001: 60]

Ряд происшествий и преступлений указывает на то, что в Орду-си не все благополучно. Расследование главных героев — «человекохранителей» — приводит к установлению факта существования некоей книги, которая обладает силой рокового воздействия на умы. «В восьмидесятих годах позапрошлого века один из высших чинов стражи города Мосыкэ сообщил руководству, что при обыске штаб-квартиры подпольного масонского кружка “Крест и молот” был обнаружен загадочный текст, оказавшийся ни много ни мало — вариантом знаменитого и всему свету давно известного “Слова о полку Игореве”. Звали этого чина Му Син-пу... только этой находкой он и вошел в историю. Один из задержанных масонов показал, что данный текст является в их среде чем-то вроде священного писания, вернее противу-священного. Поскольку герой эпоса князь Игорь, да и вся тогдашняя Русь изображены в “Противу-Слове” весьма неприглядно, отвратительно даже» [Хольм ван Зайчик, 2001: 61].

Этот текст позднее стал Священным писанием для прорусской националистической организации, члены которой именуются Иго-ревичами. Все они, от простых ниндзя до лоббистов в высших органах власти, зомбированы через лечебницу «Тысяча лет здоровья», где заправляет, оставаясь в тени, главный злодей Архип Онуфриевич Козюлькин (сменивший фамилию на Архатов). Этот персонаж, с детства страдавший катастрофическим комплексом неполноценности, создал учение, согласно которому русским, не имеющим клановой организации, четко разделяющей людей на своих/чужаков, и мыслящим категориями «близость по духу», единомышленники, грозит порабощение более примитивными и втайне совсем не дружественными азиатскими народами. В связи с этим нужно дать русским особые преференции, вплоть до того, чтобы каждый новорожденный русский мальчик сразу получал ученую степень сюая.

Таким образом, в книге присутствует два «Слова». Одно всем известное, признанное народным эпосом и восхваляемое, имеющее статус прецедентного текста на официальном уровне. В нем все кончается свадьбой. Происхождение этого текста неизвестно, но ни у кого не вызывает вопросов и сомнений.

Второй текст — «Противу — Слово» — книга тайная, запретная. Это апокриф, доступный избранным. Официальную версию Иго-ревичи считают подделкой, а за свою готовы умереть. Есть ее типографское издание, ею пользуются как молитвенником члены тайной организации. Но есть и рукопись, в которую, по словам героя, влилась вся энергия переписчика. Это нечто священное. Боевики из тайной организации идут на смерть с криком: «Себе чести, а князю славы!»

К националисту Козюлькину эта книга попала каким-то образом еще в детстве и произвела на него неизгладимое впечатление: он воспринял ее как «книгу о жуткой обиде, которую нанесли человеку какие-то Кончаки и Гзаки» [Хольм ван Зайчик, 2001: 312].

Любопытно, что оба варианта книги — «Слово» и «Противу-Слово» — имеют одинаковый финал: «Солнце на небе, а Игорь-князь в Русской земле...»

Повесть кончается благополучно. Злодей Козюлкин испепелен без следа собственной ядовитой злостью (излившейся из него в виде зеленой слюны), а герои готовы к новым подвигам.

Как видим, в романе, принадлежащем к массовой, развлекательной литературе, авторы апеллируют к читателю подготовленному. Он должен оценить не только частные аллюзии, вроде намек на книгу Стругацких — «Первица начинается в шестерицу» («Понедельник начинается в субботу»). Ему должны быть в общих чертах ведомы обстоятельства открытия и опубликования «Слова» (Козюлкин обнаружил «Противу-слово» в Кинешме, а не в Ярославле; дом Му Син-пу сгорел и с ним копия «Противу-слова» — «поразительная и мало кому известная история» [Хольм ван Зайчик, 2001: 61]), существование скептиков, темных мест и трудностей интерпретации («ученые два века на Луну волками воют» [Хольм ван Зайчик, 2001: 63]) и даже двойственная оценка инициатора похода в «Слове». Не оставлены без внимания и азы рукописной книжной культуры. Неправильное «Слово» писано гусиным пером, шитое и переплетенное, с подтертостями — видимо, палимпсест.

Авторы смело, не без эпатажа играют с самой прецедентностью памятника. Конструируют на ее основе вымышленную реальность, живущую по гибридным законам и правилам. Сквозь фантазмагорию просвечивают события и идеи недавнего и отдаленного прошлого (от славянофилов, желавших «отомстить степнякам за раз-

гром полка Игорева», и стремления вернуться к европейским порядкам до генетических разработок американской вредоносной пиявки).

Этому служит и нарочитая архаизация языка («Да не узрят инородцы святых страниц»; «откуда есть пошли все прочие Игоревичи») и полное забвение самого востребованного, особенно в поэзии, фрагмента — плача Ярославны. Ей в романе просто не нашлось места, вероятно, потому, что в Ордуси допустимо многоженство. Путаница с подлинным и ложным текстами не находит своего логического разрешения в финале романа. Победившие злодеев Игоревичей силы правопорядка способствуют сохранению status quo: в Ордуси нет места злому разбойнику Игорю, агрессивно посягнувшему на межэтническую гармонию.

В заключение заметим, что исследователи современного литературного процесса затрудняются с определением жанровой принадлежности романа, в котором присутствуют черты фантастики, детектива и даже антиутопии [Колядич, 2010]. Так или иначе, все эти компоненты относятся к наиболее востребованным сегодня у массового читателя жанровым формам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Елеонская А.С.* «Слово о полку Игореве» в русской школе XIX — начала XX в. // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI–XVII веков. М., 1978. С. 163–176.
2. *Елеонская А.С.* «Слово о полку Игореве» в советской школе (из истории изучения) // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М., 1988. С. 416–429.
3. *Зайчик Х. ван.* Дело о полку Игореве. СПб., 2001.
4. *Катаев В.Б.* Игра в осколки: Судьбы русской классики в эпоху постмодернизма. М., 2002.
5. *Колядич Т.М.* От Аксенова до Глуховского. Русский эксперимент. Экстремальный путеводитель по современной русской литературе. М., 2010.
6. *Полухина Я.П.* Авторская модель альтернативной картины мира и ее языковая реализация в произведениях Хольма ван Зайчика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 1 (ч. 1). С. 143–147.
7. *Сазонова Л.И.* «Слово о полку Игореве» в поэтических контекстах XX в. // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М., 1988. С. 315–336.

REFERENCES

1. Eleonskaja A.S. “Slovo o polku Igoreve” v russkoj shkole XIX — nachala XX v. [“The Tale of Igor’s Campaign” in the Russian school of the XIX — early XX century]. “Slovo o polku Igoreve”. *Pamjatniki literatury i iskusstva XI–XVII vekov* [“The Tale of Igor’s Campaign”. Works of literature and art of the 11th–17th centuries] M., 1978, pp. 163–176. (In Russ.)
2. Eleonskaja A.S. “Slovo o polku Igoreve” v sovetskoj shkole (iz istorii izuchenija) [“The Tale of Igor’s Campaign” in the Soviet school (from the history of study)]. “Slovo o

- polku Igoreve*”. *Kompleksnye issledovanija*. [“The Tale of Igor’s Campaign”. Comprehensive research]. M., 1988, pp. 416–429. (In Russ.)
3. Zajchik H. van. *Delo o polku Igoreve* [The case of Igor’s Campaign] SPb. Azbukaclassica Publ., 2001. 416 p. (In Russ.)
 4. Kataev V.B. *Igra v oskolki: Sud’by russkoj klassiki v jepohu postmodernizma* [The Game of Fragments: The Fate of Russian Classics in the Postmodern Era]. M., MSU Publ., 2002. 252 p. (In Russ.)
 5. Koljadich T.M. *Ot Aksenova do Gluhovskogo. Russkij jeksperiment. Jekstremal’nyj putevoditel’ po sovremennoj russkoj literature* [From Aksenov to Glukhovskiy. The Russian experiment. An extreme guide to modern Russian literature]. M., 2010. 349 p. (In Russ.)
 6. Poluhina Ja.P. Avtorskaja model’ al’ternativnoj kartiny mira i ee jazykovaja realizacija v proizvedenijah Hol’ma van Zajchika [The author’s model of an alternative worldview and its linguistic implementation in the works of Holm van Zaichik]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. Tambov, 2014. № 1 (Ch.1), pp. 143–147. (In Russ.)
 7. Sazonova L.I. “Slovo o polku Igoreve” v pojeticheskikh kontekstah XX v. [“The Tale of Igor’s Campaign” in the poetic contexts of the 20th century]. *Slovo o polku Igoreve*”. *Kompleksnye issledovanija*. [“The Tale of Igor’s Campaign”. Comprehensive research]. M., 1988, pp. 315–336 (In Russ.)

Поступила в редакцию 12.06.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Отредактирована 11.10.2022

Received 12.06.2022

Accepted 11.10.2022

Revised 11.10.2022

ОБ АВТОРЕ

Пауткин Алексей Аркадьевич — профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; apautkin@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexey Pautkin — Professor, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; apautkin@yandex.ru

НАРОДНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ТУРКМЕНИСТАНА КАК ПРЕДМЕТ ИЗОБРАЖЕНИЯ В АЛЬМАНАХЕ «АЙДИНГ-ГЮНЛЕР»

А.О. Бурцева

Издательский дом «Ладомир», Москва, Россия; alla.burtseva@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена репрезентации музыкальной культуры Туркменистана в советском юбилейном альманахе «Айдинг-Гюнлер» (1934) как способу интеграции народной культуры периферии в советское литературное поле. Анализ текстов альманаха, а также обращение к архивным материалам, в том числе неопубликованным, позволяет высветить черты, показательные для включения так называемой «национальной» культуры в общесоветский литературный контекст, подразумевающий установку на деколонизацию и попытку «познать новую Туркмению». Анализ в культурно-исторической перспективе позволяет выявить, каким образом узнаваемые советским читателем черты туркменской культуры включались в текст произведения. Архивные материалы, в том числе неопубликованные записи туркменского фольклора в переводе на русский из документов Г.А. Санникова, можно рассматривать как один из источников писательской работы. Произведения альманаха демонстрируют, как туркменская музыка воспринималась глазами писателей из центра — членов писательской бригады (Г. Максимова, Г.А. Шенгели), по материалам деятельности которой и был создан «Айдинг-Гюнлер». Стихотворение Дурды Клычева (Клыча), который ко времени создания альманаха включается в круг поэтов, а не «народных шахиров», хотя и имеет прочную связь с фольклором, в контексте издания оказывается подчинено задачам советской литературы. В альманахе взгляд на туркменскую народную культуру оставался ориентализованным, что вступало в противоречие с первоначальной установкой. Однако в следующем альманахе «Туркмения» музыкальная тема развивалась — продолжилось и, вероятно, в большем соответствии с заданным вектором, на что указывает обращение уже не к народной, а к авторской музыке.

Ключевые слова: советская литература 1930-х годов; туркменский фольклор; Г. Максимов; Г.А. Шенгели; Г.А. Санников

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-141-151

Для цитирования: Бурцева А.О. Народная музыкальная культура Туркменистана как предмет изображения в альманахе «Айдинг-Гюнлер» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 141–151.

TURKMEN VERNACULAR MUSIC CULTURE AS A SUBJECT MATTER OF THE ALMANAC “AYDING-GYUNLER”

Alla Burtseva

Ladomir Publishing House, Moscow, Russia; alla.burtseva@gmail.com

Abstract: The paper considers the representation of Turkmen music culture in the Soviet almanac “Ayding-Gyunler” (1934) and aims to recognize the patterns of including vernacular culture into the Soviet literary field. The analysis of the texts’ content and the archival sources, including unpublished ones, sheds a light on the processes of incorporation of the so-called “national” culture into the Soviet context, such as declared decolonization and an attempt to “understand the new Turkmenistan”. The analysis is put into historical and cultural perspective of recognizing the typical Turkmen traits of the music culture in the texts of the almanac. The archival sources include unpublished notes on the Turkmen folklore, which is considered as one of the sources of the writers’ work. The texts of the almanac represent the view of the Europeans –members of the writers’ brigade who provided materials for the almanac. The poem by Turkmen author Durdy Klych is strongly connected with vernacular culture, but being put into the context of the almanac, it gains a new use for the aims of the Soviet literature. The view of the Turkmen culture in the almanac remains oriental, which dissonates with the proclaimed “deexotization” of the Soviet policy. However, further investigation into the next almanac “Turkmenistan” should be made. It is probable that the integration continued and the view of the writers changed according to the contemporary Soviet policy.

Key words: the Soviet literature of the 1930s; Turkmen folklore; G. Maksimov; G.A. Shengeli; G.A. Sannikov

For citation: Burtseva A.O. (2022) Turkmen vernacular music culture as a subject matter of the almanac “Ayding-Gyunler”. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 141–151.

Наше исследование связано с деятельностью Туркменской комиссии Союза писателей — изданием альманаха «Айдинг-Гюнлер» (1934). Из работ на эту тему в первую очередь следует отметить статью и диссертацию К. Холт [Holt, 2013a; 2013b]. Кроме того, Е. Роженцева в контексте материалов к биографии А.П. Платонова, который принимал участие в проектах комиссии, осветила некоторые этапы ее деятельности [Роженцева, 2009; 2018].

Деятельность подобных комиссий связана с закреплением в 1930-е годы в СССР тезиса о культуре, национальной по форме и пролетарской (затем — социалистической) по содержанию. Этот вектор развития задается незадолго до Первого всесоюзного съезда советских писателей, в частности, в речи И.В. Сталина «О политических задачах университета народов Востока» [Сталин, 1952: 138]¹.

¹ См. также в обращении М. Горького к Белорусской академии наук в 1932 г.: «Национальные по форме и социалистические по устремлению и содержанию

На съезде декларация о том, что необходимо идти навстречу национальным литературам, закрепляется окончательно [Богомолова, 2016: 151–152; Максименков, 2003: 269; Первый всесоюзный съезд советских писателей, 1934]. В нашем исследовании мы сосредоточимся на материалах альманаха «Айдинг-Гюнлер», которые позволяют проследить интеграцию народной культуры советской периферии в литературный контекст, а также связанные с этой интеграцией паттерны.

Альманах «Айдинг-Гюнлер» вышел в 1934 г., он был юбилейным — отмечалось десятилетие Туркменской ССР. Все тексты создавались по материалам поездки в Туркменистан бригады писателей. В альманахе были намечены две тенденции — борьба с «великодержавным шовинизмом», т. е. деколонизация, и искоренение «местного национализма»². Организация «бригадных поездок» писателей была одной из заявленных целей и подразумевала в том числе «крайнюю желательность изучения ими туркменского языка...»³ Нельзя сказать, насколько писатели погрузились в его изучение, однако, во всяком случае, народная культура Туркменистана в альманахе отражение нашла⁴.

Написать для альманаха статью о туркменской музыке было поручено В. Беляеву⁵. Он отмечает, что «старая туркменская музыкальная культура отличается значительной отсталостью», однако ее необходимо изучить, дабы впоследствии создать новую туркменскую музыку [Айдинг-Гюнлер, 1934: 210–211].

Писатели могли опираться и на работы академика А.Г. Поцелуевского. Г.А. Санников консультировался с академиком, так, в записях поэта упоминается «вечер у Поцелуевского»⁶, а в протоколе заседания бригады писателей отмечено: «Способствовать получению

культуры...» [Горький, 1953: 372]. У Сталина: «Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме, — такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм. Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а дает ей содержание» [Сталин, 1952: 138].

² В стенограммах заседаний Туркменской комиссии говорится о борьбе «с великодержавным шовинизмом и местным национализмом» [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 27. Л. 16].

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 17–18.

⁴ Приведем характерное высказывание из, предположительно, доклада Г.А. Санникова, фактически отвечавшего за деятельность бригады писателей: «Талантливый народ, сумевший создать в барханном однообр[азии] пустыни мировое искусство ковра, самобытную богатую музыку и большую, благородную и сложную поэзию...» [РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 5].

⁵ План работы по альманаху сохранился в записных книжках Г.А. Санникова. РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 19. За авторством Беляева и В.А. Успенского еще в 1928 г. вышел первый том книги «Туркменская музыка».

⁶ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 6.

литературы на Туркменском языке и русской художественной, и критической литературы о Туркменистане. По вопросам музыкального творчества Туркменистана привлечь т. Беяева, по вопросам фольклора связаться с проф. Поцелуевским»⁷.

Впервые музыка в альманахе появляется в повести Г. Максимова «Песнь Амана», название которой уже задает тон всему тексту: читатель должен ожидать, что речь пойдет о музыке или о древнем эпосе. Музыка начинается и заканчивается обрамляющий комплекс этой истории (сам сюжет подробно разбирает Холт [Holt, 2013a]). Речь идет о «человеке с записной книжкой», т. е., по всей видимости, о писателе, возможно, о самом Максимове. Источник музыкальных образов — бахши, туркменский сказитель:

«Старик <...> вынес <...> инструмент с очень длинным грифом и двумя струнами.

– Дутара! — сказал старик, обращаясь к приезжему, и слегка потрогал струны. <...>

Где-то далеко, далеко в стороне возникает незнакомая песня, гортанная, тягучая. Обрывается песня, и тогда отчетливой слышно шуршание песка.

Мелькают пальцы старика, сыплются они дробью на струны, сливаются в сплошной веер... И опять шуршит ветер в барханах по всему безлюдью пустыни...» [Айдинг-Гюндер, 1934: 68].

Первым в структуру рассказа входит инструмент, воспринимаемый героем визуально, и его форма — Максимов строит повествование на эффекте чужого. Подчеркнута дистанция между героем-наблюдателем и звуковым рядом. Сам звук и характер игры переданы довольно точно: исследователи отмечают, что неотъемлемая часть пьесы, исполняемой на дутаре, — шуршание ногтей и быстрое перебирание струн (так как их всего две) [Гуллыев, 2003: 58]. Извлекаемый звук действительно имеет много общего с шуршанием песка. Музыка не отделяется от общего описания звуков, окружающих героя, выступая частью пустыни и всей природы Туркменистана. Преодоление дистанции между героем и чужой ему страной должно отвечать задачам туркменской бригады, «миссия» которой состоит в том, чтобы Туркменистан влился в общесоветскую культуру.

В конце обрамляющего комплекса сначала исчезает инструмент, затем звук, а далее описана вторичная реакция слушателя — не на музыку, а на свои ощущения от нее:

«Старик, потрогав пальцем струны, унес дутару в кибитку. <...>

Песня, гортанная, тягучая, пересыпанная каскадами шуршащих звуков дутары, еще жила в нем, и где-то в глубине у него, быть может,

⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 27. Л. 8.

на грани реального, смутно проступали очертания того, о чем расскажет он впоследствии» [Айдинг-Гюнлер, 1934: 88].

Максимов заставляет своего героя запомнить гортанный голос и шуршащий звук инструмента. Герою кажется, что через услышанное он начинает понимать Туркменистан (а это, собственно, и было целью «туркменских экспедиций»). См. высказывание молодого туркмена:

«Слушай... Ты пришел в эту страну, знакомую тебе лишь издали, и не узнал ее. <...>

Слушай!» [Айдинг-Гюнлер, 1934: 68].

Вероятнее всего, «не узнал» подразумевает, что «человек с записной книжкой» ожидал увидеть восточную экзотику, бахши же рассказал ему историю социалистического строительства: Аман, о котором идет речь в повести, — бывший пастух, работник депо, его жена Ай-Султан служит на текстильной фабрике. Его враг Мурадбай угрожает ему, что его друзья отвернутся, когда вспомнят, что Аман — туркмен. Возникает тема взаимоотношений туркменского и советского (от Амана, конечно же, не отворачиваются, напротив, благодаря ему разрушается стереотипное представление об «азиатах»). Тема, заданная молодым туркменом словом «слушай», продолжается в самом сюжете повести, а сюжет воспринимается героем через музыкальный ряд. Таким образом, песня выступает здесь как плод взаимодействия туркменского и советского.

Другой показательный случай находим в стихотворении Г.А. Шенгели:

Верблюжий скрип, ишачий рык;
У ног лопочущий арык;
И с веток сладких так и тут
В пыль капель шлепается тут.

Я в эту ночь сойду с ума!
Машкарабазов кутерьма
Дугаром душу ороша,
Меня пьянит, как анаша.

И капля крови золотой,
Прабабкою в меня влитой.
Горячей крови тюркских орд,
Катясь от шлема до ботфорт... [Айдинг-Гюнлер, 1934: 123].

Здесь также реализуется попытка понять Туркменистан через его звуковой ряд. Противопоставляются старая и новая культура: об этом говорят подзаголовки «По романам»⁸ и «На самом деле», т.е.

⁸ «Роман» выделяется в туркменской музыке как особый жанр искусства бахши, туркменского народного сказителя. Это эпический жанр, который, впрочем,

реализуется тот же паттерн, что и у Максимова: приезжий ожидал совсем другого, он знал Туркменистан только по рассказам о нем. Здесь реакция героя — признание капли восточной крови в нем самом. Как и в повести Максимова, музыка встает в один ряд со «звуками самой Туркмении». Тем не менее мы приводим фрагмент из «По романам», т.е. тот, что описывает не реальный Туркменистан, а впечатление, которое могло создаться у поэта по полупоэтическим источникам. Так, в части «На самом деле» Шенгели пишет:

И вместо сладостных газелл Махтум-Кули
Гимн гордому труду твои поют поэты [Айдинг-Гюнлер 1934: 124].

Туркменская народная музыка, таким образом, не отвергается, но и не становится частью современной действительности. В обоих произведениях («Песнь Амана» и стихотворение Шенгели) остается принципиальным противопоставление старого и нового. Однако если у Максимова старая форма наполняется новым содержанием, то Шенгели прямо пишет о замене газелл на гимны. Впрочем, гимны эти исполняют те же народные поэты. Важно, однако, отметить, что упоминание в этом стихотворении Махтум-Кули отчасти противоречит тому культовому ореолу, который создавался вокруг него советской литературной политикой [Бурцева, 2021].

Говоря о туркменском фольклоре, следует также упомянуть содержательную сторону народной поэзии, так как именно здесь можно обнаружить связь с предшествующей традицией. В архиве Санникова хранятся два листа подстрочников, написанные другим почерком и подписанные Поцелуевским. В одном из них речь идет от лица мужчины, вероятно, мы имеем дело с воинской песней (слово в круглых скобках в оригинале написано в строку, текст приводится в современной орфографии; фрагмент в квадратных скобках написан сверху):

Коня моего и оружие доставь и передай моим отцу и матери!
Пусть, взявшись за ворот [своей рубахи], они творят мольбы (покаянные)
богу!
Пусть такие же, как и я сам, мои сверстники молятся о моем упокоении!
Последние времена настали для нашего народа, о мой ишак!⁹

Под текстом следующая помета: «Песня старинная, но пронизывающее ее настроение обреченности и безнадежности как нельзя лучше выражает психологическое состояние басмаческих банд,

повествует не только о легендарном прошлом, но и в принципе способствует передаче изустного материала. Так, именно в передаче бахши сохранились многие стихотворения туркменских авторов, которые в советское время были признаны классической туркменской традицией [Беляев, Успенский, 1972: 46].

⁹ РГАЛИ Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 36.

потерпевших поражение в борьбе с Сов. Властью»¹⁰. Такая помета говорит о четкой стратегии: старинная песня «подверстывается» под нужды советской официальной культуры.

Подобное происходит и в опубликованном в «Айдинг-Гюнлер» стихотворении «Пережитое» Дурды Клычева (Клыча) в переводе Э. Левонтина:

Назначен срок для свадьбы. В ту же ночь

Разъехались непрошенные прочь...

Не слышит мать, как плачет горько дочь, —

Вот что тогда увидела я, братья! [Айдинг-Гюнлер, 1934: 165].

Стихотворение, написанное от лица женщины, представляет собой форму газели: в каждом четверостишии зарифмованы три первых стиха, четвертый выступает рефреном. Среди песен, не всегда требующих музыкального сопровождения и/или имеющих стихотворный ритм, исследователи 1920–1930-х годов упоминают преимущественно женские [Поцелуевский, 1975: 303–304; Айдинг-Гюнлер, 1934: 210].

В переводе изменена система стихосложения¹¹, как отмечает Поцелуевский, тюркская поэзия склонна к силлабике, хотя именно в туркменской есть устойчивые формы тоники [Поцелуевский, 1975: 304–305]. Включение туркменской музыки происходит не через фонику и не через описание, а через содержание текста: на самом деле это типичное свадебное причитание.

От лица женщины пишет мужчина, т.е. это переработка чуждого опыта, а не вариация своего¹². Как и в случае с песней о «басмаческой шайке», видно, что старое (причитание) пытаются приспособить под новое (обличение пережитков). Последовательность событий в стихотворении стандартна для туркменского свадебного обряда: сговор, уплата калыма, проводы невесты, поездка на верблюде и т.д.

Туркменская музыкальная и песенная культура, о которой речь идет в альманахе, в определенной степени редуцирована. При этом

¹⁰ РГАЛИ Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 36об.

¹¹ Перспективным кажется сравнение перевода и оригинала, который сохранился в виде машинописи в РГАЛИ (Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 5088), а также сравнение ранней и поздней (1949) версий перевода. Показательно, что в 1934 г. Дурды Клыч(ев) оказывается среди туркменских поэтов, тогда как в антологии туркменской поэзии 1949 г. он уже помещен в раздел «Поэзия шахиринов», т.е. народных исполнителей. Таким образом, прямая репрезентация фольклора не входит в задачи альманаха «Айдинг-Гюнлер», хотя раздел фольклор появляется в следующем альманахе — «Туркмения».

¹² Поцелуевский, тем не менее, отмечает, что женские песни могли исполнять и молодые юноши [Поцелуевский, 1975: 304, примеч. 1]. В туркменской традиции проводы невесты сопровождаются «куплетами-причитаниями» [Гуллыев, Реджепова, 2016: 463]. Подробнее о туркменской женской песне см.: [Blackwell, 2013].

либо описывается восприятие героя-европейца и его реакция на собственные ощущения (слиться с Туркменистаном, быть им), либо текст начинает звучать иначе за счет включения его в ряд других произведений в альманахе.

Редукция песенного материала может быть вызвана установкой на «преодоление экзотики». Однако функция переработки его в альманахе, вероятно, состоит в том, чтобы перевернуть «националистические элементы» и использовать их для социалистической установки (только поняв Туркменистан, мы его изменим). Принцип деколонизации должен служить закреплению группы писателей в советском литературном дискурсе. По этому принципу старая народная культура Туркменистана должна вытесняться: это экзотика¹³. Что же касается деколонизации, в «Айдинг-Гюнлер» — у Шенгели и Максимова — описаны в первую очередь впечатления европейца, который воспринимает музыку или песню как сторонний наблюдатель. Она служит для обрамления повествования или для украшения, хотя в «Песни Амана» мы уже находим попытку приспособить ее к современной действительности, наполнить старую форму новым содержанием (что вполне согласуется с указанным в начале нашей работы тезисом Сталина). Таким образом, согласиться с Холт, что альманах представляет собой взгляд изнутри, можно лишь отчасти [Holt, 2013b: 218–220]. Восток для советского писателя все еще остается отчасти воображаемым регионом, вокруг него выстраивается своя мифология, которая заслуживает отдельного анализа.

Разумеется, советские писатели не были новаторами в описании песенного и музыкального материала Востока в своих произведениях. Общеευропейская ориентальная традиция, в том числе русская литература XIX в., активно исследовала этот аспект культуры «чужого Востока». Достаточно здесь привести в пример поэму Лермонтова «Демон», восточные поэмы Байрона, произведения Гёте и т.п. Традиция литературы русского ориентализма XIX в. подробно прослежена в работе Д. Схиммельпенника ван дер Ойе «Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до белой эмиграции», в частности, автор применяет свою концепцию русского ориентализма, не вписывающегося, по его мнению, в классическую схему Э. Саида, к «Кавказскому пленнику» [Schimmelpeppink van der Oye, 2010: 67–70]. Поэма Пушкина также обращается к песенному материалу, в тексте встречается «Черкесская песня», в примечаниях сказано: «Песни грузинские приятны и по большей части заунывны. Они славят минутные успехи кавказско-

¹³ Однако, как видно из случая с «Пережитым», она вовсе не вытесняется, а перерабатывается под нужную задачу.

го оружия, смерть наших героев: Бакунина и Цицианова, измены, убийства — иногда любовь и наслаждения». Между тем это примечание описывает характерный романтический взгляд на Восток, который в СССР могли обозначить как «экзотический» (сам Схиммельпенник употребляет словосочетание *exotic other* — «экзотический другой»). Сама влюбленность героя в культуру Кавказа контрастирует с советской установкой подстроить культуру Востока под задачу становления нового человека. Советский ориентализм, таким образом, добавляет в схему Схиммельпенника еще один аспект: как видно из «Песни Амана», стихотворений Шенгели и Дурды Клыча, характерное противопоставление старого и нового, поверхностного колониального взгляда и истинного понимания культуры, которая уже становится социалистической, фактически помещает «старый» материал в новые рамки. И «Пережитое», и «Песнь Амана», и диптих Шенгели помещают старую образность в новый контекст: причитание становится манифестом борьбы за раскрепощение женщины, песня бахши наполняется новым содержанием, а звуки туркменской старины противопоставляются звукам нового социалистического Туркменистана.

Следует отметить, что спустя два года в новом альманахе «Туркмения» появляется произведение, где музыка становится авторской, а не народной.

В очерке Г. Веселкова «Смерть и рождение песни» музыкальная культура описана с однозначной прямоотой: именно советское образование должно дать туркмену возможность реализоваться как композитору. См., например:

«Нури играл старую музыку без слов, певцы пели на нее новые слова. <...>
Новые слова ломали старую музыку. <...>

Новые слова были, были новые песни, но не было музыки, которая могла бы повести эти слова за собой. <...>

Струны звенели так же, как в старых песнях без слов, но звуки текли иначе. <...>

— Это моя песня, моя новая музыка. Я назвал ее «Пионер» [Туркмения, 1936: 229–301].

Этот очерк помещен в отдел «Фольклор» вместе со статьей П. Скосырева «Роль и место бахши в туркменской культуре» и народными песнями. Скосырев пишет: «Не могло быть сколько-нибудь заметного события в ауле <...> а после революции — праздника урожая, первомайских или октябрьских торжеств, чтобы на них центральной и неперменной фигурой не был бахши...» [Туркмения, 1936: 293]. Таким образом, фигура бахши как носителя народной музыкальной культуры интегрируется в ситуацию социалистического строительства, а фольклорный пласт — в литературу соцреализма. Можно

предположить, что преемственность между двумя альманахами выражалась в том числе в движении от фольклорных музыкальных элементов к авторским, как это и было заявлено в целях и задачах туркменской литературы. Образ будущего Туркменистана представлялся как движение к авторскому искусству, которое должно учитывать фольклорный материал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айдинг-Гюнлер. Альманах к десятилетию Туркменистана. [М.], 1934.
2. Беляев В., Успенский В. Туркменская музыка. Т. 1. 2-е изд. Ашхабад, 1979.
3. Богомолова А. Понятие «мировая литература» в советской культуре 1930-х гг.: Первый съезд советских писателей // Текстология и историко-литературный процесс. М., 2016. С. 146–155.
4. Горький М. [Белорусской академии наук] // Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 26. М., 1953.
5. Гуллыев Ш. Туркменская музыка (наследие). Алматы, 2003.
6. Гуллыев Ш., Реджепова Г. Туркменская народная музыкальная культура // Туркмены. М., 2016. С. 458–468.
7. Максименков Л.В. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Жданов, Щербаков и другие // Вопросы литературы. 2003. № 4. С. 241–297.
8. Первый Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1934.
9. Поцелуевский А.П. Избранные труды. Ашхабад, 1975.
10. Роженицева Е. Опыт документирования туркменских поездок А.П. Платонова // Архив Андрея Платонова. Кн. 1. М., 2009.
11. Роженицева Е. Туркмения в письмах и записных книжках А. Платонова и В. Козина // Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3. М., 2018.
12. Сталин И.В. О политических задачах Университета народов Востока // Сталин И.В. Сочинения. Т. 7. М., 1952. С. 133–152.
13. Туркмения. М., 1936.
14. Blackwell C. Tradition and Society in Turkmenistan: Gender, Culture and Oral Songs. N.Y., 2013.
15. Holt K. Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism // Russian Literature. Vol. 73. Is. 1–2. P. 57–83. doi:10.1016/j.ruslit.2013.01.005
16. Holt K. The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature, 1921–1935. Ph.D. Dissertation, Columbia University.
17. Schimmelpenninck van der Oye D. Russian orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. New Haven, London, 2010.

REFERENCES

1. Aiding-Gyunler. Al'manakh k desyatiletiiu Turkmenistana [10-years Anniversary of Turkmenistan Almanac]. Moscow, GIKhL Publ., 1934. 221 p. (In Russ.)
2. Belyaev V., Uspensky V. Turkmenskaya muzyka. [Turkmen music], vol. 1, 2nd ed. Ashkhabad, Turkmenistan Publ., 1979. 381 p. (In Russ.)
3. Bogomolova A. Ponyatie "mirovoi literatury" v sovetskoi kul'ture 1930-kh gg.: Pervyi s'ezd sovetskikh pisatelei [The Concept of World Literature in Soviet Culture of the 1930s: The First All-Soviet Writers' Congress]. In.: Tekstologiya i istoriko-literaturnyi protsess [Textual Criticism and Historical Literary Process]. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2016, pp. 146–155. (In Russ.)

4. Gorky M. Belorusskoi akademii nauk [To Belarus Academy of Sciences]. In: Gorky M. *Sobranie sochinenii v 30 tt.* [Works in 3 Volumes], vol. 26. Moscow: *GIKhL Publ.*, 1953. (In Russ.)
5. Gullyev Sh. *Turkmenskaya muzyka (nasledie)* [Turkmen Music (the Legacy)]. *Almaty, Fond Soros-Kazakhstan Publ.*, 2003. 208 p.
6. Gullyev Sh., Redzhepova G. *Turkmenskaya narodnaya muzykal'naya kul'tura* [Turkmen Vernacular Music Culture]. In: *Turkmeny* [The Turkmens]. Moscow, *Nauka Publ.*, 2016, pp. 458–468. (In Russ.)
7. Holt K. Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism. *Russian Literature*, 73, 1–2, pp. 57–83, doi:10.1016/j.ruslit.2013.01.005
8. Holt K. *The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature, 1921–1935*. Ph.D. Diss., Columbia University. 322 p.
9. Maksimenkov L.V. *Ocherki nomenklaturnoi istorii sovetskoi literatury. 1932–1946. Stalin, Zhdanov, Shcherbakov i drugie* [Essays on the Nomenclature History of Soviet Literature. 1932–1946. Stalin, Zhdanov, Shcherbakov and Others]. *Voprosy literatury*, 4, 2003, pp. 241–297. (In Russ.)
10. *Pervyi Vsesoyuznyi s'ezd sovetskikh pisatelei: Stenograficheskii otchet* [The First All-Union Congress of Soviet Writers: A Shorthand Report]. Moscow, *Goslitizdat Publ.*, 1934. 718 p. (In Russ.)
11. *Potseluevsky A.P. Izbrannye trudy* [Selected Works]. Ashkhabad, *Ylym Publ.*, 1975. 337 p. (In Russ.)
12. Rozhentseva E. *Opyt dokumentirovaniya turkmenskikh poezdok A. P. Platonova* [An Attempt on Investigation of the Turkmen Trips of Andrey Platonov]. In: *Arkhiv Andreya Platonova*. [Andrey Platonov's Archive], vol. 1. Moscow, *IMLI RAN Publ.*, 2009. (In Russ.)
13. Rozhentseva E. *Turkmeniya v pis'makh i zapisnykh knizhkhakh A. Platonova i V. Kozina* [Turkmenia in Letters and Notebooks of A. Platonov and V. Kozin]. In: *Tekstologicheskii vremennik: Voprosy tekstologii i istichnikovedeniya* [Textual Chronicle: The Issues of Textual and Source Criticism], vol. 3. Moscow, *IMLI RAN Publ.*, 2018, pp. 294–306. (In Russ.)
14. *Stalin I.V. O politicheskikh zadachakh Universiteta narodov Vostoka* [About Political Tasks of the University of Eastern Peoples]. In: *Stalin I.V. Sochineniya* [Works], vol. 7. Moscow, *Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ.*, 1952, pp. 133–152. (In Russ.)
15. *Turkmeniya* [Turkmenistan]. Moscow, *Sovetskii pisatel' Publ.*, 1936. 315 s. (In Russ.)
16. Blackwell C. *Tradition and Society in Turkmenistan: Gender, Culture and Oral Songs*. New York, *Routledge*, 2013. 203 p.
17. Schimmelpenninck van der Oye D. *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven, London, *Yale UP*, 2010, 298 p.

Поступила в редакцию 13.04.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Отредактирована 27.10.2022

Received 13.04.2022

Accepted 11.10.2022

Revised 27.10.2022

ОБ АВТОРЕ

Бурцева Алла Олеговна — редактор Издательского Дома «Ладомир»;
 alla.burtseva@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Alla Burtseva — editor at the Publishing House “Ladomir”; alla.burtseva@gmail.com

К 200-летию АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

ОБ ОДНОЙ СТРАННОЙ ЦИТАТЕ В СТАТЬЕ АЛЕКСАНДРА БЛОКА «СУДЬБА АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА»

Д.М. Магомедова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия;
dinamagom@yandex.ru*

Аннотация: В статье А. Блока «Судьба Аполлона Григорьева» до настоящего времени оставалась не только не прокомментированной, но и не переведенной, немецкая цитата из статьи Григорьева «Последний фазис любви» (1846). Словарный анализ показал, что в журнале «Репертуар и Пантеон» была допущена серьезная опечатка (Erwürdigster вместо Ehrwürdigster). В статье Блока к этой опечатке прибавилась еще одна неточность, в результате чего цитата превратилась в «темное место». Исправление опечаток показало, что Григорьев цитирует реплику из масонского ритуала. Это соответствует его увлечению масонством и мистицизмом в период перевода «Гимнов», с которыми Блок соотнес цитируемый фрагмент.

Ключевые слова: Аполлон Григорьев; Александр Блок; «Репертуар и Пантеон»; «темное место»; словарный анализ; перевод; комментарий; масонский ритуал

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-152-157

Для цитирования: Магомедова Д.М. Об одной странной цитате в статье Александра Блока «Судьба Аполлона Григорьева» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 152–157.

ON A STRANGE QUOTATION IN ALEXANDER BLOK'S ARTICLE "APOLLON GRIGORIEV'S LIFE"

Dina Magomedova

Russian State University for Humanities, Moscow, Russia; dinamagom@yandex.ru

Abstract: Until now, a German quote from Grigoriev's article "The Last Phase of Love" (1846) in A. Blok's "The Fate of Apollo Grigoriev", has remained not only uncommented, but also untranslated. A dictionary analysis showed that a major misprint was made in the magazine "Repertuar i Pantheon" (Erwürdigster instead of Ehrwürdigster). In Blok's article, another inaccuracy was added to this typo, as a result of which the quote turned into an "obscure passage in the text". Correction of typos showed that Grigoriev quotes a remark from a Masonic ritual, which corresponds to his passion for Freemasonry and mysticism during the translation of the "Hymns", with which Blok correlated the quoted fragment.

Key words: Apollon Grigorev; Alexander Blok; “Repertuar I Pantheon”; obscure passage in the text; a dictionary analysis; translation; commentary; masonic ritual

For citation: Magomedova D.M. (2022) On a strange quotation in Alexander Blok’s article “Apollon Grigoriev’s Life”. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 152–157.

Речь пойдет, если можно так выразиться, о цитате в цитате. А еще вернее сказать — о фрагменте, который уже почти 100 лет не дается комментаторам статьи Александра Блока «Судьба Аполлона Григорьева», которую он предпослал к подготовленному им же сборнику стихотворений поэта в 1915 г.

В третьем разделе этой объемной статьи идет речь о становлении творческой личности Аполлона Григорьева в 1840-е годы, после его переезда из родной Москвы в Петербург. Среди «многообразных миров», в которых формируется душа поэта, он особенно выделяет ««болезненный» нежный, дразнящий несбыточным призраком первой любви» и цитирует фрагмент из опубликованной в 1846 г. в журнале «Репертуар и Пантеон» (1846. Т. 16. № 12) статьи «Последний фазис любви. — Любовь в XIX веке»: «Факт, и факт неоспоримый, то, что XIX в. питает любовь к болезненности, что мы все, чада его, всасываем с кровью наклонность... страдания, что в каждом из нас какой-то голос взывает, как в некоторых общинах, — Mitternacht, Ehrwürdigster, — tiefe Mitternacht, ибо свет есть не что иное, как сознание окружающей нас тьмы. Знаю очень хорошо, что, высказывая такое определение, я подвергаю себя позорному названию романтика... *Расставанье в безмолвном и гордом страданье*, конечно, вещь удивительно смешная для всякого, кто созерцает человеческие страсти из своего кабинета... но тем не менее оно — вещь обыкновенная в наше время».

Камнем преткновения в этой цитате оказалась немецкая фраза: “Mitternacht, Ehrwürdigster, — tiefe Mitternacht”. Прежде всего на этой фразе споткнулись переводчики. Следует, очевидно, сразу оговорить, что автограф статьи Блока не сохранился, не говоря уже о рукописи Григорьева, который был крайне неряшлив в этом отношении.

Дело в том, что в журнальной публикации статьи Григорьева эта фраза была напечатана с ошибкой: вместо правильного “Ehrwürdigster” (достопочтимый) — “Ergwürdigster”. Такого слова в немецком языке просто не существует. Именно так, с ошибкой, эта фраза перекочевала в статью Блока (очевидно, он был озабочен точностью воспроизведения журнальной цитаты, а не переводом немецкого восклицания). При жизни Блока эта статья не переиздавалась. А в первом же посмертном берлинском собрании сочинений 1923 г. появилась еще одна опечатка, которая окончательно запутала смысл:

вместо тире появился дефис, превратив два слова в двусоставное, да еще в функции определения к слову “Mitternacht” (полночь): “Erwüdigster-tiefe Mitternacht”. И в таком виде эта фраза печаталась и в 12-томнике 1932–1936 гг., и в 8-томнике 1960–1965 гг. (оба — под ред. В.Н. Орлова). Очевидно, цитата механически воспроизводилась по берлинскому изданию, без сверки даже и по журнальному тексту. Перевод этой фразы, предложенный редактором, выглядел так: «Полночь, глубокочтимая полночь». Все попытки попросить помощи у носителей немецкого языка заканчивались ничем: немцы пожимали плечами и утверждали, что эта цитата не имеет смысла. В 1982 г. статья Блока была переиздана в 6-томнике Ленинградского отделения «Художественной литературы» (Т. 5). И. Исакович, готовившая текст, впервые за полвека сверила цитату и догадалась исправить *er-* на *ehr-*. Однако дальнейшая ее правка оказалась не менее далекой от смысла. Теперь цитата выглядела так:

– Mitternacht, ehrwürdigst tiefe Mitternacht,

В сноске был предложен не слишком понятный перевод: «Полночь, почтеннейше глубокая полночь» (С. 205).

Наконец, мне пришлось обратиться к толковым немецким словарям, а одновременно к одному из лучших современных германистов Алексею Иосифовичу Жеребину. И лишь прояснение смысла слова *Ehrwürdigster* (досточтимый, достопочтенный) помогло понять, как же должна была выглядеть фраза и в каком контексте. Толковые словари дают не только языковое значение слова “Ehrwürdigster” в светском словоупотреблении, но и поясняют, что это «почтительное обращение к братьям или сестрам в католических орденах и конгрегациях, а также в масонских орденах». Следовательно, аутентичное написание немецкого текста должно выглядеть так:

– “Mitternacht, Ehrwürdigster, — tiefe Mitternacht”.

А правильный перевод этой фразы — «Полночь, досточтимый, — глубокая полночь».

Иными словами, не полночь оказывается досточтимой или почтеннейшей, а досточтимому брату сообщают, что настала глубокая полночь.

Однако на этом вопросы комментатора не заканчиваются. Григорьев говорит, что так взывают «в некоторых общинах», — о чем может идти речь? Об интересе Григорьева к католицизму, о какой-либо связи с католическими орденами ничего не известно. Зато именно в середине 1840-х годов он проявлял активное внимание к масонству. В 1845 г. (за год до публикации статьи «Последний фазис любви. — Любовь в XIX веке») Григорьев создает стихотворный цикл «Гимны». Блок, как и Григорьев в единственно прижизненном сборнике 1846 г., открывает этим циклом составленную им книгу стихов

и называет их «неоцененными», а Григорьева — «мудрецом, поющим гимны Розе и Радости». Более того, он незаметно указывает на их связь с мотивами Софии-Премудрости («Мир гимнов к Розе и Мудрости»). Необходимо напомнить, что еще В.Н. Княжнин в 1916 г. указал на связь «Гимнов» с масонскими песнопениями¹, а Б. Бухштаб в 1957 г. указал, что эти стихотворения являются переводом масонских ритуальных песнопений, напечатанных в сборнике “Vollständiges Gesangbuch für Freimauer” (Berlin, 1813) [Бухштаб, 1966]. В воспоминаниях А.А. Фета упомянуты факты, свидетельствующие о связях Григорьева с масонами и в Москве, и в Петербурге:

«Григорьев не раз говорил мне о своем поступлении в масонскую ложу и возможности получить с этой стороны денежные субсидии. Помню, как однажды посетивший нас Ратынский с раздражением воскликнул:

«Григорьев! подавайте мне руку, хватая меня за кисть руки сколько хотите, но я ни за что не поверю, чтобы вы были масоном <...> Однажды, к крайнему моему изумлению, он объявил мне, что получил из масонской ложи временное вспомоществование и завтра же уезжает в три часа дня в дилижансе в Петербург» [Фет, 1893: 226].

Сама же комментируемая фраза «Полночь, досточтимый, глубокая полночь!» — это одна из ключевых фраз масонского ритуала. Как подтвердил крупнейший историк русского масонства А.И. Серков, «это традиционная фраза масонского ритуала при закрытии ритуальных работ (они не делятся на дневные или вечерние). Досточтимый мастер обращается к 1-му стражу (1-е и 2-е лицо в ложе): В котором часу масоны прекращают свои труды? Ответ: В полночь, досточтимый мастер. Вопрос: Который сейчас час? Ответ: Полночь, досточтимый мастер. Это практически во всех ритуалах» (замечание в частной переписке с автором заметки).

Весьма важно замечание А.И. Серкова, что подробные описания масонских ритуалов распространялись не только в печатном виде, но и в виде копий: «Учитывая, что многие ложи в России работали на немецком, то сотни переписанных ритуалов было». Кстати, не объясняется ли именно этим ошибка в написании слова “Ehrwürdigste”, может быть, она восходит к не слишком грамотному переписчику?

Понимал ли Блок масонский подтекст этой фразы? Думается, понимал. Его выпускная университетская работа «Болотов и Новиков» (1906) потребовала от него внимательного чтения источников по истории масонства, в частности, работ А. Пыпина, С.В. Ещевского,

¹ См.: Княжнин В.Н. Аполлон Григорьев — поэт // Русская мысль. 1916. № 5. Отд. III. С. 20–21. Отмечено Б.Ф. Егоровым [Григорьев, 2001: 729].

С.А. Петровского, А. Незеленова. Массонская символика оказала заметное воздействие на формирование образной системы лирики II тома, драматургии и даже статей Блока этого периода². Иными словами, масонские мотивы в стихах и прозе Григорьева были ему заметны и понятны. В статье рассыпаны упоминания о связях Григорьева с масонами. Так, во второй главе в повествовании об отрочестве поэта упоминается дед: «Он чувствовал родство с душою своего кряжистого деда, который был начетчиком (от него дошла библиотека), с архиереями спорил, с Новиковым был знаком и чуть ли не был масоном. Дед являлся Полошеньке во сне; по ночам Аполлон ждал его на улице». Несколько слов сказано и о юношеском увлечении масонством самого Аполлона Григорьева: «Он бредил о том, что может поступить в масонскую ложу, здоровался, берясь за кисть руки особенно, по-масонски» [Блок, 1916: VII, IX]. Наконец, не случайно, что о «Гимнах», посвященных Розе и Радости, говорится в следующем абзаце после цитаты из масонского ритуала.

Но был ли масоном Аполлон Григорьев? Иными словами, был ли он принят в масонскую ложу? Достоверных сведений на этот счет нет. То, что в статье Григорьева говорится о не названных «некоторых общинах», понятно: с 1822 г. масонские ложи в России были официально запрещены, хотя продолжали существовать подпольно.

Но именно контекст, в который Григорьев поместил в статье ритуальную масонскую цитату, заставляет отнестись к гипотезе о его возможном масонстве с большой осторожностью. Эта фраза у Григорьева связывается с романтической темой болезненности и страдания, а полночь для него — так же, как, например, ночь у Тютчева, — с непостижимостью бесконечности. Рациональный масонский мотив окончания дневного труда превращается у Григорьева в романтическое переживание метафизической тоски, с осознанием границ собственного я, чему и посвящена статья «Последний фазис любви. — Любовь в XIX веке». Такая перекодировка совершенно естественна для художника, поэта, но мало похожа на масонское мироощущение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альтшуллер М.* Масонские мотивы «Второго тома» (Университетские штудии А.А. Блока и их отражение в лирике 1904–1905 гг.) // *Revue des Études Slaves*. 1982. 54-4. P. 591–607.
2. *Блок А.А.* Судьба Аполлона Григорьева // *Григорьев Аполлон. Стихотворения*. М., 1916. С. VII, IX.
3. *Бухштаб Б.* «Гимны» Аполлона Григорьева // *Бухштаб Б. Библиографические разыскания по русской литературе XIX века*. М., 1966. С. 27–49.

² См. об этом: [Владимирова et al., 1981; Альтшуллер, 1982].

4. Владимирова И.В. <Душечкина И.В.>, Григорьев М.Г. <Альциуллер М.Г.>, Кумпан К.А. А.А. Блок и русская культура XVIII века // Блоковский сборник. IV. Тарту, 1981. С. 27–115.
5. Григорьев Аполлон. Стихотворения. Поэмы. Драммы. СПб., 2001. 780 с.
6. Фет А.А. Ранние годы моей жизни. М., 1893.

REFERENCES

1. Al'tshuller M. Masonskie motivy "Vtorogo toma": (Universitetskie shtudii A.A. Bloka i ikh otrazhenie v lirike 1904–1905 gg.) [Masonic motifs of the "Second Volume": (A.A. Blok's University studies and their reflection in the lyrical poetry of 1904–1905)]. *Revue des Études Slaves*. 1982. 54-4, pp. 591–607. (In Russ.)
2. Blok A.A. Sud'ba Apollona Grigor'eva [Apollo Grigoriev's Life]. *Grigor'ev Apollon. Stikhotvoreniia* [Grigoriev Apollo. Poems]. Moscow, 1916, pp. VII, IX. (In Russ.)
3. Bukhshtab B. "Gimny" Apollona Grigor'eva. ["Hymns" of Apollo Grigoriev] Bukhshtab B. *Bibliograficheskie razyskaniia po russkoi literature XIX veka* [Bibliographic research on the Russian literature of the 19th century]. Moscow: *Kniga Publ.*, 1966. P. 27–49. (In Russ.)
4. Vladimirova I.V. <Dushechkina I.V.>, Grigor'ev M.G. <Al'tshuller M.G.>, Kumpan K.A. А.А. Блок и русская культура XVIII века [A.A. Blok and the Russian culture of the 18th cent.]. *Blokovskii sbornik*. The Blokavian collection. IV. Tartu, 1981. (In Russ.)
5. Grigor'ev Apollon. *Stikhotvoreniia. Poemy. Dramy* [Poems. Tales in verses. Dramas]. St. Petersburg: *Akademicheskii proekt Publ.*, 2001. 780 pp. (In Russ.)
6. Foeth A.A. *Rannie gody moei zhizni* [The early years of my life]. Moscow, 1893. (In Russ.)

Поступила в редакцию 10.08.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Отредактирована 11.10.2022

Received 10.08.2022

Accepted 11.10.2022

Revised 11.10.2022

ОБ АВТОРЕ

Магомедова Дина Махмудовна — доктор филологических наук, профессор. Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, ведущий научный сотрудник; Российский государственный гуманитарный университет, профессор кафедры истории русской классической литературы; dinamagom@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dina Magomedova — Russian Federation, Moscow. Doctor of Philology, Professor. Leading Researcher at Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Russian classical literature history of the Russian State University for the Humanities; dinamagom@yandex.ru

МАСОНСТВО В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

Н.Н. Подосоковский

*Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия;
n.podosokorskiy@gmail.com*

Аннотация: В статье затронут комплекс вопросов о роли масонства в жизни писателя и о том, как масонское учение выразилось в его текстах. Сам Григорьев считал себя потомственным масоном и, по его признанию, «веровал в какую-то таинственную связь» своей души с душой покойного деда-масона Ивана Григорьева. Друг юности Григорьева и его товарищ по Московскому университету А.А. Фет вспоминал, что Григорьев не раз говорил ему «о своем поступлении в масонскую ложу». С масонством и герметизмом (напрямую или опосредованно) связан и литературный псевдоним поэта «А. Трисмегистов». Масонские гимны (1845) Григорьева рассмотрены в контексте гимнов русских масонов конца XVIII — первой четверти XIX в. Проанализированы «масонская завязка» пьесы «Два эгоизма» (1845) и масонский подтекст повестей «Один из многих» (1846) и «Другой из многих» (1847). В последних произведениях Ап. Григорьев выступил как смелый новатор, изобразив героев-масонов в то время, когда масонство официально в России было запрещено, причем изобразил их не ретроспективно, а как своих современников, т.е. людей сороковых годов.

Ключевые слова: Аполлон Григорьев; Достоевский; масоны; масонство; масонские гимны; герметизм; Гермес Трисмегист

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-158-170

Для цитирования: Подосоковский Н.Н. Масонство в жизни и творчестве Аполлона Григорьева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 158–170.

FREEMASONRY IN THE LIFE AND WORK OF APOLLON GRIGORIEV

Nikolay Podosokorsky

*Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
n.podosokorskiy@gmail.com*

Abstract: The article touches upon a set of questions about the role of Freemasonry in the writer's life and how Masonic teaching was expressed in his texts. Grigoriev considered himself a hereditary mason and, according to his confession, “believed in some mysterious connection” of his soul with the soul of his late grand-

father, the mason Ivan Grigoriev. A friend of Grigoriev's youth and his comrade at Moscow University, the poet Afanasy Fet recalled that Grigoriev had repeatedly told him "about his admission to the Masonic lodge". Freemasonry and Hermeticism also inspired (directly or indirectly) the literary pseudonym of the poet: "A. Trismegistov". Grigoriev's *Masonic Hymns* (1845) are considered in the context of the hymns of the Russian Masons of the late 18th — first quarter of the 19th centuries. The "Masonic plot" of the play *Two Egoisms* (1845) and the Masonic subtext of the novels *One of Many* (1846) and *The Other of Many* (1847) are also analyzed. In his later works, Ap. Grigoriev acted as a bold innovator, portraying Masonic heroes at a time when Freemasonry was officially banned in Russia, and depicted them not retrospectively, but as his contemporaries, i.e. people of the forties.

Key words: Apollon Grigoriev; Dostoevsky; freemasons; freemasonry; masonic hymns; hermeticism; Hermes Trismegistus

For citation: Podosokorsky N.N. (2022) Freemasonry in the life and work of Apollon Grigoriev. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 158–170.

Масонство Аполлона Григорьева, как справедливо отмечал еще Б.Ф. Егоров, «одно из самых загадочных и темных мест в его биографии» [Егоров, 2000: 52]. Деятельность масонских лож и всех прочих тайных обществ была запрещена в России высочайшим рескриптом императора Александра I от 1 августа 1822 г. Ввиду недостаточной эффективности этого распоряжения следующий император Николай I был вынужден в 1826 г. продублировать повеление своего предшественника о запрете масонства. Однако и этот шаг не сразу приостановил развитие масонства в России, которое, впрочем, на многие десятилетия перешло на нелегальное положение.

Как пишет современный историк масонства Е.Л. Кузьмишин, запрет масонства «не помешал российским масонам, которые еще задолго до этого, в 1818–1820 гг., вышли из своих лож, основать ряд тайных обществ, во многом напоминавших масонские по своим структуре, методам работы и социальным идеалам» [Кузьмишин, 2016: 326]. А.Н. Виноградов, в свою очередь, отмечает, что «лишь в начале 1840-х годов в провинции и к началу 1860-х годов в Петербурге и Москве деятельность русских масонов окончательно замедляется» [Карпачев, 2007: 49].

Сам Григорьев считал себя потомственным масоном, причем его отношение к этому было исполнено мистики. В мемуарах «Мои литературные и нравственные скитальчества» он вспоминает о своем деде Иване Григорьеве, знакомом с Н.И. Новиковым (1744–1818), который подарил ему множество книг [Григорьев, 1988: 14]¹.

¹ Некоторые из масонских книг он был вынужден сжечь после ареста Новикова в 1792 г, но, возможно, далеко не все, так как «после него осталась довольно большая библиотека» [Григорьев, 1988: 13–14].

«Был ли дед масоном — не могу сказать наверняка. Наши ничего об этом не знали. Лицо, принадлежавшее к этому ордену² и имевшее, как расскажу я со временем, большое влияние на меня в моем развитии, говорило, что был» [там же]. Григорьев, хотя и не застал своего деда-масона, тем не менее «веровал в какую-то таинственную связь» своей души «с душой покойного деда, в какую-то метемпсихозу не метемпсихозу, а солидарность душ» [там же]. Два раза в жизни, «и всегда перед разными ее переломами», дед, по его признанию, являлся ему во сне [там же]³.

В мемуарах он также отмечает, что хозяином дома, который соседствовал с их домом в Замоскворечье, был «развратник по сказаниям и фармазон», о котором «ходили самые странные слухи» [там же: 21]. Как выяснил Г.А. Федоров, речь идет о коллежском асессоре М. Бороздине [там же: 372]. Известно о ряде представителей этой фамилии в России первой четверти XIX в., являвшихся масонами: А.М. Бороздине (1792–1866), К. Бороздине, генерал-лейтенанте М.М. Бороздине (1767–1837), Н.М. Бороздине (1777–1830) [Серков, 2020, т. 1: 287–291], однако подробности масонской биографии соседа семьи Григорьевых, коллежского асессора и «фармазона» М. Бороздина, еще предстоит установить. Не исключено, что он сам и не принадлежал к братству вольных каменщиков, но был близким родственником масона — отсюда его ироничное именование Григорьевым не масоном, а «фармазоном» и «племянником вдовы». Последнее может быть не просто указанием на его родственные отношения с О.Д. Ешевской, вдовой штабс-капитана и хозяйкой дома в Москве, где жили Григорьевы в 1820-е годы [Григорьев, 1988: 427], но и переименованным прозвищем масонов как «детей вдовы»⁴. Обычно «племянником» в масонстве один масон называет сына другого масона [Карпачев, 2008: 159].

Друг юности Григорьева и его товарищ по Московскому университету Афанасий Фет вспоминал: «Григорьев не раз говорил мне о своем поступлении в масонскую ложу и возможности получить с этой стороны денежные субсидии. Помню, как однажды посетивший

² По предположению Б.Ф. Егорова, речь идет об авантюристе Константине Милановском [Григорьев, 1988: 382].

³ Это отчасти перекликается со сновидческим опытом Достоевского, который однажды признался в письме к А.Г. Достоевской от 16 (28) апреля 1871 г.: «Я сегодня ночью видел во сне отца, но в таком ужасном виде, в каком он два раза только являлся мне в жизни, предвещая грозную беду, и два раза сновидение сбылось» [Достоевский, 1972–1990, т. 29: 197]. О связи жизни и творчества Достоевского с масонством см.: [Касаткина, 1996; Подосокорский, 2021].

⁴ Главный архитектор Храма царя Соломона Хирам Абифф был согласно масонской легендарной истории сыном вдовы, «и все Мастера-масоны благодаря своему духовному родству с ним есть Сыновья Вдовы» [Уайт, 2003: 386].

нас Ратынский с раздражением воскликнул: “Григорьев! Подавайте мне руку, хватая меня за кисть руки сколько хотите, но я ни за что не поверю, чтобы вы были масоном” <...> Однажды, к крайнему моему изумлению, он объявил мне, что получил из масонской ложи временное вспомоществование и завтра же уезжает в три часа дня в дилижансе в Петербург» [Григорьев, 1988: 326]. Крупнейший современный историк российского масонства А.И. Серков также пишет, что Аполлон Григорьев был посвящен в начале 1840-х годов в одной из подпольно существовавших масонских лож [Серков, 2020, т. 1: 662].

Обнаружить более основательное документальное подтверждение принадлежности Григорьева к запрещенному братству представляется едва ли возможным, тем не менее его большой интерес к масонству в 1840-е годы несомненен. Неслучайно он выбрал себе в качестве литературного псевдонима «А. Трисмегистов». Ряд биографов писателя [Носов, 1990: 35; Егоров, 2000: 41] полагают, что имя было заимствовано из романов Жорж Санд «Консуэло» (1843) и «Графиня Рудольштадт» (1843), герой которых граф Альберт Рудольштадт, масон и мистик, основатель ордена «Невидимые», целью коего являлась организация человеческого общежития на лозунгах Великой французской революции (свобода, равенство, братство), имел псевдоним «Трисмегист» [Егоров, 2000: 68].

Однако за поверхностной романтической подражательностью могло скрываться и куда более глубокое увлечение герметическими науками. Трактаты, приписываемые Гермесу Трисмегисту (т.е. Триждывеличайшему), «имели хождение среди русских мартинистов и розенкрейцеров [той эпохи], проявлявших живой интерес к герметической философской мысли» [Морозов, 2018: 108]⁵. В одной из рукописей первой четверти XIX в., содержащей текст «Гермесовой Смарагдовой Таблицы», имелось пояснение прозвища Трисмегист: Гермес Трисмегист, как полагают некоторые, «назывался потому трижды великим, что он первый писал о Троичности и Единстве Божиим; иные думают, от тройственной Работы великого дела Мудрых; а иные потому, что он был Царь, Священник и Пророк» [Морозов, 2018: 109]. Как отмечает В.Н. Морозов, последние строки «следует рассматривать как прямую цитату из предисловия к “Книге о составе алхимии” Роберта Честерского, согласно которому, Гермес как “царь, философ и пророк” явил в себе три добродетели,

⁵ Исследователь особо отмечает «наличие многих рукописных списков и разных переводов «Изумрудной Скрижали» на русском языке, а также прямых отсылок к герметической мысли» в трудах интеллектуалов, входивших в Дружеское ученое общество [Морозов, 2018: 110], созданное в 1782 г. Новиковым и И.Г. Шварцем при Московском университете.

отчего был прозван Трисмегистом (Ερμής ο Τρισμέγιστος — Гермес Триждывеличайший)» [Морозов, 2018: 109].

Тетрадь с фрагментами сочинения Гермеса Трисмегиста «Поэма-дер, или о божественной силе и премудрости» хранилась в собрании масонских рукописей С.С. Ланского [Собрание масонских рукописей, 1973: 45], видного масона, министра внутренних дел в 1855–1861 гг., шурина писателя-мистика В.Ф. Одоевского. В 1819 г. при участии Ланского в Москве даже была образована для углубленного изучения масонства ложа «Гермес», работавшая в шотландских степенях [Серков, 2000: 229; Арсеньев, 2005: 6]. «Книги Трисмегиста» фигурируют в романе А. Вельтмана «Предки Калимероса. Александр Филиппович Македонский» (1836); о «Трисмегиста дивном камне» упоминал в своей поэме «Алхимик» (1867) А.К. Толстой и т.д. Иными словами, легендарное имя Гермеса Трисмегиста и приписываемые ему тексты были хорошо известны среди интеллектуалов и мистиков того времени, поэтому всецело сводить происхождение псевдонима Григорьева «Трисмегистов» к заимствованию из романов Жорж Санд не стоит.

Показательно, что сборник «Стихотворений» (1846) Григорьева, являющийся единственным отдельным изданием, опубликованным при жизни поэта, открывался именно его переводами масонских гимнов с немецкого. Как отмечал Б.Ф. Егоров, Григорьев по цензурным соображениям «всюду “масонов” заменил “братьями” или “художниками” или вообще опустил название» [Григорьев, 2021–2022, т. 1: 645], хотя мизерный тираж издания (50 экземпляров) явно не предполагал массовое распространение книги. О связи григорьевских «Гимнов» с масонскими песнопениями начала XIX в. писали В.Н. Княжнин, Б.Я. Бухштаб, Б.Ф. Егоров и др. [там же: 644–646]. По предположению Б.Ф. Егорова, григорьевские «Гимны» «создавались по заданию: масонам нужны были тексты песен на русском языке» [там же: 645], однако к тому времени масонских песен на русском языке в России было немало. Так, еще масон Алексей Ильин в своем дневнике 1775–1776 гг. упоминает, как Н.И. Новиков подарил ему книгу масонских песен [Ильин, 2011: 35]. А Великий мастер Провинциальной великой ложи в Санкт-Петербурге И.П. Елагин (1725–1794) связывал пристрастие к такого рода песнопениям со злоупотреблением застольями и пьянством среди братьев⁶. По его словам, умели братья-масоны только «со степенным видом в открытой ложе шутить и при торжественной вечере за трапезою не-

⁶ Страсть, не чуждая и масону Григорьеву. Может быть, в том числе этим его увлечением был вызван и интерес к масонским песням, исполняемым главным образом на братских агапах?

согласным воплем непонятный реветь песни и на счет ближнего хорошим упиваться вином» [Харитонович, 2001: 99].

Тира Соколовская, посвятившая несколько статей песням русских масонов первой четверти XIX в., отмечает, что «различные ложи имели различные сборники, заключающие в себе избранные песни для употребления во время масонских собраний. Содержание песен таких сборников служило вернейшей характеристикой членов какой-либо ложи; так, в знаменитой ложе Соединенных Друзей любимыми песнями были те, в которых братья приглашались к служению двум великим божествам Древней Греции, Вакху и Эроту, хотя братья этой веселой ложи горестно и восклицали подчас:

Вотще мним хладной крови
Умножить жар вином!»

[Соколовская, 2008: 127].

Исследователь отмечает, что «братья-масоны русских лож, видевшие в музыке и пении великую силу, ни одно собрание свое не совершали без пения под звуки музыкальных инструментов» [там же]. Обрядовые масонские песни «пелись хорами масонов в ложах при посвящении в различные степени, при освящении нового помещения ложи, так называемой “инсталляции”, в разнообразные масонские торжества и при свершении поминальных обрядов по братьям, перешедшим в великую ложу вечности» [там же: 139]. Тематика песен, как правило, была традиционна: воспевание братского единения и братской любви, указание на необходимость преодолевать страсти и пороки и искать одних только Мудрости и Света Творца, напоминание о смерти и грядущем возрождении и проч. Все эти элементы масонского учения по-своему присутствуют и в поэтическом цикле Григорьева.

«Гимны» Григорьева перекликаются и с ранними стихотворениями середины сороковых годов⁷ Алексея Плещеева (1825–1893), которого позднее, уже в 1861 г., в письме к Н.Н. Страхову Григорьев назвал «хорошим человеком» [Григорьев, 1999: 250]. Плещеев, который был младше Григорьева на три года, по всей видимости, также принадлежал к какому-то подпольному масонскому кружку, поскольку делал многозначительные отсылки к таинственному «братству» в своем письме к Достоевскому [Подосокорский, 2021: 224–225], а в своих стихах вполне явно выражал масонские ценности и лозунги [Подосокорский, 2019: 97–98]. Например, в стихотворении «По чувствам братья мы с тобой...» (1846) Плещеев говорит о «святом

⁷ На близость поэзии Григорьева и Плещеева этого периода указывал и Б.Ф. Егоров, однако делая акцент на революционных и христианско-социалистических мотивах [Егоров, 2000: 75].

воинстве свободы», которое еще проявит себя в будущем, а в гимне «Вперед! без страха и сомненья...» (1846) пишет о «Союзе братьев», которые, дав «друг другу руки» (т.е. образовав так называемую братскую цепь), карают глаголом истины «жрецов греха и лжи», будят спящих от сна, провозглашают «любви ученье» и сносят некое «гоненье». В стихотворении «К чему мечтать о том, что после будет с нами...» (1846) поэт указывает на «свободы, равенства и братства идеал» и т.п. Поразительно, что Плещеев и Григорьев даже использовали для своих произведений сороковых годов один и тот же эпиграф!⁸

Однако наибольший интерес в свете масонской темы представляют две оригинальные повести Григорьева с героями-масонами — «Один из многих» (1846) и «Другой из многих» (1847)⁹. Вместе они составляют как бы две части единого целого и своим названием, и сюжетом, и стилистикой. Оригинальность этих произведений состоит уже в том, что масоны в них выведены не только в качестве исторических лиц, действующих в эпоху, когда масонство в России было разрешено (так, ретроспективно, о масонах писали Н.И. Греч, Загоскин, Толстой и др.), но как современники (!) автора, т.е. люди сороковых годов.

Попытка ввести в собственные художественные сочинения масонский подтекст была впервые предпринята Григорьевым в 1843 г., когда он работал над драмой «Современный рок». В письме к М.П. Погодину, датируемому не позднее февраля 1844 г., Григорьев, подписавшись «глубоко преданный Вам А. Трисмегистов», отмеча-

⁸ Я имею в виду первые строки из стихотворения Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...» (1841): Григорьев использовал их в качестве эпиграфа к своей пьесе с «масонской завязкой» «Два эгоизма» (1845) [Григорьев, 2021–2022, т. 2: 7], а Плещеев — в качестве эпиграфа к повести «Енотова шуба» (1847), изначально посвященной Достоевскому. Эти же строки повторяет и Мечтатель [Достоевский, 1972–1990, т. 2: 117] в романе «Белые ночи» (1848) Достоевского, посвященном изначально в журнальном варианте Плещееву (!) и имеющему богатый масонский подтекст [Подосокорский, 2019]. Учитывая, что все трое (Григорьев, Плещеев, Достоевский) одновременно жили в Петербурге в период с 1844 по начало 1847 г. и были посетителями «пятниц» Буташевича-Петрашевского, возможно, дата знакомства Достоевского с Григорьевым, обычно относимая к 1860 г. [Белов, 2001, т. 1: 214], нуждается в уточнении. Представляется сомнительным, чтобы Григорьев не был даже шапочно знаком с Достоевским уже в сороковые годы: «Не было в первой половине 1846 г. другого литературного имени, о котором столько бы говорили и писали в обеих столицах, как о Достоевском. Он сам сообщал в письме брату Михаилу, что за два минувших месяца о нем “было говорено около 35 раз в различных изданиях”» [Тихомиров, 2022: 154].

⁹ Е.А. Тахо-Годи и А. Середина отмечали, что заглавия этих повестей («Один из многих», «Другой из многих») перекликаются с заглавием сборника масонских стихов Ф.Н. Глинки «Единому от всех», а сами тексты произведений содержат ссылки к сочинениям Сен-Мартена [Тахо-Годи, 2016: 872].

ет относительно своей пьесы: «Хотелось бы мне знать, пропустит ли цензура ее завязку на масонстве? Впрочем, масонство здесь чистый факт, субстрат высших нравственных убеждений» [Григорьев, 1999: 10]. В переработанной редакции этой пьесы (изначально зарубленной цензурой), опубликованной в 1845 г. под заголовком «Два эгоизма», частично *завязка на масонстве* была сохранена. Начинается драма с описания маскарада, в ходе которого капуцин ударяет по плечу Ставунина со словами “Memento mori!”, поясняя, что такие слова повторяют уставы его «братства». Из рассказов русских масонов об их посвящении в первой четверти XIX в. известно, что надпись “Memento mori” была нанесена рядом с изображением мертвой головы с двумя скрещенными костями в комнате размышлений, куда отводили желающего быть принятым в масоны перед его непосредственным посвящением, а похлопыванием иницируемого по плечу братья одобряли прохождение им символических странствий в градусе ученика. Об этом, в частности, вспоминал А.П. Степанов в заметке «Принятие в масоны в 1815 году» [Русская старина, 1870: 222–223]. Вообще, размышления о смерти — неперемное и излюбленное занятие масонов, каждый из которых также проходит через собственную символическую смерть во время посвящения в орден. Об этом на разный лад сообщается и в «Гимнах» Григорьева. Например, в девятом:

И кто не умеет, как муж, умирать,
Не сын тот бессмертных богов
[Григорьев, 2021–2022: 419].

Или в двенадцатом гимне «Похоронная песня (Из Гёте)»:

Вразумись! да прояснится
И в эфир, и в ночь твой взор,
Да светил небесных хор
Для тебя соединится
с цепью радостных часов,
Что проводишь с беспечальным
Кругом близких, к вечным дальным
Отлететь всегда готов!

[Григорьев, 2021–2022: 422].

В повести «Один из многих» Лидия говорит масону Ивану Званинцеву: «Вы любить не можете, ваша любовь — смерть» [Григорьев, 1990, т. 1: 417]. Появление Званинцева не оставляет сомнений, что он принадлежит к масонству: в правой руке он держит трость с искусно вырезанным черепом из слоновой кости вместо ручки» [там же: 333], а, здороваясь с мужчинами, имеет манеру «пожимать указательным пальцем чужой пульс» [там же: 340], что является одним из опознавательных знаков принадлежности к масонству. Сообща-

ется, что Званинцев был взят еще малым ребенком на воспитание двумя масонами — полковником Скарлатовым и его тестем, стариком-бригадиром — в ту пору, когда «мистицизм и масонские ложи были в большом ходу» [там же: 351]. Сам Званинцев мог быть принят в масоны лишь уже после того (!), как масонство в России было официально запрещено, так как к моменту его запрета в 1822 г. герою было около десяти лет¹⁰.

Несмотря на обилие масонских символов и аллюзий в повести «Один из многих»¹¹, в этом произведении масонство предстает в сильно сниженном виде. Так, герой цинично говорит о погибшей из-за него Воловской: «Я ее любил, но и на нее даже смотрел я как на камень: выдержит обделку — хорошо, не выдержит — что делать!» [там же: 418].

В следующей повести «Другой из многих» выведен похожий на Званинцева тип масона-эгоцентриста Василия Имеретинова (оба они, похоже, предвосхищают демонический образ «хитрого человека», «масона» князя Валковского в «Униженных и оскорбленных»

¹⁰ Повествователь подчеркивает, что отец Званинцева, штабс-ротмистр *** гусарского полка, «умер в великий день Бородина», а его сын остался на руках старой няньки, и «он был еще по одному году» [Григорьев, 1990, т. 1: 349].

¹¹ Старик-бригадир, обсуждая со Скарлатовым воспитание Званинцева, произносит «два каких-то загадочных слова о *шотландских степенях*» [там же: 353]. Также сообщается, что на своего спящего воспитанника он смотрел с «каким-то тайным ожиданием. Там ждут искатели философского камня расцвета таинственного цветка — чада солнца» [там же]. Когда же дед умер, то «зять поставил над ним колонку белого мрамора и окружил ее акациями и кипарисом» [там же: 355]. Камень, колонна и акация — всё это известные масонские символы. Акация в данном случае, очевидно, символизирует бессмертие и возрождение души умершего масона и отсылает к основополагающей для масонства легенде о мастере Хираме (для обозначения его места захоронения подмастерья-убийцы воткнули сухую ветку акации, которая позднее зацвела) [Карпачев, 2008: 28].

Есть в обеих повестях и менее очевидные масонские аллюзии. Например, в «Одном из многих» масон Званинцев неожиданно говорит Мари Воловской: «А люди!.. я давно уже хожу между ними диким волком»; позднее он также заявляет Позвонцеву. А в «Другом из многих» Петр Чабрин в своем письме к сыну Ивану предостерегает его от общения с Василием Имеретиновым, используя как бы мимоходом пословицу «с волками жить по-волчьи вить». После этого уже сам Иван Чабрин в письме к ротмистру Зарнищину называет эту пословицу «своим перепешным правилом» и рассказывает, как употребил это *правило* в разговоре с Лизой: «— С волками жить — по-волчьи вить, — прервал я ее, садясь на кресла.

— А ты-то разве воешь по-волчьи? — спросила она, смотря на меня пристально...». Здесь, по всей видимости, обыгрывается распространенное прозвище детей масонов как волчат (луфтонов). Званинцев подчеркивает свою особенность, отдельность от простых людей и лишний раз отмечает, что он уже давно не просто сын масона, но состоявшийся, «состарившийся» масон («старый волк»). Чабрин же вынужден приспособляться к манерам Имеретинова, но, не будучи сам масоном, вызывает тем самым недоумение у окружающих: «А ты-то разве воешь по-волчьи?»

(1861) Достоевского). Написанное в жанре «романа в письмах» произведение построено на контрасте: кажется, что пафосные письма старика-дяди Александра Имеретинова к воспитанному им племяннику Василию чисто формально излагают отдельные положения масонского учения, только для того, чтобы в ответных письмах бесшабашный юноша профанировал весь их смысл. Очевидно, что старый алхимик и духовидец оказался никудышным наставником, сумев передать своему племяннику лишь способность подчинять своей воле окружающих людей, не заботясь при этом о соблюдении морали. «Зачем ты состарил меня преждевременно? где взял ты эту демонскую силу — эту власть, от которой я не в силах ни на минуту оторваться: точно как будто все, что говорил ты, стало моим, или лучше сказать, было моим от рождения?.. О, посмотри, посмотри, что ты из меня сделал!.. Другие верят во что-то... ну хоть в то, наконец, что не надобно ничему верить; а я... благодаря тебе, в голове моей такой хаос, такая странная смесь веры и неверия, сердце мое так страстно и вместе так холодно...» [там же: 428–429], — восклицает Имеретинов-младший.

Это непонимание между учеником и учителем напоминает о проваленной розенкрейцеровской инициации Кларенса Глиндона в романе Бульвер-Литтона «Занони» (1842). В нем герой также получает некое сверхмогущество, прикоснувшись к миру духов, но не может при этом обуздать собственные низменные страсти. Поучения масона Александра Имеретинова, как и наставления поборовшего все земные страсти розенкрейцера Мейнура у Бульвер-Литтона, эффективны как отвлеченная мудрость, но неэффективны в практическом смысле воспитания в ученике внутренней стойкости и сострадания ближнему.

Обе повести Григорьева несут на себе разочарование писателя не столько в масонстве, сколько в конкретных масонах, прикрывающих свои неблагоприятные поступки высокими идеалами и способных оказывать магнетическое влияние на тонко чувствующие, открытые натуры. Писатель показывает, насколько разрушительным является несоответствие уровня посвящения героя и приобретенных им сверхспособностей образу его повседневной жизни и эгоистическому отношению к окружающим людям.

Думается, что не стоит рассматривать эти литературные опыты и как своего рода сведение счетов с реальными людьми вроде К. Милановского. Гораздо важнее, что за профанируемыми истинами стоит стремление рефлексирующих персонажей понять и очистить от идеологических наслоений подлинные ценности, провозглашаемые масонами, вроде братской любви, настоящей свободы и равенства всех людей. Персонажи Григорьева только и делают, что рас-

суждают об этих предметах, причем наиболее глубоко это получается у тех героев, которые формально масонами не являются, как, например, Иван Чабрин. Его слова о всеобщем братстве возводят крепкий мост между масонским учением и мудростью христианства: «Я сам живу теперь в семействе, и мне странно-весело чувствовать подле своей комнаты жизнь других существ. Пусть эти существа не связаны со мною никакими крепкими отношениями, пусть я случаю занесенный гость в этом мире своих — я люблю их, люблю той братскою любовью, которую человек обязан чувствовать ко всем людям без изъятия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арсеньев В.С.* Воспоминания. Дневник. Материалы семейного архива. Генеалогия рода Арсеньевых / Сост. подгот. текста А.И. Серкова, М.В. Рейзина. СПб., 2005.
2. *Белов С.В.* Энциклопедический словарь «Ф.М. Достоевский и его окружение»: В 2 т. СПб., 2001.
3. *Григорьев А.* Воспоминания / Изд. подг. Б.Ф. Егоров. М., 1988.
4. *Григорьев А.А.* Сочинения: В 2 т. / Вступ. статья Б. Егорова; сост. и коммент. Б. Егорова и А. Осповата. М., 1990.
5. *Григорьев А.А.* Письма / Изд. подг.: Р. Виттакер и Б.Ф. Егоров. М., 1999.
6. *Григорьев А.* Собрание сочинений: В 10 т. / ИРЛИ РАН, Санкт-Петербургский институт истории; издание подготовили Б.Ф. Егоров и А.П. Дмитриев. СПб., 2021–2022. Т. 1–3.
7. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990.
8. *Егоров Б.Ф.* Аполлон Григорьев. М., 2000.
9. *Ильин А.А.* Из дневника масона 1775–1776 гг. / Сост. и предисл. В.И. Саввы. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2011.
10. *Карпачев С.П.* Тайны масонских орденов. Ритуалы «вольных каменщиков». М., 2007.
11. *Карпачев С.П.* Масоны. Словарь. Великое искусство каменщиков. М., 2008.
12. *Касаткина Т.А.* Фантазия на тему биографии Достоевского // Достоевский и современность: Материалы X Международных старорусских чтений. 1996. С. 57–65.
13. *Кузьмишин Е.Л.* Масонство / Предисл. А.И. Серкова. М., 2016.
14. *Морозов В.Н.* «Изумрудная скрижаль» Гермеса Трисмегиста в русской переводной литературе XVIII–XIX веков // *Aliter*. 2018. № 10. С. 106–112.
15. *Носов С.Н.* Аполлон Григорьев. Судьба и творчество. М., 1990.
16. *Подосокорский Н.Н.* Призраки «Белых ночей»: масон в паутине посмертия, майская утопленница и дух царя Соломона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 3 (7). С. 88–116.
17. *Подосокорский Н.Н.* Масонское окружение Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3 (15). С. 215–237.
18. Русская старина: ежемесячное историческое издание. СПб., 1870. Т. I. 2-е изд.
19. *Серков А.И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000.
20. *Серков А.И.* Российские масоны. 1721–2019. Биографический словарь. Век XIX: В 4 т. М., 2020.
21. Собрание масонских рукописей С.С. Ланского — С.В. Ешевского. М., 1973.

22. Соколовская Т.О. Статьи по истории русского масонства. М., 2008.
23. Тахо-Годи Е., Середина А. Женский портрет, или Теории «создания женщины» в ранней прозе Ап. Григорьева // Острова любви БорФеда: Сб. к 90-летию Бориса Федоровича Егорова. СПб., 2016. С. 863–875.
24. Тихомиров Б.Н. Достоевский. Литературные прогулки по Невскому проспекту. От Зимнего дворца до Знаменской площади. М., 2022.
25. Уайт А.Э. Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств: их ритуалов, литературы и истории. СПб., 2003.
26. Харитонович Д.Э. Масонство. М., 2001.

REFERENCES

1. Arsenyev V.S. *Vospominaniya. Dnevnik. Materialy semeynogo arkhiva. Genealogiya roda Arsenyevykh* [Memoirs. Diary. Materials of the family archive. Genealogy of the Arsenyev family]. Ed. By A.I. Serkov, M.V. Reyzin. SPb.: *Izdatelstvo imeni N. Novikova*, 2005. (In Russ.)
2. Belov S.V. *Entsiklopedicheskiy slovar «F.M. Dostoyevskiy i ego okruzheniye»* [Encyclopedic dictionary “F.M. Dostoevsky and his entourage”]: In 2 vol. SPb.: *Aleteyya Publ.*, 2001. (In Russ.)
3. Grigoryev A. *Vospominaniya* [Memoirs] / Ed. by B.F. Egorov. M.: *Nauka Publ.*, 1988. (In Russ.)
4. Grigoryev A.A. *Sochineniya* [Works]: In 2 vols / Ed. by B. Egorov, A. Ospovat. M.: *Khudozhestvennaya Literatura Publ.*, 1990. (In Russ.)
5. Grigoryev A.A. *Pisma* [Letters] / Ed. by R. Whittaker, B.F. Egorov. M.: *Nauka Publ.*, 1999. (In Russ.)
6. Grigoryev A. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]: In 2 vols. / Ed. by B.F. Egorov, A.P. Dmitriyev. SPb.: *Poligraf Publ.*, 2021–2022. T. 1–3. (In Russ.)
7. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]: In 30 vols. L.: *Nauka Publ.*, 1972–1990. (In Russ.)
8. Egorov B.F. *Apollon Grigoryev*. M.: *Molodaya Gvardiya Publ.*, 2000. (In Russ.)
9. Ilin A.Ya. *Iz dnevnika masona 1775–1776 gg.* [From the diary of a Mason of 1775–1776] / Ed. by V.I. Savva. *Salamandra P.V.V. Publ.*, 2011. (In Russ.)
10. Karpachev S.P. *Tayny masonskikh ordenov. Ritualy «volnykh kamenshchikov»* [Secrets of Masonic orders. Rituals of “freemasons”]. M.: *Yauza-press*, 2007. (In Russ.)
11. Karpachev S.P. *Masonry. Slovar. Velikoye iskusstvo kamenshchikov* [Freemasons. Dictionary. The Great Art of masons]. M.: *AST: Olimp Publ.*, 2008. (In Russ.)
12. Kasatkina T.A. *Fantaziya na temu biografii Dostoyevskogo* [Fantasy on the subject of Dostoevsky’s biography]. *Dostoyevskiy i sovremennost: materialy Kh Mezhdunarodnykh starorusskikh chteniy*. — Dostoevsky and Modernity: Materials of the X International Old Russian Readings 1996. pp. 57–65. (In Russ.)
13. Kuzmishin E.L. *Masonstvo* [Freemasonry] / Preface by A.I. Serkov. M.: *Ganga Publ.*, 2016. (In Russ.)
14. Morozov V.N. «Izumrudnaya skrizhal» Germesa Trismegista v russkoy perevodnoy literature XVIII-XIX vekov [“The Emerald Tablet” of Hermes Trismegistus in Russian translated literature of the 18th–19th centuries]. *Aliter*. 2018. № 10, pp. 106–112. (In Russ.)
15. Nosov S.N. *Apollon Grigoryev. Sudba i tvorchestvo* [Apollon Grigoriev. Life and works]. M.: *Sovetskiy Pisatel’ Publ.*, 1990. (In Russ.)
16. *Podosokorskiy N.N. Prizraki “Belykh nochey”: mason v pautine posmertiya. mayskaya utoplennitsa i dukh tsarya Solomona* [The ghosts of the “White Nights”: a Mason in the web of afterlife, the May drowned woman and the spirit of King Solomon]

- Dostoyevskiy i mirovaya kultura. Filologicheskiy zhurnal.* — Dostoevsky and world culture. Philological journal. 2019. № 3 (7), pp. 88–116. (In Russ.)
17. Podosokorskiy N.N. Masonskoye okruzheniye F.M. Dostoyevskogo [The Masonic environment of F.M. Dostoevsky]. *Dostoyevskiy i mirovaya kultura. Filologicheskiy zhurnal.* — Dostoevsky and world culture. Philological journal. 2021. № 3 (15), pp. 215–237. (In Russ.)
 18. *Russkaya starina: ezheemesyachnoye istoricheskoye izdaniye* [Russian Antiquity: a monthly historical publication]. SPb.: Pechatnya V.N. Golovina. 1870. T. I. 2nd ed.
 19. Serkov A.I. *Istoriya russkogo masonstva XIX veka* [History of Russian Freemasonry of the XIX century]. SPb.: N.I. Novikov Publ., 2000. (In Russ.)
 20. Serkov A.I. *Rossiyskiye masony. 1721–2019. Biograficheskiy slovar. Vek XIX* [Russian Masons. 1721–2019. Biographical dictionary. 19th century]: In 4 vols. M.: Ganga Publ., 2020. (In Russ.)
 21. *Sobraniye masonskikh rukopisey S.S. Lanskogo — S.V. Eshhevskogo.* [Collection of Masonic manuscripts of S.S. Lansky — S.V. Yeshevsky] / Ed. by K.A. Maykov. M.: Gosudarstvennaya biblioteka SSSR imeni V.I. Lenina, 1973. (In Russ.)
 22. Sokolovskaya T.O. *Statji po istorii russkogo masonstva* [Articles on the history of Russian Freemasonry]. M.: State Historical Library, 2008. (In Russ.)
 23. Takho-Godi E., Seredina A. Zhenskiy portret. ili Teorii “sozdaniya zhenshchiny” v ranney proze Ap. Grigoryeva [Female portrait, or the Theory of “the creation of women” in Ap. Grigoriev early prose]. *Ostrova lyubvi BorFed: Sbornik k 90-letiyu Borisa Fedorovicha Egorova* [BorFed’ Islands of love: Collection for the 90th anniversary of Boris Fedorovich Egorov]. Ed. by Dmitriyev, Glushakov. SPb.: Rostok Publ., 2016, pp. 863–875. (In Russ.)
 24. Tikhomirov B.N. *Dostoyevskiy. Literaturnyye progulki po Nevskomu prospektu. Ot Zimnego dvortsa do Znamenskoy ploshchadi* [Dostoevsky. Literary walks along Nevsky Prospekt. From the Winter Palace to Znamenskaya Square]. M.: Lingvistika: Boslen Publ., 2022. (In Russ.)
 25. Uayt A.E. *Novaya entsiklopediya masonstva (velikogo iskusstva kamenshchikov) i rodstvennykh tainstv: ikh ritualov literatury i istorii* [New Encyclopedia of Freemasonry (the great art of masons) and related mysteries: their rituals, literature and history]. SPb.: Lan’ Publ. 2003. (In Russ.)
 26. Kharitonovich D.E. *Masonstvo* [Freemasonry]. M.: Ves Mir Publ. 2001. (In Russ.)

Поступила в редакцию 10.08.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Отредактирована 01.11.2022

Received 10.08.2022

Accepted 11.10.2022

Revised 01.11.2022

ОБ АВТОРЕ

Подосокорский Николай Николаевич — старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура» Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН; n.podosokorskiy@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Nikolay Podosokorsky — Senior Researcher, Research Center “Feodor Dostoevsky and World Culture”, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; n.podosokorskiy@gmail.com

СТИХОВЫЕ НОВАЦИИ Ап.А. ГРИГОРЬЕВА-ПЕРЕВОДЧИКА: ДОЛЬНИК, ВЕРЛИБР, ПРОЗАИЧЕСКАЯ МИНИАТЮРА, ПРОЗИМЕТРИЯ, НОВАЯ СИЛЛАБИКА

Ю.Б. Орлицкий

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
ju_b_orlitski@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются новации в области версификационной техники, используемые Аполлоном Григорьевым в его стихотворных переводах с немецкого, английского и древнегреческого языков. Это дольники, метрические композиты, свободный стих, новая силлабика, а также прозаическая миниатюра, применяемая для перевода лирики, и прозиметрия, с помощью которых поэт стремился точно передать ритмические особенности произведений Гейне, Гёте, Шекспира и Софокла.

Ключевые слова: Ап.А. Григорьев; стихотворный перевод; дольники; метрические композиты; свободный стих; силлабика; прозаическая миниатюра; прозиметрия

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-171-184

Для цитирования: Орлицкий Ю.Б. Стиховые новации Ап.А. Григорьева-переводчика: дольник, верлибр, прозаическая миниатюра, прозиметрия, новая силлабика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 171–184.

VERSE INNOVATIONS OF APOLLON GRIGORIEV AS A TRANSLATOR: ACCENTUAL VERSE, VERS LIBRE, PROSE MINIATURE, PROSIMETRUM, NEW SYLLABICS

Yuri Orlitsky

Russian State University for Humanities, Moscow, Russia; ju_b_orlitski@mail.ru

Abstract: The article deals with innovations in the field of versification technique used by Apollon Grigoriev in his poetic translations from German, English and Ancient Greek. These are accentual verse (dolnik), metrical composite, free verse, new syllabics, as well as prose miniature used to translate lyrical poetry, and prosimetrum, with the help of which the poet sought to accurately convey the rhythmic features of the works by Heine, Goethe, Shakespeare and Sophocles.

Key words: Apollon Grigoriev; poetic translation; dolniks; metrical composites; free verse; syllabics; prose miniature; prosimetrum

For citation: Orlitsky Yu.B. (2022) Verse innovations of Apollon Grigoriev as a translator: accentual verse, vers libre, prose miniature, prosimetrum, new syllabics. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 171–184.

На первый взгляд — особенно если смотреть с дистанции нашего времени — Аполлон Григорьев кажется вполне обычным для девятнадцатого века поэтом-традиционалистом. В действительности это не совсем так, особенно если обратить внимание на его стихотворные переводы. Именно в них Григорьев оказывается безусловным новатором, если не сказать — экспериментатором.

При этом стиховые новации Григорьева, вне всякого сомнения, возникают как результат его укорененности одновременно в русской и западноевропейской литературной традициях, их активного взаимодействия.

Начнем с обращения к дольнику — типу русского стиха, «возникшему в русской поэзии XIX в. из переводов и подражаний германской тонике» [Гаспаров, 1974: 234]. Прежде всего это относится к переводам лирики Гейне и Гёте.

В активе Григорьева 11 стихотворных переложений стихотворений Гёте и шесть — Гейне, все они приходятся на 1840–1850-е годы. Как известно, оба этих поэта пользовались в России середины XIX в. необычайной популярностью, о чем свидетельствует огромное количество переводов их поэзии на русский язык¹.

Разысканиями непосредственных рефлексов гейневского стиха в русской поэзии успешно занимался А.Л. Жовтис [Жовтис, 1970а; 1970б]. Не так давно Вяч.Вс. Иванов еще более расширил представление о круге явлений, возникших при попытках передать особенности версификации немецкого поэта, добавив к нему также логаксы Лермонтова, Тютчева, Мея и Фета [Иванов, 2004]. Однако нас в первую очередь занимает именно гейневский дольник и то, как его переводил Григорьев.

Первый известный нам перевод из этого поэта датирован 1842 г., это — известное стихотворение из «Лирического интермеццо» «Книги песен» “*Sie haben mich gequälet...*”, выдержавшее в XIX в. 15 переводов; среди его переводчиков, кроме Григорьева, такие известные русские поэты, как А. Плещеев, Ф. Миллер, П. Вейнберг, А. Апухтин, Н. Минский; перевод Плещеева, так же, как григорьевский, появился в 1846 г., т.е. это первые русские переводы стихотворения, однако перевод Григорьева переиздавался позднее чаще всех [Левинтон, 1958: 179–180].

При этом переводы Плещеева (1846) и Апухтина (1858) выполнены традиционным трехстопным амфибрахийем², перевод М. Михайлова (1862) — трехстопным хореем³, и только перевод забытого

¹ См. капитальные библиографические своды: [Левинтон, 1958; Житомирская, 1972].

² [Плещеев, 1861: 182; Апухтин, 1991: 348–349].

³ [Михайлов, 1958: 295].

П. Кускова (1834–1909) (1859) написан, как и немецкий оригинал, дольником⁴.

К дольнику же обращается и Григорьев: из 12 строк его перевода, в основном написанного трехстопным амфибрахийем, четыре (в том числе первая и последняя, самые заметные в тексте) отступают от схемы: три выполнены с выпадением одного безударного слога в начале второй стопы, а последняя — трехстопным анапестом (ниже они выделены полужирным шрифтом):

Они меня истерзали	01010010 ⁵
И сделали смерти бледней, —	01001001
Одни — своєю любовью,	01010010
Другие — враждою своей.	01001001
Они мне мой хлеб отравили,	010010010
Давали мне яда с водой, —	01001001
Одни — своєю любовью,	01010010
Другие — своєю враждой.	01001001
Но та, от которой всех больше	010010010
Душа и доселе больна,	01001001
Мне зла никогда не желала,	010010010
И меня не любила она!	001001001 ⁶

Нетрудно заметить, что в оригинале стихотворение Гейне звучит более раскованно, отступлений от силлабо-тонической (ямбической) схемы здесь намного больше:

Sie haben mich gequälet,
Geärgert blau und blaß,
Die Einen mit ihrer Liebe,
Die Andern mit ihrem Haß.

Sie haben das Brod mir vergiftet,
Sie gossen mir Gift in's Glas,
Die Einen mit ihrer Liebe,
Die Andern mit ihrem Haß.

Doch die mich am meisten gequälet,
Geärgert und betrübt,
Die hat mich nie gehasset,
Und hat mich nie geliebt.

Возможно, Григорьев имел это в виду, когда спустя два года обратился к переводу другого популярного стихотворения Гейне — “Es war ein alter König...” из книги 1844 г. «Новые стихотворения».

⁴ Русское слово. 1859. № 11. Отд. I. С. 217.

⁵ В метрических схемах строк здесь и далее для обозначения ударного слога применяется знак «1», безударного — «0».

⁶ Здесь и далее стихи Григорьева цит. без указания страниц по изданию: [Григорьев, 2021].

Заметим, что его перевод выполнен русским поэтом в год публикации оригинала.

Отступлений от силлабо-тоники здесь намного больше, и они серьезнее, чем в предыдущем примере; при этом в переводе строки длиннее, чем в оригинале, что можно объяснить ориентацией Григорьева, как и в первом переводе, на трехсложные размеры, а не на ямбы оригинала:

Жил-был старый король,	001001
С седой бородою да с суровой душою,	010010001001
И — бедный старый король —	0101001
Он жил с женой молодою.	01010010
И жил-был паж молодой,	0101001
С головой белокурой да с веселой душою...	0010010001001
Носил он шлейф золотой	0101001
За царской женой молодою.	010010010
Есть старая песня одна —	01001001
Мне с самого детства ее натвердили:	010010010010
Им гибель обоим была суждена —	01001001001
Друг друга они слишком любили.	0100110010
Es war ein alter König,	0101010
Sein Herz war schwer, sein Haupt war grau;	010101010
Der arme alte König,	0101010
Er nahm eine junge Frau.	0100101
Es war ein schöner Page,	0101010
Blond war sein Haupt, leicht war sein Sinn;	10011001
Er trug die seidne Schleppe	0101010
Der jungen Königin.	010001
Kennst du das alte Liedchen?	1001010
Es klingt so süß, es klingt so trüb!	01010101
Sie mußten beyde sterben,	0101010
Sie hatten sich viel zu lieb.	0101001

Отличительная особенность строфики этого стихотворения состоит в том, что вторая строка каждого четверостишия содержит не три, как остальные, а четыре ударения; в переводе Григорьева эта контрастность сохранена и даже усилена: в третьей строфе у него «лишнее» ударение оказывается также в третьей строке. В результате всего этого дольник Григорьева оказывается намного дальше от силлабо-тонической базы стихотворения, чем оригинал.

Трехсложниковая основа сохраняется и в двух других дольниковых переводах Григорьева из Гейне 1853 г.: «Пригрезился снова мне сон былой...» — амфибрахическая, «Не пора ль из души старый

вымести сор...» — анапестическая, что тоже не вполне соответствует немецким оригиналам, в которых перед нами дольники на двусложной (ямбической) основе.

Из григорьевских переводов лирики Гёте отклонения от силлаботоники встречаются в четырех. В 1852 г. появляется переложение знаменитого стихотворения из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» “*Wer nie sein Brod mit Thränen as...*”, известного по переложениям Жуковского («Кто слёз на хлеб свой не ронял...») и Тютчева («Кто с хлебом слёз своих не ел...»). Жуковский в 1816 г. переводит это стихотворение четырехстопным ямбом, Тютчев выбирает более изошренный вариант ямбического размера: каждая из двух строф у него представляет собой комбинацию из трех четырехстопных и одной пятистопной строки; т.е. оба предшественника Григорьева остаются в рамках силлаботоники.

Но гётевский ямб в этом стихотворении имеет один перебой: в четвертой строке стихотворения (“*Der kennt euch nicht, ihr himmlischen Mächte...*”) появляется один «лишний» слог, превращающий ее (а с ней и все стихотворение) в дольник; Жуковский эту аномалию игнорирует, а Тютчев предлагает для ее передачи использовать переменную стопность.

Григорьев и здесь, как при переводах из Гейне, выбирает трехсложник с одним дольниковым перебоем: это четырехстопный дактиль с чередованием мужских и женских окончаний, но четвертая строка у него — четырехстопный же ямб. Получившийся в результате композит суммарно тоже можно трактовать как четырехиктный дольник или как стихи с переменной анакрусой⁷:

Кто со слезами свой хлеб не едал,
Кто никогда от пелен до могилы,
Ночью на ложе своем не рыдал,
Тот вас не знает, силы.

Вы руководите в жизни людей,
Вы предаете их власти страстей,
Вы ж обрекаете их на страданье:
Здесь на земле есть всему воздаянье!

Переводя в 1850 г. стихотворение Гёте 1775 г. «На озере» (“*Auf dem See*”), Григорьев во второй и третьей строфах вслед за оригиналом сначала переходит от ямба к хорю, а потом к трехсложникам и дольнику; дольниковые строки у Григорьева замыкают две последние строфы: «Даль немую вокруг» и «Много зреющих слив».

⁷ Это понятие по аналогии с трехсложниками и двусложниками с переменной анакрусой предложил М.Л. Гаспаров [Гаспаров, 1974: 69]. Мы предлагаем называть такие стихи метрическими композитами.

В том же 1850 г. Григорьев переводит дольником (так же, как в оригинале) знаменитого «Лесного царя», еще в 1818 г. прекрасно и, казалось бы, раз и навсегда переведенный — четырехстопным амфибрахией — Жуковским. Однако новый перевод благодаря постоянным отступлениям от гладкой силлабо-тоники (напомним, что Цветаева в свое время, имея в виду в том числе и это отличие, писала о «двух “Лесных царях”»⁸), точнее передает трагизм происходящего:

Кто мчится так поздно под вихрем ночным?
Это — отец с малюткой своим.
Мальчика он рукой охватил,
Крепко прижал, тепло приютил!
«Что всё личиком жмешься, малютка, ко мне?»
— «Видишь, тятя, лесного царя в стороне?
Лесного царя в венке с бородой?»
— «Дитятко, это туман седой».
Ко мне, мой малютка, со мною пойдем,
Мы славные игры с тобой заведем...
Много пестрых цветов в моем царстве растет,
Много платьев золотых моя мать бережет».
— «Тятя, тятя... слышишь — манит,
Слышишь, что тихо мне он сулит?»
— «Полно же, полно — что ты, сынок?
В темных листьях шелестит ветерок».
«Ну же, малютка, не плачь, не сердись.
Мои дочки тебя, чай, давно заждались.
Мои дочки теперь хороводы ведут;
Закачают, заплашут тебя, запоют...»
— «Тятя, тятя, за гущей ветвей
Видишь лесного царя дочерей?»
— «Дитятко, дитятко... вижу я сам,
Старые ивы за лесом вон там».
«Ты мне люб... не расстанусь с твоей красотой;
Хочешь не хочешь, а будешь ты мой...»
— «Родимый, родимый... меня он схватил...
Царь лесной меня больно за шею сдавил...»
Страшно отцу. Он мчится быстрее.
Стонет ребенок, и всё тяжелей...
Доскакал кое-как до дворца своего...
Дитя ж был мертв на руках у него.

⁸ Напомню: «Вещи равновелики. Лучше перевести Лесного Царя, чем это сделал Жуковский, нельзя. И не должно пытаться. За столетие давности это уже не перевод, а подлинник. Это просто другой Лесной Царь. Русский Лесной Царь — из хрестоматии и страшных детских снов» [Цветаева, 1994: 432]. Эквиритмический перевод этого стихотворения, бросающий вызов русскому классику и повторяющий сложную ритмическую переводу оригинала, позднее сделал также В. Коломийцов [Коломийцов, 1933: 23–24].

Еще один образец типичных для Гёте стихов с переменной анакрусой, сочетающих короткие (чаще всего — двустопные) строки разных силлабо-тонических размеров, находим в стихотворении «Божественное» (переведено в 1845 г.): первая строка тут написана амфибрахием, вторая — хореем, третья — дактилем, четвертая — анапестом, пятая — ямбом, шестая — хореем и т.д.:

Прав будь человек,	01001	
Милостив и добр:	10001	
Тем лишь одним	1001	
Отличаем он	001001	
От всех существ,	0101	
Нам известных.	1010	<...>

Известно, что многие исследователи относят такие композиты Гёте (их особенно много во второй части «Фауста») к свободному стиху⁹ (в русской традиции подобный стих часто использовал — с явной оглядкой на Гёте — Вяч. Иванов). Однако с этим никак нельзя согласиться, поскольку все строки здесь построены строго по силлабо-тоническим схемам, хотя и разным. Вряд ли имеет смысл интерпретировать их и как дольник, в котором по определению должны чередоваться разные междударные интервалы.

Однако у Гёте встречаются и настоящие верлибры, один из которых — лирическое стихотворение “An Lida” — тоже был переведен в 1851 г. Григорьевым.

Единого, Лилли, кого ты любить могла,
 Хочешь вполне ты себе и по праву...
 Твой он вполне и единственно.
 Ибо вдали от тебя мне
 Жизни быстро стремительной
 Всё движение шумное,
 Словно легкий флер, сквозь который я
 Вижу твой лик из-за облака,
 И, приветливо-верный, он светит мне,
 Как за радужным блеском сиянья полночного,
 Вечные звезды сверкают.

AN LIDA
 Den Einzigen, Lida, welchen du lieben kannst,
 Forderst du ganz fuer dich, und mit Recht.
 Auch ist er einzig dein.
 Denn seit ich von dir bin,
 Scheint mir des schnellstens Lebens
 Laermende Bewegung
 Nur ein leichter Flor, durch den ich deine Gestalt

⁹ См., например: [Junger, 1966: 130–151].

Immerfort wie in Wolken erblicke:
Sie leuchtet mir freundlich und treu,
Wie durch des Nordlichts bewegliche Strahlen
Ewige Sterne schimmern.

Ср. более поздний гладкий (четырёхстопный ямба) перевод Аполлона Майкова, впервые опубликованный в 1874 г.:

Кого полюбишь ты — всецело
И весь, о Лидия, он твой,
Твой всей душой и без раздела!
Теперь мне жизнь, что предо мной
Шумит, и мчится, и сверкает,
Завесой кажется прозрачно-золотой,
Через которую лишь образ твой сияет
Один — во всех своих лучах,
Во всем своем очарованье,
Как сквозь дрожащее полярное сиянье
Звезда недвижная в глубоких небесах...¹⁰

С переводным свободным стихом Григорьева мы еще встретимся, а пока вернемся к лирике Гейне в его переводах. Как безусловную новацию можно рассматривать образцы переложения лирики Гейне в прозаической форме в соответствии с французской традицией переводов стихов прозой в рамках статьи «Русская изящная литература в 1852 году».

В этой работе, рассуждая о причинах возникновения «болезненной поэзии» Фета, Григорьев-критик рассматривает в качестве ее источника «чужеземные, немецкие источники», в которых, по его мнению, «признаки ее» обозначаются «гораздо ярче». Имени Гейне он не называет — современникам было совершенно ясно, о ком идет речь — и сразу переходит к пересказу: «Дитя мое, — рассказывает эта поэзия, — мы были дети, двое маленьких детей, мы забирались в курятник и прятались в солому.

Кричали мы петухами, и проходил ли кто: кукареку!

Так все и думали, что это кричат петухи.

Лари на дворе обвешивали мы всяким тряпьем и располагались в них на житье и обзаводились домом.

Старая кошка соседа часто ходила к нам в гости, мы ей, бывало, кланялись чинно, встречали ее комплиментом.

Мы об ее здоровье спрашивали заботливо и приветливо. Так беседовали мы потом со многими старыми кошками...»

Следующая цитата из Гейне устроена еще сложнее: «Еще больше горечи и злой насмешки прольется на эти воспоминания:

¹⁰ [Майков, 1977: 177].

“Часто сживали мы, бывало, и говорили разумно, как старые люди, и сетовали, что в старину, в наше время, все было лучше.

Что любовь, и верность, и вера из мира исчезли совсем, что вздорожал необычайно кофе и деньги стали редки...”

Нечего толковать, кажется, этих ядовитых строк, и понятно заключение песни:

Vorbei sind die Kinderspiele,
Und Ailes rollt vorbei, —
Das Geld und die Welt und die Zeiten,
Und Glauben und Lieb' und Treu'... —

то есть: исчезли и детские игры, и все, и деньги, и счастливое время, и вера, и любовь, и верность!»

Далее Григорьев приводит свой прозаический перевод стихотворения Гейне сразу после немецкого текста:

«А славная жизнь была когда-то для них, и много мечтаний пережили вместе:

Mein Lieb', wir saßen beisammen,
Traulich im leichten Kahn.
Die Nacht war still und wir schwammen
Auf weiter Wasserbahn.
Die Geister-Insel, die scheme,
Lag damm'rig im Morgenglanz;
Dort klangen liebe Tone
Und wogte der Nebelglanz.
Dort klang es lieb und lieber,
Und wogt' es hin und her.
Wir aber schwammen voriiber
Trostlos auf weitem Meer, —

то есть: “Дитя мое, мы сидели вместе в легком челноке. Безмолвна была ночь, и мы плыли по широкой водяной зыби.

Остров духов, прекрасный остров, — мерцал под месячным сиянием, там чудные слышались звуки и колыхался чудный свет. Все слаще и слаще звучало, — все больше колебался свет, — мы же плыли все дальше, безутешно по широкому морю”» [Григорьев, 1967: 87–89].

И такое двуязычное повествование продолжается еще несколько страниц, несколько раз плавно переходя от авторского текста критика к стихотворным цитатам по-немецки и по-русски и к большим фрагментам и целым стихотворениям немецкого романтика в прозаическом переводе Григорьева.

С точки зрения ритмической типологии текста такие образования следует называть прозиметрическими [Орлицкий, 2002: 411–468]. Григорьев активно использовал этот способ построения текста не только в своих критических текстах, активно цитируя в них стихи разных авторов, но и в некоторых драматургических произведе-

ниях — как оригинальных (например, в «представлении» 1849 г. «Басурман»), так и в переводных — прежде всего разумеется, Шекспира, подавляющее большинство пьес которого написано частично стихами, частично прозой. Что, надо сказать, не всегда учитывалось переводчиками, в том числе и русскими, предпочитавшими переводить творца «Гамлета» или целиком прозой, или стихами, или даже особой метрической прозой.

Григорьевские переводы из Шекспира незаслуженно забыты. А между тем поэт перевел «Сон в летнюю ночь» (1857), «Шейлока, венецианского жида» (1860) и «Ромео и Джульетту» (1864), а также либретто оперы В. Беллини «Капулетти и Монтеки» (1863).

«Сон в летнюю ночь» переводился на русский язык неоднократно¹¹. Но особо хотелось бы выделить перевод А. Вельтмана, опубликованный в 1844 г. в московском альманахе «Литературный вечер» под названием «Волшебная ночь», предназначенный для планируемой Вельтманом совместно с А. Алябьевым оперы: этот, к сожалению, редко вспоминаемый текст показывает уникальные эвристические возможности — в том числе и ритмические, — открываемые шекспировским произведением при переводе на русский язык [Орлицкий, 2011: 299–308]. Не случайно в своих «Примечаниях» к пьесе Григорьев несколько раз ссылается на этот перевод, утверждая, в частности: «Прелестно и поэтично обработана эта песня в переделке Вельтмана» [Григорьев, 2022, т. 3: 212].

Григорьев идет по тому же пути; особенно это сказывается при переработке пародийной вставной пьесы, разыгрываемой у Шекспира ремесленниками. Характеризуя в комментариях «соль оригинала», Григорьев пишет: «Соль в фальши — выражения чувств, фальши, которую старался я передавать нашу фальшью» и дальше перечисляет используемые им средства изображения этой «фальши»: «а) силлабическою, б) Сумароковскою трагическою, в) Сумароковскою элегическою и г) наконец сантиментальною. Знакомые хорошо с сочинениями Сумарокова и с Новиковским песенником — узнают множество стихов, перенесенных мной оттуда целиком» [Григорьев, 2022, т. 3: 217].

Нас в первую очередь будет интересовать сознательное обращение Григорьева к типу русского стиха, к тому времени практически вышедшему из употребления и вызывающему у современников скорее насмешку¹²: поэтому его можно условно назвать «новой силлабикой». Вот как она вводится в переводе:

Ежели сим зрелищем ныне вам наскучим,
Не должны слушатели сие разумети!

¹¹ См. новейший обзор переводов этой пьесы: [Григорьев, 2022, т. 3: 520, 526].

¹² См. обзор рецензий на пьесу: [Григорьев, 2022, т. 3: 524].

Так! яко придохом семо да вас мучим!
Но начало с концем сопрягать умети.
Аще зде явихомся — то вам досадити!
Не хощем ни мало вас возвеселити!
Полагаем весь наш труд, дабы вас изгнати!
Сего мы не хощем, чтоб могли вы знати,
Что ныне пред ваши очи мы износим!
До скончанья вашего терпения просим.

[Григорьев, 2002, т. 3: 189]

Перед нами — стилизованный силлабический тринадцатисложник с рядом отклонений (двенадцатисложных строк) и чередованием смежной и перекрестной рифмовки; им написаны многие диалоги ремесленников в пьесе.

Для середины XIX в. «возвращение» к силлабическому стиху, хотя бы и в сугубо пародийном контексте, — явление исключительное, его безусловно можно рассматривать как еще одно проявление стихового новаторства Григорьева.

Наконец, «Антигона» Софокла, переведенная в 1846 г. По поводу этой своей работы Григорьев писал: «Я старался строго, почти буквально держаться подлинника, но, естественно, не мог передать всех тонких оттенков эллинской речи и тем менее, ощутительно представить в русской речи все изменения размера. В последнем в особенности, позволял я себе большую вольность (кроме хоров, разумеется, по возможности прилаженных к музыке Мендельсона-Бартольди)» [Григорьев, 2022, т. 3: 8].

Характеризуя этот перевод, современный филолог-классик пишет: «Что касается размера, то здесь без всякой последовательности пятистопные ямбы были перемешаны с шестистопными, а то и с семистопными. <...> Хоры Григорьев перевел свободным стихом с весьма отдаленным соответствием парных строф» [Ярхо, 1990: 514].

Надо сказать, новейших комментаторов, отталкивающихся от стихотворной практики XIX в., стих этого григорьевского перевода приводит в замешательство: «В текстах Хора мы видим разностопные дактили, анапесты, хореи, но чаще всего — смешанный дольник, почти промежуточную полосу между стихами и прозой» [Григорьев, 2022, т. 3: 498].

Причина этого в сложной ритмической природе древнегреческого оригинала, который В. Ярхо характеризует следующим образом: «Особую трудность для переводчика греческой трагедии составляют хоры и коммосы, т. е. совместные вокально-речитативные партии актера с хором. В оригинале в них обычно употребляются так называемые лирические размеры, сочетание которых звучало как музыкальная фраза, состоящая из различных комбинаций целых,

половинных и четвертных нот. Передать эти сочетания на русский язык в ряде случаев просто невозможно: если в оригинале следуют один за другим два — три, а то и четыре — пять долгих слогов, то перевод их таким же количеством ударных подряд можно осуществить только в порядке очень смелого и едва ли нужного эксперимента. Поэтому есть два пути для передачи по-русски ритмики хоров: либо использовать привычные для нашего уха сочетания дактилей, анапестов, хореев и т. д., либо пытаться приблизить звучание хора в переводе к ритмической структуре оригинала... свободным стихом переводили хоры Ап. Григорьев, С. Шестаков и изредка В. Водовозов» [Ярхо, 1990: 520, 521].

Таким образом, желая по возможности точно воспроизвести древний оригинал, Григорьев обращается в своем переводе «Антигоны» к русскому свободному стиху; вот его образец:

Гелиоса луч, никогда
Седмивратному городу
Фивам, ты не сиял таков,
Как являешься ныне нам,
Око златого дня,
На волнах диркейских ты гордый странник.
Ты врага, который пришел
Из Аргоса с белым щитом,
Гнал отсель, так, что звенья брони
Друг о друга стучали;
Подвигнут он был на наши поля
Враждой Полинейка с родною страной;
С диким криком он,
Как орел, на страну с облаков налетел
На крыльях спустился белых как снег.
Бронею облит
И с конскою гривой на шлеме.

[Григорьев, 2022, т. 3: 15]

Некоторые строки в этом переводе, как видим, совпадают с силлабо-тоникой, что вполне понятно, если иметь в виду стихотворческий опыт молодого Григорьева; очевидно, это и вызвало замешательство современных комментаторов. Правильнее всего трактовать этот стих как свободный с метрическими вкраплениями — своего рода переходную форму, часто возникающую в произведениях авторов, не вполне освоивших природу русского верлибра, к которым с полным основанием можно отнести и нашего поэта [Орлицкий, 2002: 323–327].

Таким образом, Аполлон Григорьев в своих переводческих опытах использовал широкий спектр стиховых форм, достаточно редких в поэзии его времени: дольники, силлабо-тонические композиты,

свободный стих, а также прозаические миниатюры и прозиметрию; обращение к этим ритмическим раритетам было вызвано стремлением поэта как можно точно передать сложную ритмическую природу разноязычных оригиналов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апухтин А.Н.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1991.
2. *Гаспаров М.Л.* Современный русский стих. М., 1974.
3. *Григорьев А.А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. СПб., 2021; Т. 3. СПб., 2022.
4. *Григорьев А.А.* Русская изящная литература в 1852 году // Григорьев А.А. Литературная критика. М., 1967. С. 41–111.
5. *Житомирская З.В.* Иоганн Вольфганг Гёте: Библиогр. указ. рус. пер. и критич. литературы на рус. яз. 1780–1971. М., 1972.
6. *Жовтис А.Л.* Немецкие *freie Rhythmen* в ранних русских интерпретациях: 20-е — начало 40-х годов XIX века // Русское языкознание: Сб. статей. Алмата, 1970. Вып. 1. Часть 2. С. 89–105.
7. *Жовтис А.Л.* У истоков русского верлибра: Стих «Северного моря» Гейне в переводах М.Л. Михайлова // Мастерство перевода. Вып. 7. М., 1970. С. 386–404.
8. *Иванов Вяч. Вс.* Гейне в России // Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 3: Сравнительное литературоведение. Всемирная литература. Стиховедение. М., 2004. С. 490–504.
9. *Коломийцов В.* Песни Шуберта. Л., 1933.
10. *Левинтон А.* Генрих Гейне: Библиогр. русских переводов и критич. литературы на русском яз. М., 1958.
11. *Майков А.Н.* Избр. произведения. Л., 1977.
12. *Михайлов М.Л.* Сочинения: В 3 т. Т. 1. М., 1958.
13. *Орлицкий Ю.Б.* «Волшебная ночь» Вельтмана как «оперный» вариант шекспировской прозиметрии // Шекспировские чтения–2006. М., 2011. С. 299–308.
14. *Орлицкий Ю.Б.* Стих и проза в русской литературе. М., 2002.
15. *Плещеев А.Н.* Стихотворения. М., 1861.
16. *Цветаева М.И.* Два «Лесных царя» // Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М., 1994. С. 429–434.
17. *Ярхо В.Н.* Ф.Ф. Зелинский — переводчик Софокла // Софокл. Драмы / Пер. Ф. Зелинского. М., 1990. С. 509–541.
18. *Junger F.G.* Rhythmus und Sprache im deutschen Gedicht. Stuttgart, 1966.

REFERENCES

1. *Apuhtin A.N.* *Polnoe sobranie stihotvorenij* [The complete collection of poems]. Leningrad: *Sovetskij Pisatel' Publ.*, 1991. 445 pp. (In Russ.)
2. *Gasparov M.L.* *Sovremennyy russkij stih* [Modern Russian verse]. Moscow: *Nauka Publ.*, 1974. 488 pp. (In Russ.)
3. *Grigor'ev A.A.* *Sobr. soch.* [Collected works]: In 10 vols. St. Petersburg: *Poligraf Publ.* Vol. 1. 2021. 704 pp.; Vol. 3. 2022. 624 pp. (In Russ.)
4. *Grigor'ev A.A.* *Russkaja izjashhnaja literatura v 1852 godu* [Russian literature at 1852]. *Grigor'ev A.A. Literaturnaja kritika* [Literary criticism]. Moscow: *Hudozhestvennaja Literatura Publ.*, 1967, pp. 41–111. (In Russ.)
5. *Zhitomirskaja Z.V.* *Iogann Vol'fgang Gete: Bibliogr. ukaz. rus. per. i kritich. literatury na rus. jaz. 1780–1971* [Wolfgang Goethe: Bibliography of translations in Russian and critical literature in Russian. 1780–1971]. Moscow: *Kniga Publ.*, 1972. 615 pp. (In Russ.)

6. Zhovtis A.L. Nemeckie freie Rhythmen v rannih russkikh interpretacijah: 20-e — nachalo 40-h godov XIX veka [German freie Rhythmen in early Russian interpretations: (20th — early 40s of the XIX century)] *Russkoe jazykoznanie: Sb. statej* [Russian Linguistics: Collection of articles]. Alma-Ata, 1970. Issue 1. Part 2, pp. 89–105. (In Russ.)
7. Zhovtis A.L. U istokov russkogo verlibra: Stih “Severnogo morja” Gejne v perevodah M.L. Mihajlova [At the origins of the Russian vers libre: (Verse of the “North Sea” by Heine in translations by M.L. Mikhailov)]. *Masterstvo perevoda*. — The Art of Translation. Issue 7. Moscow, 1970, pp. 386–404. (In Russ.)
8. Ivanov Vjach.Vs. Gejne v Rossii [Heine in Russia]. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury*. — Selected works on Semiotics and Cultural History. Vol. 3: Sravnitel'noe literaturovedenie. Vsemirnaja literatura. Stihovedenie. — Comparative Literary Studies. World literature. Poetry. Moscow, 2004, pp. 490–504. (In Russ.)
9. Kolomijcov V. *Pesni Shuberta* [Songs of Schubert]. Leningrad: Triton Publ., 1933. 118 pp. (In Russ.)
10. Levinton A. *Genrih Gejne: Bibliogr. russkikh perevodov i kritich. literatury na russkom jaz.* [Heinrich Heine: Bibliography of Russian translations and critical literature in Russian]. Moscow: Soviet State Library of Foreign Literature, 1958. 719 pp. (In Russ.)
11. Majkov A.N. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works]. Leningrad: Sovetskij Pisatel' Publ., 1977. 910 pp. (In Russ.)
12. Mihajlov M.L. *Sochinenija v trjoh tomah* [Works in three volumes]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, Vol. 1. 1958. 638 pp. (In Russ.)
13. Orlickij Ju.B. “Volshebnaia noch” Vel'tmana kak «opernyj» variant shekspirovskoj prozimetrii [“The Magic Night” by Veltman as an “operatic” version of Shakespeare's prosimetrum]. *Shekspirovskie chtenija 2006*. Shakespearean readings — 2006. Moscow: Nauka Publ., 2011. P. 299–308. (In Russ.)
14. Orlickij Ju.B. *Stih i proza v russkoj literature* [Verse and prose in Russian literature]. Moscow: Russian State University for Humanities, 2002. 685 pp. (In Russ.)
15. Pleshheev A.N. *Stihotvorenija* [Poems]. Moscow: Tipografija V. Gracheva i Komp., 1861. 283 pp. (In Russ.)
16. Cvetaeva M.I. Dva “Lesnyh carja” [Two “Forest Kings”]. *Sobranie sochinenij: In 7 vols. Vol. 5: Avtobiograficheskaja proza. Stat'i. Jesse. Perevody*. — Collected works: In 7 vol. Vol. 5: Autobiographical prose. Articles. Essay. Translations. Moscow: Ellis Lak Publ., 1994, pp. 429–434. (In Russ.)
17. Jarho V.N. Ф.Ф. Zelinskij — perevodchik Sofokla. [Th.Th. Zelinsky — translator of Sophocles.] *Sophocles. Dramy*. — *Dramas*. Translated by Th.Zelinsky. Moscow: Nauka Publ., 1990, pp. 509–541. (In Russ.)
18. Junger F.G. *Rhythmus und Sprache im deutschen Gedicht*. Stuttgart, 1966. 164 pp.

Поступила в редакцию 10.08.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Отредактирована 28.10.2022

Received 10.08.2022

Accepted 11.10.2022

Revised 28.10.2022

ОБ АВТОРЕ

Орлицкий Юрий Борисович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории мандельштамоведения Института филологии и истории РГГУ; ju_b_orlitski@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yury Orlitsky — Dr. Habil in Philology, Leading Researcher at the Laboratory of Mandelstam Studies, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities; ju_b_orlitski@mail.ru

**«ДОБРОЙ НОЧИ» (1843) Ап. ГРИГОРЬЕВА
И «ЛИХОРАДКА» (1847) А.А. ФЕТА:
НЕУЧТЕННЫЕ РАКУРСЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ**

А.В. Маньковский

*Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва,
Россия; arkadymankovsky@yandex.ru*

Аннотация: Вынесенные в заглавие стихотворения Ап. Григорьева и А.А. Фета уже становились предметом сравнения в исследованиях разных лет (см. работы Б.Я. Бухштаба, А.А. Илюшина, Л.В. Татаренковой и М.И. Масловой). Однако не все возможные ракурсы сопоставления были учтены; прежде всего, предметом изучения не становились стихи как таковые: особенности их композиции, образный ряд, стихотворная техника и т.д. Автор пытается восполнить этот пробел: предметом его внимания, в частности, становится «семантический ореол метра» в обоих стихотворениях (вопрос частично затрагивался М.Л. Гаспаровым в отношении стихотворения Григорьева). Анализ лексико-семантических связей в стихотворении Григорьева, которому в исследовании уделяется преимущественное внимание, помогает лучше понять его композицию; свой результат приносит и субъектно-объектный анализ обоих стихотворений с опорой на реплики предшественников (Л.В. Татаренкова, М.И. Маслова). Сравнение «Доброй ночи» Григорьева с послужившей одним из источников стихотворения «Казачьей колыбельной песней» Лермонтова, казалось бы, лежащее на поверхности, отнюдь не исчерпало себя и способно уточнить его понимание. То же касается сопоставления стихов Фета с «Зимним вечером» и «Бесами» Пушкина, оказавшими определенное влияние на младшего поэта. Немаловажным оказывается и учет ближайшего контекста творчества обоих поэтов: для Григорьева это вольный перевод из Мицкевича «Доброй ночи — пора!..», появившийся в печати одновременно с изучаемым стихотворением; для Фета — некоторые стихотворения из цикла «Баллады», куда входит и его «Лихорадка».

Ключевые слова: Ап. Григорьев; А.А. Фет; «Доброй ночи»; «Лихорадка»; стиховедение; семантический ореол метра; лирическая композиция; образный ряд

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-185-196

Для цитирования: Маньковский А.В. «Доброй ночи» (1843) Ап. Григорьева и «Лихорадка» (1847) А.А. Фета: неучтенные ракурсы сопоставления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. № 6. С. 185–196.

“GOOD NIGHT” (1843) BY Ap. GRIGORIEV AND “FEVER” (1847) BY A. FOETH: UNACCOUNTED ASPECTS OF COMPARISON

Arkady Mankovsky

*Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; arkadymankovsky@yandex.ru*

Abstract: The poems by A. Grigoriev and A. Foeth mentioned in the title have already been compared in studies of different years (see works by B. Bukhshtab, A. Ilyushin, L. Tatarenkova and M. Maslova in the “References”). However, it appears that not all possible aspects of comparison were taken into account; first of all, the subject of study did not cover poetry as such: the features of its structure, imagery, poetic technique, etc. The author attempts to fill this gap: the subject of his attention is primarily the “semantic halo of meter” in both poems (the question was partially addressed by M. Gasparov with regard to Grigoriev’s poem). The analysis of the lexico-semantic connections in Ap. Grigoriev’s poems (which are the focus of our research) helps us better understand their composition; the subject-object analysis of both poems also yields results. The comparison of Grigoriev’s “Good Night” with Lermontov’s “Cossack Lullaby” (“Kazach’ja kolybel’naja pesnja”), which seems to lie on the surface, still has some potential and might well contribute to an understanding of the composition of both poems. The same applies to the comparison of Foeth’s poems with Pushkin’s “Winter Evening” and “Devils” (“Besy”) which had a certain influence on the younger poet. It is also important to take into account the immediate context of both poets’ work, in which the poems should be considered: for Grigoriev it is a free translation of Mickiewicz’s “Dobranoc”, which appeared in print simultaneously with the poem in question; for Foeth it is some poems from the “Ballads” cycle, which includes “Fever”.

Key words: Ap. Grigoriev; A. Foeth; “Good Night”; “Fever”; verse study; semantic halo of a meter; lyrical composition; imagery

For citation: Mankovsky A. 2022. “Good Night” (1843) by Ap. Grigoriev and “Fever” (1847) by A. Foeth: unaccounted aspects of comparison. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 185–196.

1.

На сходство стихотворений Ап. Григорьева «Доброй ночи» (1843) и Фета «Лихорадка» (1847) указывал еще Б.Я. Бухштаб: «Обща не только тема, но, по-видимому, оба поэта пользовались одним и тем же материалом, и при сопоставлении их стихотворения производят впечатление написанных в порядке поэтического состязания»¹. Эту тему подхватывает А.А. Илюшин, который, со ссылкой на Бухшта-

¹ См. примеч. Б.Я. Бухштаба в: [Фет, 1959: 748]. Здесь же [Фет, 1959: 749] Б.Я. Бухштаб приводит ст. М.Д. Чулкова о «лихоманках» и часть его ст. о «лихорадках» в кн.: [Чулков, 1786: 230–231].

ба, писал: «Если так, то, кажется, победил Григорьев, чья поэтическая биография начинается стихотворением “Доброй ночи”» [Илюшин, 2003: 9]. Выше А.А. Илюшин замечает по поводу «Доброй ночи», что это «<п>ервое опубликованное стихотворение поэта» [Илюшин, 2003: 8], однако почему, с его точки зрения, победил именно Григорьев, а не Фет, не поясняет.

Эти два стихотворения стали предметом «сравнительного анализа», а затем и полемики [Татаренкова, 2010; Маслова, 2014b; Маслова, 2014a]. Было высказано предположение, что оба произведения, имеющих «под собой одну литературно-фольклорную основу» [Татаренкова, 2010: 189], связывает и «общий сюжет» [там же: 190]: у Григорьева героиня слышит перед сном страшную историю о лихорадках, целующих в губы, а у Фета «пробудившийся ото сна герой ощущает приближение болезни, приключившейся от поцелуя лихоманок» [там же]. Оба стихотворения оказываются связанными друг с другом чем-то вроде диалектического единства: «У Григорьева лихорадка подобна “недугу” любви, а у Фета, наоборот, пробуждающаяся любовь рождает лихорадку» [там же: 192]. Возражения были связаны в основном с неточностями фольклорного и недостаточностью «религиозно-исторического» [Маслова, 2014b: 205] комментарий, касающихся поверья о лихорадках. Сомнения возникли и относительно «общности» сюжета двух стихотворений².

Некоторые ракурсы сопоставления, как нам кажется, учтены не были — или были учтены не полностью. К ним мы и обратимся.

Связь каждого из стихотворений с предшествующими образцами русской лирической поэзии как будто бы очевидна. Для Григорьева это «Казачья колыбельная песня» Лермонтова, для Фета, вероятней всего, «Зимний вечер» Пушкина, откуда «Фет заимствовал даже ритмический рисунок стиха» [Маслова, 2014b: 206].

Размеру Х43жм, которым написана «Казачья колыбельная песня» Лермонтова, М.Л. Гаспаров посвящает отдельную главу в книге «Метр и смысл» [Гаспаров, 2012: 211–244]. Упоминается здесь и «Доброй ночи» Григорьева [там же: 220], которое представляет собой «скрещение» двух семантических традиций размера: «колыбельной», идущей от Лермонтова, и «серенадной» — от романа Шуберта на стихи Л. Рельштаба (“Serenade” («Песнь моя летит с мольбою...» — в переводе Огарева, 1840 г.)) [Гаспаров, 2012: 214, 218]. Также, по Гаспарову, построены «Серенада» (1844) и некоторые другие стихотворения Фета, в которых «<к>артина вечерней природы [признак

² Ср.: «...объединение стихотворений Ап. Григорьева и А. Фета в один так называемый “общий сюжет” <...> также представляется не вполне удачным. <...> можно заметить несколько иную романтическую коллизию фетовской баллады» [Маслова, 2014b: 206].

«серенадной» традиции. — А.М.] остается, но вместо приглашения к свиданию за нею следует приглашение ко сну» [Гаспаров, 2012: 220].

Рудименты вечернего (ночного) пейзажа присутствуют и у Григорьева, здесь это только «...ангельские очи / В золотых лучах» — в первой, и «лучи светил» ([Григорьев, 2001: 52]; далее все цитаты приводятся по этому изданию) — в последней строфах стихотворения; приглашением же ко сну стихотворение открывается (вторичное схождение с колыбельной Лермонтова), как бы сразу исключая возможность приглашения к свиданию. Однако последняя тема (серенадная), будучи загнана в подполье, также присутствует: это пассаж о лихорадках. По какой ассоциации они здесь появились? Лихорадки в народном поверье дают в губы своей жертве поцелуй — знак любви, но архетипически это — поцелуй Иуды, предающего днем любви на страдания и смерть. Этот поцелуй и обнаруживает «серенадную» тему в демоническом аспекте; о ее возможном развитии можно только гадать (например, так: лирический герой жаждет свидания с героиней и до какой-то степени идентифицирует себя с лихорадками, ломающими запор «подводной тюрьмы»; в этом смысле ночной «сторож», стерегущий героиню, враждебен и ему). Эта коллизия широко представлена Григорьевым в других стихотворениях «коршевского» цикла³.

В «Москвитянине», где впервые появилось стихотворение Григорьева, оно было опубликовано вместе с другим — «Доброй ночи — пора!..», вольным переводом из Мицкевича, позднее, в новой редакции, вошедшим в цикл «Борьба»; в «Москвитянине» оно завершает стихотворную подборку [Трисмегистов, 1843: 6]. Б.Ф. Егоров, говоря о «самой первой известной нам публикации» стихов Григорьева (в июле 1843 г.), указывает на «два стихотворения “Доброй ночи”» [Егоров, 2000: 44]⁴, но заглавие «Доброй ночи» выставлено на соответствующих страницах журнала только один раз — в начале подборки стихотворений «А. Трисмегистова», а сами стихотворения «Спи спокойно — доброй ночи!..» и «Доброй ночи — пора!..» следуют за этим общим заглавием под цифрами «1.» и «2.», очевидно, образуя единый цикл⁵. Думается, эти стихотворения и следует рас-

³ См., напр.: [Золотарева, 1982: 3, 4, 7, 8, 11, 12]; см. также [Егоров, 2000: 44] и во вступ. ст. Б.Ф. Егорова («Аполлон Григорьев — поэт») к изд.: [Григорьев, 2001: 24–25, 47 (примеч. 21)].

⁴ В ст. «Аполлон Григорьев — поэт» Б.Ф. Егоров, характеризуя «<п>ервые два печатных стихотворения» автора, пишет, что они были опубликованы «оба под названием “Доброй ночи”» [Григорьев, 2001: 11]. См. также примеч. к обоим стихотворениям в: [Григорьев, 2021: 569, 604].

⁵ В сб. 1846 г. цикл этот распадается, хотя оба стихотворения и напечатаны рядом (в разделе «Разные стихотворения», без цифровых обозначений), первое — под заглавием «Доброй ночи», второе — под заглавием «Еще доброй ночи» (оба с одинаковой датой: «1843 Июнь»), см.: [Григорьев, 1846: 104–105, 106–107].

сма­три­вать, по край­ней мере в их жур­наль­ной вер­сии, как еди­ный цикл⁶.

Глав­ное со­бы­тие стихотворений, рас­смот­рен­ных в со­ста­ве еди­но­го цик­ла, — про­ще­ние (рас­ста­ва­ние) с воз­лю­блен­ной, но в пер­вом стихотворении («Спи спо­кой­но — доб­рой но­чи!..») оно ли­бо заоч­ное, ли­бо за­вер­ша­ет со­бой встре­чу, ко­то­рую не­льзя ква­ли­фи­ци­ро­вать как сви­да­ние. Про­ще­ние, про­ис­хо­дя­щее во вто­ром стихотворении («Доб­рой но­чи — по­ра!..»), мож­но бы­ло бы рас­сма­три­вать как рас­ста­ва­ние с ге­ро­иней ее но­чно­го «сто­ро­жа», кто бы он ни был. Пер­вое про­ис­хо­дит позд­ним ве­че­ром, вто­рое — на заре.

В пе­ре­ло­же­ние со­не­та Ми­ц­ке­ви­ча “Dobranoc” Гри­го­рь­евым вве­де­ны об­ра­зы и мо­ти­вы, ко­то­рых в ори­ги­на­ле нет. Б.Ф. Его­ров го­во­рит об «очень во­ль­ной ин­тер­пре­та­ции под­лин­ни­ка»: «У поль­ско­го по­эта про­ще­ние про­ис­хо­дит ве­че­ром у ком­на­ты воз­лю­блен­ной, любовь еще толь­ко-толь­ко заро­жда­ет­ся; Гри­го­рь­ев же соз­да­ет со­вер­шен­но дру­гую си­ту­а­цию <...> Его <в>люб­лен­ные про­ща­ют­ся на рас­све­т­ной заре» [Гри­го­рь­ев, 2001: 29]. Это да­ло воз­мож­ность вве­сти в текст де­та­ли пре­дур­т­лен­но­го пей­за­жа, скла­ды­ва­ю­щие­ся в раз­вер­ну­тую кар­ти­ну, рас­пре­де­лен­ную по всем че­ты­рем стро­фам стихотворения, что от­ли­ча­ет его от пер­во­го стихотворения «моск­ви­тян­ин­ско­го» цик­ла с его рудиментами но­чно­го пей­за­жа.

Та­кое по­стро­е­ние про­ти­во­по­лож­но уст­рой­ству «Се­ре­на­ды» Фета, где пей­заж — но уже ве­че­р­ний — так­же рас­пре­де­лен по от­дель­ным стро­фам: их всего три и каж­дая из них за­вер­ша­ет­ся ре­ф­ре­ном «Спи, мое дитя»⁷. У Гри­го­рь­ева — и это дос­та­точ­но не­обыч­но — «ре­ф­рен» «Доб­рой но­чи — по­ра!» (в по­след­нем че­ты­рех­сти­хий­ной ва­ри­а­ция — «Доб­рой но­чи — зас­ни!») от­кры­ва­ет каж­дую из че­ты­рех стро­ф, а де­та­ли пей­за­жа про­сту­па­ют уже вс­лед за этим «ре­ф­ре­ном». При­ем мно­го­крат­но­го по­вто­ре­ния вы­ра­же­ния за­им­ст­во­ван, ко­неч­но, у Ми­ц­ке­ви­ча; в упо­мя­ну­том со­не­те Ми­ц­ке­ви­ча, од­на­ко, по­же­ла­ние «Спо­кой­ной но­чи», по­вто­ря­ясь в тексте 10 раз (не считая за­гла­вия), прин­ци­пи­аль­но не­упо­ря­до­чен­но и не пре­вра­ща­ет­ся в ре­ф­рен, а, на­обо­рот, приз­ва­но раз­ру­шить упо­ря­до­чен­ную струк­ту­ру (со­не­та), взор­вать ее из­ну­три.

Ка­жет­ся, не бы­ло до сих пор в пол­ной мере от­ме­че­но влия­ние со­не­та Ми­ц­ке­ви­ча и на пер­вое стихотворение «моск­ви­тян­ин­ско­го» цик­ла; не го­во­ря о том, что по­же­ла­ние «Доб­рой но­чи!» при­шло и сюда имен­но из Ми­ц­ке­ви­ча, сама идея, вы­ра­жен­ная в по­след­нем стихе со­не­та: “Powtarzając dobranoc nie dał­bym ci zasnąć” [Mickiewicz,

⁶ Б.Ф. Его­ров рас­сма­три­ва­ет вто­рое стихотворение, в но­вой редак­ции, в со­ста­ве более позд­не­го цик­ла «Борьба» [Гри­го­рь­ев, 2001: 29].

⁷ Кста­ти, одна из де­та­лей ве­че­р­не­го пей­за­жа у Фета в по­след­ней стро­фе стихотворения на­по­ми­на­ет Гри­го­рь­ева: «Смо­т­рят ан­гель­ские очи, / Тре­пет­но све­тя», од­на­ко у Гри­го­рь­ева, если ве­рить да­там, «ан­гель­ские очи» по­я­ви­лись рань­ше.

1826] («Повторяя “Спокойной ночи”, я бы не дал тебе уснуть»)⁸, присутствует и в стихотворении «Спи спокойно — доброй ночи!...». Повторяя «Доброй ночи» и рассказывая легенды о лихоманках и другие страшные истории, «лирический герой» не дал бы героине уснуть. А «нормальная», с точки зрения героя, ситуация засыпания описана во втором стихотворении «москвитянинского» цикла: уснуть можно будет лишь на заре, когда все «страхи» уже позади.

Во второе стихотворение Григорьевым введены образы и мотивы, связанные с темой первого стихотворения: «отлетающих» на заре «теней», «ночных гостей», которые «боятся зари как огня» и напоминают о «лихоманках»: «До луны не вернутся они»⁹ (эти введенные в текст образы и мотивы, которых нет у Мицкевича, сохранятся и в поздней редакции стихотворения). В роли еженощного рассказчика, спасителя от «лихоманок» и других страхов, герой и хотел бы видеть себя, если говорить о подспудной интенции первого стихотворения цикла. Добавим, что такого «двойного» дна нет в «Серенаде» Фета: там пожелание «спокойной ночи» («Спи, мое дитя») вполне бескорыстно и значит то, что оно значит.

2.

Мы упомянули о вторичном схождении «Спи спокойно — доброй ночи!...» Григорьева с колыбельной Лермонтова, к которой оно восходит и генетически. Остановимся на этом подробнее.

В стихотворении Лермонтова шесть восьмистрочных строф, каждая из которых заканчивается рефреном «Баюшки-баю» (впервые появляется во второй строке стихотворения). У Григорьева четыре восьмистрочных строфы, рефрен отсутствует, однако четверостишия объединяются в строфы лексико-семантическими повторами (см. раннюю попытку С.И. Гиндина дать классификацию связей, охватывающих все уровни структуры языка: [Гиндин, 1971]), иногда приобретающими значение внутреннего рефрена.

В первой строфе — это словосочетание «Доброй ночи», дублирующее заглавие и повторяемое в конце первого и в начале пятого стиха первой строфы¹⁰. Во второй строфе — словосочетание «час

⁸ Ср. весь заключительный терцет в переводе В.Г. Бенедиктова: «Дверь ты замыкаешь... Если б мог проникнуть / В скважину — тебе я сном сомкнуть бы очи / Не дал, повторяя: спи! спокойной ночи!» [Мицкевич, 1882: 129].

⁹ Этот стих, предпоследний в стихотворении, остался без изменения и в его поздней редакции, вошедшей в цикл «Борьба» [Григорьев, 2001: 128].

¹⁰ Ср. со вторым стихотворением условного «москвитянинского» цикла — «Доброй ночи — пора!...», где прощальное пожелание повторяется во всех четырех строфах, служа одним из средств связи четверостиший в единое целое; другое средство связи — детали предутреннего пейзажа, распределенные по четырем строфам и складывающиеся в общую картину.

ночной», повторяемое в начале третьего и пятого стихов. В третьей строфе два связующих звена. Слово «лихорадки» повторяется в первом и в пятом стихе этой строфы, причем во втором случае в сочетании с приложением «лихоманки» («лихоманок-лихорадок»): слово «лихорадки» в этом стихе, возможно, находится в тени просторечного «лихоманки», хоть и стоит в ударной, рифменной позиции. Второе связующее звено между четверостишиями, входящими в строфу, представлено глаголом «целовать» в четвертом стихе и существительным «поцелуй» в седьмом (С.И. Гиндин называет такой повтор «корневым», см.: [Гиндин, 1971: 128–129]). Связи в последней строфе еще более прихотливы. Первое звено представляют существительные «взор» («силой взора») в первом и «очи» («очи... Божьих сил») в седьмом стихе строфы (один из подвидов «чисто-семантического повтора» – орган и его типовое действие, см.: [Гиндин, 1971: 130]). Второе звено связывает заключительное четверостишие стихотворения не столько с предыдущим, сколько с его началом, а значит, со всем стихотворением в целом. Во-первых, рифмы в пятом и седьмом стихах четвертой строфы («ночи» — «очи») повторяют рифмы в первом и третьем стихах первой строфы, во-вторых, пятый стих заключительной строфы («Спи же тихо — доброй ночи!..») с вариантом в одном слове повторяет первый стих первой строфы — начало стихотворения («Спи спокойно — доброй ночи!»), образуя «рефренный» тип связи (см.: [Гиндин, 1971: 123–124]). Вариант этот также значим; «тихо» и «спокойно», будучи синонимами («синонимический повтор», см.: [Гиндин, 1971: 129]) в данном контексте, все же обозначают разные понятия: «тихо» следует вести себя на всякий случай, чтобы не потревожить демоническую силу (девять лихорадок); «спокойно» же — значит «ни о чем не заботясь».

Таким образом, в стихотворении Григорьева налицо средства, которые можно считать аналогом отсутствующему рефрену Лермонтова. Что еще сближает два стихотворения?

У Лермонтова, как и у Григорьева, четыре личностных (и смысловых) центра, образующих как бы крест, но устроены эти «кресты» по-разному. У Лермонтова это (1) лирическое «я», т.е. молодая казачка, поющая колыбельную, образ которой ни в коем случае не отождествим с авторским «я» самого поэта, в стихотворении, разумеется, тоже присутствующим; (2) младенец, которому поется колыбельная и который в будущем превратится в «богатыря», чему посвящена большая часть стихотворения; (3) враждебная сила, которую олицетворяет «злой чечен», вооруженный кинжалом; ее цель — причинение зла младенцу; сила эта связана с водной стихией — Терекком, из которого, по-видимому, она и появляется; сама водная стихия, как представляется, также неприязненна героям

(«мутный вал»); (4) отец младенца (и, очевидно, муж казачки) — «старый воин», который призван не допустить вторжения враждебной силы. По ассоциации с этим последним образом и возникает картина вероятного будущего для младенца. Вопрос — можно ли говорить о пятом личностно-смысловом центре у Лермонтова, который связан со «святым образком», появляющимся в первом четверостишии заключительной строфы, или это такая же деталь местного (народного, «казачьего») колорита, как и «бранное житье», «седельце боевое», расшитое шелком, и т.д.? Пока оставляем этот вопрос открытым.

В стихотворении Григорьева также четыре личностно-смысловых центра, и они гораздо более определены, чем у Лермонтова: (1) лирический герой, видящий картину в целом и желающий, по видимому, героине, хотя конкретно об этом нигде не сказано, «доброй ночи». Это лирическое «я» легко отождествляется с авторским «я»; образ этот, однако, не однозначен и отношения его с героиней не определены; (2) героиня, которой герой желает доброй ночи; можно себе представить на ее месте и младшего друга, но само умолчание насчет пола пассивной стороны, принимающей пожелание, свидетельствует, почти безошибочно, в пользу того, что это молодая девица — обычная героиня лирического стихотворения; (3) «сила злая», которую олицетворяют «лихорадки», «лихоманки», «рой сестер», «девять подруг»; они, как у Лермонтова «злой чечен», связаны с водной стихией, но сама эта стихия, возможно, нейтральна к человеку, так как представляет собой для лихоманок «подводную тюрьму», «запор» которой им приходится еженощно «разламывать». Цель злой силы — навредить совершенно определенным способом: смутить сон и «на прощанье» дать поцелуй в губы, который, возможно, пробудит чувственность, не знакомую героине, и, возможно, передаст болезнь, хотя об этом также ничего не сказано, кроме самого названия — «лихорадки», в контексте стихотворения семантически переосмысленного («любви недуг»); (4) «сторож твой», отгоняющий злую силу. Отношения его с героиней вполне определены, а вот с лирическим героем как будто бы не вполне, хотя последний, казалось бы, целиком на его стороне и не сомневается в правоте «светлых Божьих сил».

Крест, образуемый четырьмя личностно-смысловыми центрами, в стихотворениях Лермонтова и Григорьева выглядит по-разному. У Лермонтова вершину креста, по-видимому, представляет отец младенца — «старый воин» (рядом с ним, возможно, следует поместить и «образок святой»), его подножие — злая сила, которую он призван остановить, по концам перекрестия — мать, поющая колыбельную, и младенец, который станет великим воином. У Григорье-

ва вершина креста — «сторож твой», очевидно, ангел-хранитель, олицетворяющий «светлые Божьи силы», подножие — девять сестер-лихорадок, по концам перекрестия — лирический герой и героиня, однако «я» героя раздвоено, оно до какой-то степени отождествимо и с лихорадками. По крайней мере, очевидно, что герой так или иначе уже испытал их действие и знает, что поцелуй лихоманок «...и жгуч, и сладок, / Как любви недуг»¹¹.

3.

Семантический ореол метра в «Лихорадке» Фета гораздо более прозрачен и в то же время скуп; он связан, как уже было отмечено, с пушкинскими образцами — прежде всего «Зимним вечером», но у Фета ««песня» про “девицу” уже прозвучала, хотя была она несколько иного содержания, чем пушкинская...» [Маслова, 2014b: 206]. В то же время «Зимний вечер» «монологичен», а у Фета ([Фет, 1959: 217–218]; все цитаты даются по этому изданию) воспроизведен именно диалог с няней, так что права и Л.В. Татаренкова, видящая здесь отсылку к третьей главе «Евгения Онегина», где также изображен диалог с няней; обе няни не догадываются «об истинных причинах озноба», охватившего их подопечных [Татаренкова, 2010: 191]. Думается, что правомерно будет назвать в данном контексте и «Бесов» Пушкина. Легко себе представить, что в морозную ночь («Топим жарко, знаешь сам»), нечистая сила («бесы») не только бесчинствует в поле («Домового ли хоронят, / Ведьму ль замуж выдают...»), но и проникает в жилище; если там она является воочию, как в «Бесах», то здесь — во сне («Хоть всего не помню сна...»).

В связи с разговором о семантическом ореоле метра в «Лихорадке» должны быть упомянуты и другие стихотворения Фета из цикла «Баллады»: «Ворот» (1847) и, возможно, «На дворе не слышно вьюги...» (1842), также представляющие собой — полностью или частично — диалоги с няней и написанные тем же размером, что и «Лихорадка» (Х4жм). Особенно близок «общему сюжету» двух рассматриваемых стихотворений «Ворот», невидимым героем которого, коррелирующим с образами лихоманок из «Лихорадки», становится ангел-хранитель девочки: его важно расположить к себе правильным поведе-

¹¹ С точки зрения мифопоэтической, важен (и опасен) временной зазор между двумя моментами: тем, когда уже «блещут ангельские очи / В золотых лучах», — моментом, который фиксируется в начале стихотворения, и тем, когда «выдет <...> / В небо сторож твой», — это и есть время произнесения монолога лирическим героем. В этом временном «зазоре» действие лихорадок, как можно предположить, было бы более эффективно, попади они в него, если бы такое было возможно, но они еще не успели «разломать запор» «подводной тюрьмы», что может произойти лишь «в час ночной», т.е., вероятней всего, в полночь, хотя конкретно об этом также нигде не сказано.

нием (отходя ко сну — «...ворот у рубашки / Надо прежде расстегнуть»), дабы он, как и «сторож» в «Спи спокойно — доброй ночи!..» Григорьева, отвидил дурной сон и возможное посещение лихорадок.

Генезис стихотворения Фета понятней, чем стихотворения Григорьева, потому что Фет сознательно воспроизводит и саму ситуацию пушкинского «Зимнего вечера»: поэт и няня в деревенском (по-видимому) уединении, отрезанные от всего остального мира.

«Предметный состав» (по М.Л. Гаспарову), а значит, и «художественный мир» стихотворения Григорьева в его образной ипостаси — это мир стихий: небо, звезды, подводный мир, — жилище для человека в нем не предусмотрено, и человек в нем бездомен, так что, если бы мы не знали биографии поэта и поневоле не поверяли бы текст биографическим контекстом, можно было бы вообразить, что поэт и его возлюбленная вынуждены будут ночевать в поле (представление о конкретном жилище отсутствует и во втором стихотворении «москвитянинского» цикла¹²). В центре же мира «Лихорадки» Фета — человеческое жилье («наш дом»), весь мир за его стенами — в каком-то смысле иллюзия, и поэт стремится усилить это ощущение («— “Ты бы шторку опустила...”»¹³). Мир за окнами дома существует, но лирический герой хотел бы забыть о нем.

Оба стихотворения, кроме самого поверья о лихорадках, объединяет и то, что в них, хоть и по разным причинам, события сюжета не интериоризируются¹⁴ — отсутствует изображение внутреннего мира героев. У Фета это делается сознательно: поэт не желает приоткрывать дверь в свой внутренний мир, считая, что достаточно и «намек»: «...Целовала крепко в губы — / Лихорадка ли она?» («Лихорадка» в этом смысле — один из важных текстов, предшествовавших «поэтике намека» ранних символистов, а затем и акмеистов). Возражение М.И. Масловой о безобразном облике «простоволосых трясуниц» из народных поверий, плохо сочетающемся с «привлекательными» романтическими образами¹⁵, кажется, в данном случае не работает: нечистый дух («ангел сатанин»), и это зафиксировано в духовной литературе, обладает силой являться в привлекательном образе.

Что касается стихотворения Григорьева, то, возможно, хоть и с оговоркой, следует согласиться, что оно «стилистически... “разваливается” — не то колыбельная, не то эротический этюд» [Маслова,

¹² Между тем в оригинальном тексте сонета детали обстановки дома, где живет возлюбленная, налицо — они были исключены Григорьевым при переводе.

¹³ Ср. с противоположной ситуацией, фиксируемой в реплике Татьяны в XVII строфе третьей главы «Евгения Онегина»: «...Открой окно да сядь ко мне».

¹⁴ Еще один термин поэтики М.Л. Гаспарова; по крайней мере, мы принимаем его именно в том значении, в каком ученый использовал его в: [Гаспаров, 1997: 17, 22, 24, 25, 30, 31 и др.].

¹⁵ См.: [Маслова, 2014а: 143 сл.].

2014b: 209]. Причина этого, как нам кажется, в указанном выше отсутствии в этом стихотворении, как и у Фета, — но иначе, чем у него, — интериоризации событий сюжета. Лирический герой Григорьева так же, как и герой Фета, не желает допустить героиню (и читателя) в свой внутренний мир, уместнее даже было бы сказать в свое «подполье», да и сам, по-видимому, боится в него заглянуть лишний раз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаспаров М.Л.* Избр. труды. Т. 2: О стихах. М., 1997.
2. *Гаспаров М.Л.* Метр и смысл. М., 2012.
3. *Гиндин С.И.* Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1971. Вып. 14. С. 114–135.
4. *Григорьев Ан.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 1 / Изд. подгот. Б.Ф. Егоров и А.П. Дмитриев. СПб., 2021.
5. *Григорьев Ан.* Стихотворения Аполлона Григорьева. СПб., 1846.
6. *Григорьев Ан.* Стихотворения. Поэмы. Драмы / Подгот. текста, сост., вступ. ст. [с. 5–47] и прим. Б.Ф. Егорова. СПб., 2001. (Новая 6-ка поэта).
7. *Егоров Б.Ф.* Аполлон Григорьев. М., 2000. (ЖЗЛ).
8. *Золотарева О.Г.* Проблема «несобранного стихотворного цикла» 40–60-х гг. XIX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1982.
9. *Илюшин А.А.* Лихорадочный поэт: к заметкам об Аполлоне Григорьеве // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 3. С. 7–14.
10. *Маслова М.И.* Аполлон Григорьев и Афанасий Фет: поэзия в иконографическом аспекте // Вестн. Псков. гос. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2014а. № 5. С. 138–148.
11. *Маслова М.И.* Еще раз о «лихоманках» у Григорьева и Фета // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2014b. № 2 (58). С. 205–211.
12. *Мицкевич А.* Сочинения А. Мицкевича: [В 5 т]. Т. 1. СПб.; М., 1882.
13. *Татаренкова Л.В.* «Сестры-лихорадки» в стихотворениях А. Григорьева и А. Фета // Учен. зап. Орловск. гос. ун-та. Научный журнал. 2010. № 1 (35). С. 189–192.
14. *Трисмегистов А. (Григорьев Ан.)* Доброй ночи! // Москвитянин. 1843. Ч. IV. № 7. [Отд. I]. С. 5–6.
15. *Фет А.А.* Полн. собр. стихотворений / [вступ. ст. (с. 5–78), подгот. текста и прим. Б.Я. Бухштаба]. Л., 1959. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.)
16. *Чулков М.Д.* Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч. / Соч. М. Ч. М., 1786.
17. *Mickiewicz A.* Dobranoc (XVI) // Mickiewicz A. Sonety Adama Mickiewicza. М., 1826. S. 20.

REFERENCES

1. Gasparov M.L. *Izbr. trudy. T. 2. O stikhakh* [Selected Works. Volume 2. On Poetry]. Moscow, *Yazyki russkoj kul'tury Publ.*, 1997. 504 p. (In Russ.)
2. Gasparov M.L. *Metri i smysl* [The Metre and the Meaning]. Moscow, *Fortuna EhL Publ.*, 2012. 416 p. (In Russ.)
3. Gindin S.I. Ontologicheskoe edinstvo teksta i vidy vnutritekstovoj organizacii [Ontological Unity of the Text and Types of Intratextual Organization]. *Mashinnyj perevod i prikladnaja lingvistika* [Machine Translation and Applied Linguistics]. Moscow, *MGPIIa imeni M. Toreza Publ.*, 1971, no. 14, pp. 114–135. (In Russ.)

4. Grigor'ev A.A. *Sobr. soch.* [Collected Works]. In 10 vol. Vol. 1, prepared edition by B.F. Egorov and A.P. Dmitriev. Moscow, *Rostok Publ.*, 2021. 704 p. (In Russ.)
5. Grigor'ev A.A. *Stikhotvoreniya Apollona Grigor'eva* [Poems by Apollon Grigoriev]. St. Petersburg, *K. Krajsya Typogr.*, 1846. 178 p. (In Russ.)
6. Grigor'ev A.A. *Stikhotvoreniya. Poehmy. Dramy* [Lyrical Poems. Poems. Dramas], comp., prepared text, introductory article (pp. 5–47) and notes by B.F. Egorov. St. Petersburg, *Akademicheskij proekt Publ.*, 2001. 760 p. (The poet's new library). (In Russ.)
7. Egorov B.F. *Apollon Grigor'ev* [Apollon Grigoriev]. Moscow, *Molodaya gvardiya Publ.*, 2000. 216 p. (Lives of wonderful people). (In Russ.)
8. Zolotareva O.G. *Problema "nesobranogo stikhotvornogo cikla" 40–60-kh gg. XIX veka* [The Problem of the "Unassembled Poetry Cycle" of the 40–60s of the 19th Century]: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk. Tomsk, 1982. 17 p. (In Russ.)
9. Ilyushin A.A. Lihoradchnyj poeht: k zametkam ob Apollone Grigor'evе [The Feverish Poet: Notes on Apollon Grigoriev]. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology.* 2003, № 3, pp. 7–14. (In Russ.)
10. Maslova M.I. Apollon Grigor'ev i Afanasij Fet: poehziya v ikonograficheskom aspekte [Apollon Grigoriev and Afanasy Foeth: Poetry in the Iconographic Aspect]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki.* 2014, № 5, pp. 138–148. (In Russ.)
11. Maslova M.I. Eshche raz o "likhomankakh" u Grigor'eva i Feta [Again on the "fevers" of Grigoriev and Foeth]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki.* 2014, № 2 (58), pp. 205–211. (In Russ.)
12. Mickiewicz Adam. *Sochineniya A. Mickevicha* [Works by A. Mickiewicz]. In 5 vol. Vol. 1. St. Petersburg, Moscow, *Tovarishchestvo M.O. Vol'fa Typogr.*, 1882. 348 p. (In Russ.)
13. Tatarenkova L.V. "Sestry-likhoradki" v stikhotvorennykh A. Grigor'eva i A. Feta ["Fever Sisters" in the Poems by A. Grigoriev and A. Foeth]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosuniversiteta. Nauchnyj zhurnal.* 2010, № 1 (35), pp. 189–192. (In Russ.)
14. Trismegistov A. [Grigor'ev A.A.] Dobroj noch! [Good night!]. *Moskvityanin.* 1843, part IV, № 7, section I, pp. 5–6. (In Russ.)
15. Fet A.A. *Polnoe sobranie stikhotvorenij* [The Complete Poetry Collection], prepared text, introductory article (pp. 5–78) and notes by B.Ya. Bukhshtab. Leningrad, *Sovetskij pisatel'. Leningradskoe otdelenie Publ.*, 1959. 897 p. (The poet's library. The great series. 2nd edition). (In Russ.)
16. Chulkov M.D. *Abevega russkikh sueverij, idolopoklonnicheskikh zhertvoprinoshenij, svadebnykh prostonarodnykh obryadov, koldovstva, shemanstva i proch.* [Alphabet of Russian superstitions, idolatrous sacrifices, wedding ceremonies, witchcraft, shamanism, etc.], composed by M. Chulkov. Moscow, *F. Gippius Typogr.*, 1786. 326 p. (In Russ.)
17. Mickiewicz Adam. Dobranoc (XVI). *Sonety Adama Mickiewicza.* Moscow, w *Drukarni Uniwersytetu Typogr.*, 1826. S. 20. (In Polish)

Поступила в редакцию 05.09.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Отредактирована 28.10.2022

Received 05.09.2022

Accepted 11.10.2022

Revised 28.10.2022

ОБ АВТОРЕ

Маньковский Аркадий Владимирович — старший научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН; arkadymankovsky@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Arkady Mankovsky — Senior Researcher (Literary Studies), Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; arkadymankovsky@yandex.ru

ВОСПОМИНАНИЯ О Б.Ф. ЕГОРОВЕ

Е.Л. Румановская

Школа имени Тедди Коллека, Иерусалим, Израиль; elena_rumanovsky@yahoo.com

Аннотация: В статье мемуарного характера описываются лекции Бориса Федоровича Егорова, посвященные теории литературы, которые автор воспоминаний как студентка слушала и конспектировала в ЛГПИ им. А.И. Герцена в 1977–1978 гг.: отмечаются присутствовавшие в лекциях новые для студентов имена, также Кьеркегора, Ясперса, Хайдеггера, М. Кагана и др., особенности предложенного Б.Ф. Егоровым обзора современного состояния отечественного литературоведения. Перечисляются эпизоды позднейшего профессионального и личного общения Б.Ф. Егорова и автора, цитируются письма Б.Ф. Егорова (из архива автора).

Ключевые слова: Б.Ф. Егоров; Ленинградский Педагогический институт имени А.И. Герцена; теория литературы; семидесятые годы; С. Кьеркегор; А. Потебня; М. Хайдеггер; К. Ясперс; М. Каган; С. Кржижановский

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-197-201

Для цитирования: Румановская Е.Л. Воспоминания о Б.Ф. Егорове // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 197–201.

MEMORIES OF BORIS EGOROV

Elena Rumanovskaia

Teddy Kollek High School, Jerusalem; elena_rumanovsky@yahoo.com

Abstract: The memoir article describes Boris Fedorovich Egorov's lectures on the theory of literature, which the author of the memoirs listened to and took notes of as a student at Herzen Leningrad Pedagogical Institute in 1977–1978. The paper tackles the discussion in these lectures of Kierkegaard, Jaspers, Heidegger, M. Kagan (names that had been largely unknown to the students), as well as features of Boris Egorov's outlook on the contemporary Russian literature studies. Episodes of the later professional and personal communication between Boris Egorov and the author are outlined, Boris Egorov's letters are quoted (from the author's archive).

Key words: B.F. Egorov; Herzen Leningrad Pedagogical Institute; theory of literature; the seventies; S. Kierkegaard; A. Potebnya; M. Heidegger; K. Jaspers; M. Kagan; S. Krzhizhanovsky

For citation: Rumanovskaia E. (2022). Memories of Boris Egorov. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 197–201.

С Борисом Федоровичем (БФ) Егоровым мы познакомились в Ленинградском Педагогическом институте имени Герцена, где он был профессором и заведующим кафедрой русской литературы, а я студенткой. В 1977/78 учебном году БФ читал нам курс теории литературы, который оказался очень интересным. Мои конспекты сохранились, поэтому следующий далее рассказ вполне документален.

Девять первых лекций были посвящены истории теоретических учений, первая лекция 1 сентября 1977 года начиналась фразой: «Колыбель теории — Восток (Индия, Китай), для европейцев это еще малознакомые материалы». Очень подробно я записала лекции о Кьеркегоре, иронии и трактате «Или — или» (тогда не переведенном целиком на русский язык), имена Хайдеггера и Ясперса тоже были новы, и все это меня очень увлекло. Необычными для гуманитарной аудитории были также чертежи, схемы и математические символы, появлявшиеся на доске, когда речь шла о Потебне («Слово и его свойства. Речь и понимание»), о классификации искусств по Моисею Кагану и Кржижановскому (имя последнего тоже было ново), а БФ рассказывал с истинным увлечением, с энтузиазмом, так ему свойственным. Я не знала о техническом образовании БФ, но чертил он со знанием дела. Вульгарный социологизм нам был более знаком — мы ведь закончили советские школы, но структурализм, фрейдизм и формализм гораздо меньше: речь, повторяю, идет о 1977–1978 годах.

Очень любопытен был обзор современного советского литературоведения, цитирую БФ: «Сейчас этап своеобразного синтезирования, использование и общих методологических установок, и достижений смежных наук (особенно психологии), и достижений различных школ. Советское стиховедение сейчас на одном из первых мест в мире» (названы имена М.Л. Гаспарова, В.Е. Холшевникова, Палевской). Рассказ о ленинградской, московской, тартуской школах. БФ счел необходимым сообщить студентам об «интересных коллективах в Костроме, Томске, Куйбышеве, Омске» и саратовской школе под руководством А.П. Скафтымова. Отмечу, что последнюю лекцию о социалистическом реализме БФ не прочел сам, а пригласил профессора Александра Ивановича Хватова с кафедры советской литературы.

В общем, на лекциях было интересно, недаром конспекты достаточно подробны.

Моя дипломная работа о датировке «Записок одного молодого человека» Герцена была выделена БФ и рекомендована для издания в «Ученых записках» ЛГПИ (потом была напечатана в журнале «Русская литература»: [Кантор, 1981]), но, увы, не случилось ни этого, ни моего соискательства на кафедре, т.к. Егоров ушел из института, а моя научная руководительница Е.Н. Дрыжакова с мужем, М.Г. Аль-

тшуллером, уехала в США. Если бы БФ остался, моя научная биография могла бы сложиться по-иному.

За следующие 12 лет, до моего отъезда в Израиль, мы виделись всего несколько раз, и общение прервалось надолго. Защищаться мне пришлось уже в Еврейском университете в Иерусалиме, и это было совсем нелегко на фоне вживания в новую действительность.

По-настоящему мы стали общаться с БФ начиная с 2002 года, когда я, прочитав изданную им книгу “Письма Лотмана” (М., 1997), написала ему, что она вызывает размышления и дает импульс в духе Маяковского: «Стоило жить, и работать стоило!» БФ ответил открыткой, в которой писал, что чувствует и на себе вину за то, что многие уезжают из России для того, чтобы состояться. (Она у меня хранится.) Наше общение шло по нескольким направлениям.

Во-первых, наука: Герцен — ему была посвящена моя диссертация, в которой я писала: «Споры с точкой зрения Герцена <...> имели место в России в 1850–1860-е годы. Позиция Герцена учитывалась и теми критиками, которые были по многим вопросам не согласны с ним (А.В. Дружинин, В.П. Боткин, П.В. Анненков, М.Н. Катков). Поэтому мне представляется неправильным не рассматривать литературно-критические взгляды Герцена в общих работах, посвященных литературной борьбе в России в середине XIX века, как это происходит, например, в книгах Б.Ф. Егорова “Борьба эстетических идей в России середины XIX века” (Л., 1982) и “Борьба эстетических идей в России 1860-х годов” (Л., 1991). Во второй из них автор специально оговаривается, что “из-за недостатка места в книге совершенно не рассмотрены эстетические воззрения Герцена и Огарева. Не следует думать, что необозримая по объему литература о них, в том числе и большое количество работ об их эстетике и литературной критике, исчерпала тему”». БФ согласился с моей точкой зрения, но его книги были изданы намного раньше.

Род Поливановых. Получив в подарок книгу БФ о Боткиных в серии «Преданья русского семейства», я предложила идею подобной книги о роде Поливановых. Занимаясь тогда историей русского паломничества в Иерусалим в XIX веке, я опубликовала «Дневник» Николая Петровича Поливанова, племянника А.С. Норова, которого он сопровождал в путешествии по Востоку в 1861 году [Румановская, 2006]. Составляя биографию Николая Петровича, заинтересовалась родом Поливановых, среди которых были и Лев Поливанов, основатель гимназии (его ярко изобразил А. Белый), и лингвист Е.Д. Поливанов. БФ очень заинтересовался моей идеей, предложил мне написать заявку в Пушкинский Дом, но потом по разным причинам идея была мною отложена.

И, наконец, **Григорьев**, которого БФ называл просто Аполлоном и говорил о нем вдохновенно и как о лично знакомом человеке, имея в виду разные черты характера, рассказывая о них, смеясь или негодую. У него так же, как у Григорьева, была способность любить своих героев. С такой же интонацией личного знакомства написана и его книга о Григорьеве в ЖЗЛ, в которой глубине изложения и широте охватываемого материала совсем не мешает живая речь с современными словечками, например, по поводу молодой редакции журнала “Москвитянин”: “Молодые оттяпали у шефа [Погодина] очень ценные отделы...”, или “...деньги уходили браво...” (“браво” в качестве определения, а не театрального возгласа, было одним из любимых словечек БФ), или сравнение ситуации с современной: «Так что сваливать вину на почту и тогда можно было!» [Егоров, 2000: 586 59]

При последней нашей личной встрече с БФ в Петербурге в августе 2019 года в прелестном пивном баре “KwakInn” на Загородном проспекте мы обсуждали как раз Аполлона Григорьева и издание его собрания сочинений, продолжающееся, увы, без БФ.

Кроме науки, мы много говорили о **воспоминаниях**. В письме от 15.5.11 по поводу рассказов моей мамы об эвакуации во время войны БФ писал: «Я всех агитирую вспоминать и публиковать. Это нужно и для семьи, и для страны, и для истории»¹, а до этого он очень заинтересовался очерком о кругосветном путешествии моего отца во время Гражданской войны [Румановская, 2004].

БФ следил издали за здоровьем моей мамы, дожившей до 100, и всегда передавал ей приветы, а на известие о ее смерти откликнулся в письме 04.01.2020: «Много ушло старших, да сохранится память о них. 100 лет Вашей мамы такой же хороший символ (надежда!), как и у Моисеева и Зельдина»².

Общение с БФ дало мне очень много и, разумеется, в научном, и в человеческом плане. С гордостью называю себя его ученицей, этот статус зафиксирован БФ в одной из дарственных надписей на его книгах. Закончить я хочу цитатой из его письма от 28.04.2015 в ответ на посланную мною заметку «Съезд фашистов в Питере»: «И верю не в фашистское будущее, а в светлое. Но хотел бы, чтобы мне разрешили держать в кармане пистолет, чтобы и себя защищать, и несчастных, на которых могут напасть»³. Это пишется 89-летним человеком! И вера в лучшее, и желание защищать других были очень характерны для Бориса Федоровича Егорова, для его активной туры человека и ученого.

¹ Личный архив автора.

² Там же.

³ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Егоров Б.Ф.* Аполлон Григорьев. М., 2000.
2. *Кантор Е.Л.* Из творческой истории “Записок одного молодого человека” А.И. Герцена (вопрос о датировке) // Русская литература. 1981, № 2. С. 163–165.
3. *Румановская Е.Л.* Два путешествия в Иерусалим в 1830–1831 и 1861 годах. М., 2006. 200 с.
4. *Ibid.* Кругосветное путешествие на фоне Гражданской войны в России // Окна. Литературное приложение к газете «Вести» (Израиль). 25.11.2004. С. 16–19; 02.12.2004. С. 36–39.

REFERENCES

1. Egorov B.F. *Apollon Grigor'ev*. Moscow: *Molodaia Gvardiia Publ.*, 2000. 219 pp. (In Russ.)
2. Kantor E.L. Iz tvorcheskoi istorii “Zapisok odnogo mladogo cheloveka” A.I. Gertsen (vopros o datirovke) [From the creative history of “Notes of a young man” by A.I. Herzen (the question of dating)]. *Russkaia literatura*. Russian Literature. 1981, № 2. P. 163–165. (In Russ.)
3. Rumanovskaia E.L. *Dva puteshestviia v Ierusalim v 1830–1831 i 1861 godakh* [Two trips to Jerusalem in 1830–1831 and 1861]. Moscow: *Indrik Publ.*, 2006. 200 pp. (In Russ.)
4. *Ibid.* Kругosvetnoe puteshestvie na fone Grazhdanskoi voiny v Rossii [Circumnavigation of the world against the background of the Civil War in Russia] *Okna. Literaturnoe prilozhenie k gazete “Vesti” (Izrail’)* — The Windows. Literary supplement to the newspaper “Vesti” (Israel). 25.11.2004. P. 16–19; 02.12.2004, pp. 36–39. (In Russ.)

Поступила в редакцию 10.08.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Отредактирована 27.10.2022

Received 10.08.2022

Accepted 11.10.2022

Revised 27.10.2022

ОБ АВТОРЕ

Румановская Елена Леонидовна — PhD, преподаватель Школы имени Тедди Коллека, Иерусалим; elena_rumanovsky@yahoo.com

ABOUT THE AUTHOR

Elena Rumanovskaja — PhD, Lecturer, Teddy Kollek High School, Jerusalem; elena_rumanovsky@yahoo.com

ИЗ АРХИВА

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ В РАБОТАХ УЧАСТНИКОВ СЕМИНАРА В.Н. ТУРБИНА

Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российский государственный гуманитарный университет; gzykova@mail.ru
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
e.penskaya@gmail.com*

Аннотация: Документы личного архива А.И. Журавлевой позволяют проследить генезис интерпретаций критического наследия Аполлона Григорьева, точкой отсчета которых послужил студенческий доклад, подготовленный Журавлевой совместно с однокурсницей Е.Е. Жуковской в рамках семинара В.Н. Турбина «Лермонтов в критике 1860-х гг.» для II Лермонтовской студенческой конференции, состоявшейся в Ленинградском государственном университете в мае 1958 г. Доклад вписывается в контекст изданий и исследований конца 1950-х — начала 1960-х годов, в которых наметилась тенденция «возвращения» Григорьева, по идеологическим причинам практически вычеркнутого из истории русской культуры в предшествующую эпоху. В докладе (отчасти с опорой на «Окружное послание...» Григорьева, тогда еще не опубликованное, недавно обнаруженное в фонде М.П. Погодина в ОР ГБЛ аспирантом филологического факультета МГУ В.Я. Лакшиным) обсуждается григорьевская концепция разделения литературы на серьезную, полезную, верную народности и литературу подражательную. Реакции на доклад, зафиксированные в сохранившейся стенограмме конференции, дают возможность оценить степень и природу интереса к отдельным аспектам творчества Григорьева (прежде всего склонность академической аудитории к «реабилитации» романтизма). В докладе появляются темы, подходы и даже, несмотря на возраст авторов, некоторые формулировки, важные для последующих штудий А.И. Журавлевой (народность в литературе, ценность романтизма, комическое начало). Об Аполлоне Григорьеве как критике она, однако, позднее будет писать преимущественно в связи не с Лермонтовым, а с А.Н. Островским.

Ключевые слова: Ап.А. Григорьев; М.Ю. Лермонтов; Владимир Н. Турбин; «оттепель»; Анна И. Журавлева; филологический факультет Московского государственного университета

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-202-212

Для цитирования: Зыкова Г.В., Пенская Е.Н. Аполлон Григорьев в работах участников семинара В.Н. Турбина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 202–212.

APOLLON GRIGORIEV IN STUDIES OF V.N. TURBIN'S SEMINAR PARTICIPANTS

Galina Zykova, Elena Penskaja

Lomonosov State University, Russian State University for the Humanities;
gzykova@mail.ru

National Research University Higher School of Economics; e.penskaya@gmail.com

Abstract: The documents from Anna I. Zhuravleva's personal archive allow us to trace the genesis of Ap. Grigoriev's critical legacy interpretations, which originated in the student paper that Zhuravleva prepared together with E. Zhukovskaya at V.N. Turbin's seminar "Lermontov in critique (1860s)" — for the 2nd Lermontov Student Conference which was held at Leningrad State University in May 1958. The paper is placed in the context of publications and research of the late 1950s and early 1960s, which tended to show the return of Grigoriev, who for ideological reasons had been virtually erased from Russian cultural history during the preceding period. The paper (based in part on Grigoriev's *District Epistle...*, then unpublished, which had recently been found in the Mikhail Pogodin Collection in the Lenin State Library by V.Ja. Lakshin, a postgraduate student of the Philological Faculty of Moscow University) discusses Grigoriev's own classification of literature into a serious and useful literature committed to the people, and literature of imitation. The reactions on this paper, as reflected in the conference's transcript, provide an opportunity to assess the extent and nature of interest in certain aspects of Grigoriev's work (above all the tendency of the academic audience to "rehabilitate" Romanticism). The themes, approaches and even, in spite of the young age of the authors, some formulations that are important for A.I. Zhuravleva's later studies (the so called *narodnost'* in literature, the value of romanticism, the comic element) emerge in the paper. However, she would later write about Apollon Grigoriev as a critic, mainly in connection not with Lermontov, but with A.N. Ostrovskij.

Key words: Apollon Grigoriev; M.Y. Lermontov; Vladimir N. Turbin; the Thaw; Anna I. Zhuravleva; Philological Faculty of Moscow State University

For citation: Zykova G.V., Penskaja E.N. (2022) Apollon Grigoriev in studies of V.N. Turbin's seminar participants. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, no. 6, pp. 202–212.

Во времена «оттепели», точнее на рубеже 1950–1960-х годов, одновременно появляются несколько заметных публикаций, посвященных творчеству Ап.А. Григорьева: том в Большой серии «Библиотеки поэта» с предисловием П.П. Громова и комментарием Б.О. Костелянца (1959), отдельная глава о Григорьеве в первом томе «Истории русской критики» (1958), написанная У.А. Гуральником (и посвященная, правда, в основном перечислению «заблуждений» Григорьева), наконец, наиболее, пожалуй, известное в этом ряду — работа Б.Ф. Егорова «Аполлон Григорьев — критик», опубликован-

ная в ученых записках Тартуского университета в 1960 и 1961 гг., за которой последовали подготовленные Егоровым первые в советское время переиздания критических статей Григорьева (1967).

В предшествующие годы даже упоминания о Григорьеве у советских литературоведов по понятным идеологическим причинам были весьма редкими (а если что и встречалось, то чаще всего клишированные обличения «реакционера»; нейтральные упоминания или даже позитивные оценки связаны с очень локальными темами: отдельными наблюдениями Григорьева-театрального критика, Григорьева-ценителя и собирателя народных песен). В конце 1950-х, видимо, филологи не только «открывали» для себя забытого автора, но и попросту получили возможность говорить о нем, чем дальше, тем в большей степени избавляясь от необходимости произносить ритуальные упреки в его адрес.

Материалы личного архива Анны Ивановны Журавлевой (1938–2009)¹, исследователя русской литературы XIX в., позволяют дополнить некоторыми фактами историю «открытия» Григорьева. Сохранился текст доклада Журавлевой (тогда студентки филологического факультета Московского университета) «А. Григорьев о Лермонтове. Из истории борьбы за Лермонтова в шестидесятые годы», подготовленного ею в соавторстве с близким другом и однокурсницей Еленой Евгеньевной Жуковской и произнесенного в мае 1958 г. на Лермонтовской студенческой конференции в Ленинградском государственном университете. Москвичи были представлены на этой конференции семинаром Владимира Николаевича Турбина², ленинградцы — семинаром Виктора Андрониковича Мануйлова, учениками Дмитрия Евгеньевича Максимова. Нам оказалась доступна и машинописная стенограмма прений.

В мемуарах, посвященных А.И. Журавлевой, Елена Евгеньевна Жуковская вспоминала, что доклад на Лермонтовской конференции вырос из тем научного семинара «Лермонтов в русской критике», который Владимир Николаевич Турбин вел во второй половине 1950-х годов для русского отделения филологического факультета:

«Что было удивительно для того времени <...> был представлен и Серебряный век, и почвенник Ап. Григорьев, и блистательное литературоведение 20-х годов <...> Ане были предложены <для курсовых второго курса. — Г.З., Е.П.> Ю. Тынянов и Б. Эйхенбаум, мне — неведомый нам тогда Аполлон Григорьев. <...> Ап. Григорьев

¹ В настоящее время находятся в личном архиве авторов данной статьи и постепенно передаются нами в РГАЛИ, где сформирован фонд Вс.Н. Некрасова и А.И. Журавлевой (№ 3445).

² О семинаре [Зыкова, Пенская, 2019; Зыкова, Черняков, 2016; Черняков, 2022].

поразил наше воображение и явился для нас настоящим открытием. Помню, с каким увлечением и восторгом читали мы небольшие книжечки <...> дореволюционного собрания его сочинений³ <...> До сих пор помню <...> наше наивное удивление, как критик такого масштаба, таланта и самобытности был забыт, вычеркнут из программ филологических факультетов и вообще из истории науки» [Жуковская, 2012: 43–44].

Текст доклада начинается с фразы, содержащей слово, неизбежное для публичных высказываний о Григорьеве в то время: «...Критическое наследие Григорьева содержит в себе глубокое *противоречие*...» (О «противоречиях» еще в 1964 г. был вынужден говорить и Б.Ф. Егоров в статье о Григорьеве для Краткой литературной энциклопедии). Десятилетия спустя, в 1990-х, Журавлева объясняла прагматический смысл присутствия в работах советских литературоведов слова «противоречия» (а также активное использование учения Добролюбова о якобы бессознательной природе художественного обобщения — учения, из которого следовало, что прямо выраженная «позиция автора» может не учитываться критиками): это было, по ее опыту, средством легитимизации в советском пространстве авторов, чье мировоззрение «не вписывалось» в советскую картину мира⁴.

Традиционный советский упрек, слово «противоречие», однако, немедленно сменяется словом «диалектика», также принадлежащим советскому словарю, но окрашенным уже позитивно; в апологии Григорьева, которую выстраивают дальше авторы доклада, так называемые «противоречия» (обычно означавшие просто «ошибки») понимаются скорее как антиномии:

«...Идеализм Григорьева — идеализм диалектический, и именно этому обязан Григорьев самой сильной стороной своей “органической” критики — ее историзмом.

Григорьев никогда не рассматривал литературное явление вне времени. Писал ли он о Гоголе, Писемском, Лермонтове или Тургеневе — он стремился ответить на вопросы: какие общественные

³ В сохранившемся тексте доклада Григорьев цитируется не по журнальным публикациям, а именно по этому собранию сочинений, даты статей не указываются, — вообще изменение взглядов Григорьева и конкретно-исторический контекст его высказываний на этом этапе первоначального «открытия» Григорьева авторами доклада не обсуждаются.

⁴ Об этом Журавлева говорила, в частности, насколько нам довелось ее слышать, в лекции на Летней школе, адресованной школьным преподавателям и непосредственно посвященной Добролюбову (он был, конечно, важным персонажем ее юношеского доклада) и его полемике с эстетической и органической критикой (беловая машинопись тезисов той лекции, не переросших в печатную публикацию, есть в личном архиве Журавлевой).

условия формировали талант писателя? Как связано его творчество с предыдущей литературой? Какое влияние оно само оказало на последующую? <...> Творчество Лермонтова Григорьев рассматривает как момент, как звено в сложной цепи литературного развития».

Как проявление «историзма», т.е. того, что официальная догматика соглашалась признать положительным, Журавлева и Жуковская интерпретируют и требование Григорьева «подчеркивать связь новой литературы (имеется в виду серьезная, истинная литература, и Островский прежде всего) — с устной и письменной литературой допетровской эпохи»⁵. Между тем, конечно, в идеях Григорьева «официальное» литературоведение видело склонность к патриархальной утопии, влияние славянофильства (различия между почвенничеством и славянофильством вообще нередко игнорировались).

Доклад оборачивается последовательной апологией Григорьева: «В 60-е годы изучение Лермонтова пошло по двум направлениям. Революционно-демократическая критика, и Добролюбов прежде всего, давали его поэзии истолкование, созвучное идеалам новой эпохи, стремилась использовать Лермонтова в своей борьбе.

В идеалистической критике с большими противоречиями и трудностями продолжалось изучение Лермонтова в широком философском плане. Сохранение этой линии, безусловно необходимой в лермонтоведении, — большая заслуга Аполлона Григорьева».

Потребность в апологии становится очевидна, если вспомнить, например, содержание упомянутой главы о Григорьеве в «Истории русской критики» (напомним, вышла в том же 1958 г.!). Хотя, конечно, факт присутствия в этой «Истории...» отдельной главы о Григорьеве сам по себе был симптомом сравнительной либерализации науки: например, в антологии статей о Лермонтове в русской критике (1955) текстов Григорьева нет и в помине, а есть только краткий ругательный пассаж о нем в предисловии.

Обращение к контексту печатных суждений о Григорьеве, в котором возник доклад, показывает, что свежо и не самоочевидно звучали тогда даже такие, по видимости, банальные утверждения докладчиков, как, например, следующее:

⁵ Они с гордостью указывают ленинградской академической аудитории, требовавшей внимания к фактам и работе с источниками, на важную архивную находку аспиранта филологического факультета Московского университета В.Я. Лакшина в фонде М.П. Погодина (ОР ГБЛ) — неизвестный текст Григорьева «Окружное послание о правилах отношений критики “Москвитянина” к литературе русской и иностранной, современной и старой» (несколько позже оно будет опубликовано Егоровым).

«Постоянное стремление Григорьева установить связь между литературой, художественным произведением и общественными, жизненными условиями, породившими его, делало критика страстным врагом тех, кто провозгласил теорию искусства для искусства»⁶.

Выступление авторы докладов планировали как попытку преодолеть несправедливые шаблоны и даже, как это видно по позднейшим воспоминаниям Жуковской, отчасти опасались реакции аудитории. Между тем, как видно по отраженным в стенограмме конференции выступлениям В.А. Мануйлова, Иванова (Геннадия Владимировича?) и В.Э. Вацуро, тогда тоже совсем молодого, в Ленинграде москвичи встретили знатоков и ценителей Григорьева, со своей стороны советовавших обратить внимание на рецепцию Григорьева у Блока. Конечно, стенограмма обнаруживает и выразительные различия между допустимыми в печати и действительными мнениями профессионалов, высказанными в своем кругу⁷.

Одно из ударных мест доклада, как мы это понимаем, связано с понятием романтизма:

«Григорьев считает лермонтовскую поэзию отрицания романтической и даже образ Печорина отчасти романтическим <...> Романтик Жуковский, романтик Гюго, романтики Полежаев и Марлинский.

Романтики, по словам Григорьева, и Кольцов, и Лермонтов в “Арбенине” и “Мцыри”.

Что же такое романтизм? — спрашивает себя Григорьев. — Почему он объединяет таких разных художников? Что между ними общего?

Григорьев дает психологическое понимание романтизма, но вместе с тем связывает его с историей духовной жизни общества».

Цитируется следующий фрагмент из «Взгляда на русскую литературу со смерти Пушкина»:

«...Романтическое в искусстве и в жизни на первый раз представляется отношением души к жизни несвободным, подчиненным,

⁶ Несмотря на прямую и резкую полемику Григорьева с «эстетической» критикой, его апелляция к произведению искусства как решающему «факту» (позднее для Журавлевой именно это в позиции Григорьева будет самым важным, как видно по ее статьям в соавторстве с поэтом Вс.Н. Некрасовым) в советском литературоведении «дооттепленного» типа отождествлялась с защитой «искусства для искусства».

⁷ Известно, к примеру, что на филологическом факультете МГУ в 1950-е годы И.Н. Розанов вел семинар и читал спецкурс о русской поэзии, и их посещал Турбин. В тематический план семинара входил и Григорьев. В 1946 г. планировалась подготовка сочинений Григорьева в поэтической серии Гослитиздата [Богомолов, 2021: 143, 146]. Журавлева ценила И.Н. Розанова, рекомендовала ученикам его работы, особенно статью о Блоке как редакторе Григорьева (вошла в книгу «Литературные репутации», 1928).

несознательным, а с другой стороны, оно же — это подчиненное чему-то отношение — есть и то тревожное, то вечно недовольное настоящим, что живет в душе человека и рвется на простор из груди, и чему не довольно целого мира <...> Романтическое является во всякую эпоху, только что вырвавшуюся из какого-либо морального переворота, в переходные моменты сознания...»

Слушатели доклада (В.А. Мануйлов, <Г.В.?> Иванов), насколько об этом можно судить по лаконичной стенограмме, обратили внимание на попытку выступавших сочувственно процитировать слова называвшего себя «последним романтиком» Григорьева о романтизме. Приглашали развивать эту тему. Заметим, во второй половине 1980-х (а может, и еще раньше), как вспоминает одна из авторов настоящей статьи, Анна Ивановна на первых занятиях лермонтовского семинара, который она вела на филологическом факультете МГУ, рассказывала (свидетельствуя) про то, какое большое значение имела литературоведческая «апология» романтизма в эпоху «оттепели», объясняла, почему в сталинские времена Лермонтова было положено интерпретировать только как реалиста, объясняла идеологический смысл апологии романтизма как личного искусства.

На основе доклада, видимо, уже в 1960-м г. Журавлева и Жуковская написали статью «Лермонтов в русской критике 1860-х годов». В автобиографии, датированной августом 1960 г. (т.е. после окончания университета), Журавлева свидетельствует, что статья была сдана в печать (не уточняя, куда именно). В личном архиве есть беловая машинопись статьи, включающая без изменений большие пассажи из текста доклада. Статья не была опубликована. Но почти 15 лет спустя, в 1974 г., в брошюру «Драматургия А.Н. Островского: учебное пособие к спецкурсу» (первая книга Журавлевой об Островском) войдет сформулированное уже в юношеском докладе объяснение того, как Григорьев понимал народность в литературе (с. 31–32), но уже без предлагавшихся в 1958 г. оговорок о «неполноте» григорьевской концепции. Цитируем по тексту доклада:

«Только истинно народное произведение могло, с его точки зрения, иметь непреходящее значение. <...> Для Григорьева главное в народной жизни — ее коренные нравственные начала, которые живут в преданиях и верованиях народа и которым, по его мнению, принадлежит будущее. И эти-то коренные начала народной жизни, эта “народная правда” и должна находить отражение в искусстве... <...>

В 30-е годы Белинский противопоставил свое философское и диалектическое понимание народности широко распространенному внешнему “сарафанному” ее пониманию. <...> Для Григорьева на-

родность — отвлеченная сущность, данная свыше, квинтэссенция “народного духа”, существующая вечно в тайниках души народа и находящая отражение в его верованиях и преданиях, в “безличном” народном творчестве.

Полнее всего сохранились, по мнению Григорьева, эти нравственные начала народной жизни в классе среднем, в купечестве преимущественно, а также в крестьянстве»⁸.

Предложенное в данном случае сопоставление Григорьева с Белинским (ранним, периода «Литературных мечтаний») имеет и реальную историческую основу, и апологетический в условиях 1950-х смысл. Заметим, однако, что «отвлеченность», обобщенность представлений Белинского и Григорьева о народности (которая здесь означает и демократическое, и национальное) Журавлева противопоставляет «сарафанному» пониманию национального как понимание не только упрощенному, но и грубо националистическому, и последнего в Григорьеве не находит. В личности и публичных высказываниях самой Журавлевой (исследователя как Островского, так и Лермонтова), внучки скопинского протоиерея, глубокое и личное переживание национального как значимого потом всегда сочеталось с отвращением к тому, что в своем раннем докладе она вслед за Белинским называет «сарафанным» пониманием национального (о ее нетерпимости ко ксенофобии говорить излишне, сошлемся только на ее полемическое письмо И.П. Бурляеву, опубликованное в 2012 г., уже после ее смерти, в сборнике «Памяти Анны Ивановны Журавлевой»).

Тема «Григорьев и Лермонтов», с которого начинается история обращения Журавлевой к Григорьеву, в дальнейшем вытесняется

⁸ «У Лермонтова, как известно, Григорьев не находит положительного народного идеала, этим и предопределены его оценки Лермонтова: Критик требует и сам подходит к изучению литературных фактов с широкой исторической точки зрения, стремится понять явление в историческом развитии. <...>

«Григорьев считал значение Лермонтова в жизни и литературе временным и ограниченным, видел в творчестве поэта лишь элементы, проблески “великой правды”».

Для него лермонтовская поэзия — поэзия отрицания. А отрицание лишь тогда имеет, в глазах Григорьева, непреходящее великое значение, когда непосредственно вытекает из самой жизни и совершается во имя вечного и твердо сознаваемого поэтом идеала, в основе которого лежит народная правда. Этого твердого положительного идеала нет у Лермонтова, поэтому он и не смог подняться до правильного “комического” отношения к неправде жизни. <...>

Григорьев видит у поэта проблески великой правды в том, что есть в его поэзии “физиологически нашего”, т.е. верного русской народной сущности. “Горе или, лучше сказать, отчаяние, вследствие сознания своего одиночества, своей разведенности с жизнью; глубочайшее презрение к мелочности той жизни, которую создано одиночество, — вот правда лермонтовской поэзии, вот в чем сила и искренность ее стонов...”»

для нее темой «Григорьев и Островский» (а у Лермонтова ее будут занимать прежде всего жанровые аспекты творчества)⁹. Может быть, это произошло потому, что обвинения Григорьева — любимого критика для Журавлевой — предъявленные Лермонтову, ее любимому писателю, в значительной степени были попыткой преодоления сильного влияния, которое Лермонтов оказал на Григорьева как поэта, и это влияние как научная тема было обсуждено (и тем самым тема отчасти закрыта) во вступительной статье П.П. Громова к тому Григорьева в «Библиотеке поэта». (Уже в дискуссии на Лермонтовской конференции Журавлевой и Жуковской рекомендовали обратиться не только к статьям Григорьева, но и к его текстам другого типа.) Пожалуй, единственный мотив доклада, который нашел прямое продолжение и развитие именно в лермонтоведческих работах Журавлевой, — «комическое разоблачение “внешних”, “фальшивых” сторон лермонтовского типа», которое Григорьев видел «в произведениях эпигонов Лермонтова и особенно в повести Авдеева “Тамарин”» (об этом статья Журавлевой «Печорин и печоринство в 1840-е–1850-е годы: жизнь литературного образа в истории» (1991)).

Сохранился корпус писем Журавлевой подруге по турбинскому семинару Леонтине Сергеевне Мелеховой от 1961–1962 гг. (Мелехова тогда преподавала русский язык на Кубе). Дважды, описывая ежедневные рутинные дела, Журавлева цитирует Григорьева: 17 марта 1961 г.: «... жизнь веду мелкую по объему и значению», и 19 октября, упоминая о первом издании А. Белинкова «Юрий Тынянов», вышедшем осенью 1960 г. и, видимо, обсуждавшемся в семинарской среде отчасти скептически: «... бывают странные книги, но едва ли найдется книга страннее... Автор ее, как говорит шеф, кивая на Аполлона Григорьева, — “странный блестящий метеор”». В письме от 21 декабря того же 1961 г., в ожидании возвращения в Москву Ляли на новогодние каникулы, идет речь об упомянутой нами статье про Лермонтова в критике: «...но в ней о Григорьеве совсем немного — компания разрослась». Григорьев встречается и в переписке почти за полвека с Клеопатрой Владимировной Агеевой, участницей семинара, ближайшей подругой Анны Ивановны со второй половины 1960-х годов, переехавшей в Ленинград. Лора Агеева дружила с Д.Е. Максимовым, занималась Розановым. В начале 1970-х Григорьев возникает в связи с Розановым; отвечая на какой-то вопрос и комментируя соображения, которыми Лора делилась относительно этих штудий, Анна Ивановна напоминает: «Григорьев, кстати, разглядел в Бухарева то, что не увидел или на-

⁹ Тема «Григорьев о Лермонтове» будет, однако, предложена как потенциально плодотворная в Лермонтовском семинарии, написанном Журавлевой в соавторстве с Турбиным (1967).

меренно искажил Розанов, и словно бы его поправил, говоря о “духовных централизаторах”. Помнишь его “Оппозицию застоя”?» 28 марта 1978 г. Лора Агеева просит прислать сборник «Контекст-1977», в котором опубликована статья С.Г. Бочарова «Эстетическое охранение в литературной критике. Константин Леонтьев в русской литературе». Анна Ивановна отправляет этот сборник 10 апреля, сопровождая сообщением: «Статью Бочарова обсуждали три дня назад бурно. Сережа Александров не унимался, впечатленный нападками Леонтьева на обидчиков Григорьева, “односторонних моралистов”. Теперь он и нас так называет по разным поводам» (все цитируемые письма — материалы личного архива). Эти штрихи уточняют наши представления о формах и интенсивности присутствия Григорьева в московской интеллектуальной среде 1960–1970-х годов.

В 1980 г. в серии «Памятники эстетической мысли» выйдет подготовленный А.И. Журавлевой том комментированных републикаций журнальных статей Григорьева, — Сергей Михайлович Александров, в те годы редактор издательства «Искусство», вспоминал, что инициировал и «лоббировал» книгу. В большом и принципиально значимом предисловии Журавлева пишет о Григорьеве как важнейшем для нее мыслителе, не требующем оправданий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богомолов Н.А. Собиратель: Иван Никанорович Розанов и его время. М., 2021. 687 с.
2. Жуковская Е.Е. Вспоминая Аню Журавлеву // Памяти Анны Ивановны Журавлевой. М., 2012. С. 23–48.
3. Зыкова Г.В., Пенская Е.Н. Семинар В.Н. Турбина в переписке его участников 1960-х годов // Новый мир. 2019. № 11. С. 159–169.
4. Зыкова Г.В., Черняков А.А. Турбинский семинар и окрестности (конец 1950-х — 1960-е годы) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. № 4. С. 119–130.
5. <Черняков А.А.> Некрасов и семинар В.Н. Турбина: разговоры с Анатолием Аркадьевичем Черняковым // Живем словом: Всеволод Некрасов в письмах и воспоминаниях. М., 2022. С. 300–318.

REFERENCES

1. Bogomolov N.A. *Sobiratel': Ivan Nikanorovich Rozanov i ego vremya* [The collector Ivan Nikanorovich Rozanov and his time.]. Moscow: *Azbukovnik Publ.*, 2021. (In Russ.)
2. Zhukovskaia E.E. *Vspominaia Aniu Zhuravlevu* [Remembering Anya Zhuravleva]. *Pamiati Anny Ivanovny Zhuravlevoi* [In memory of Anna Ivanovna Zhuravleva]. Moscow: *Tri kvadrata Publ.*, 2012. P. 23–48. (In Russ.)
3. Zyкова G.V., Penskaia E.N. *Seminar V.N. Turbin' v perepiske ego uchastnikov 1960 kh godov* [Seminar of V.N. Turbin' in the correspondence of its participants of the 1960s]. *Novyi mir*. The New World Magazine. 2019. №1 1. P. 159–169. (In Russ.)

4. Zykova G.V., Cherniakov A.A. Turbinskii seminar i okrestnosti (konets 1950-kh-1960-e gody) [Turbinsky Seminar of V.N. Turbin and surroundings (late 1950s-1960s)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. — The Herald of Moscow State University. Series 9. Philology. 2016. № 4. P. 119–130. (In Russ.)
5. <Cherniakov A.A.> Nekrasov i seminar V.N. Turbina: razgovory s Anatoliem Arkad'evichem Cherniakovym [Nekrasov and the seminar of V.N. Turbin: conversations with Anatoly A. Chernyakov]. *Zhivem slovom: Vsevolod Nekrasov v pis'makh i vospominaniakh* [We live by the word: Vsevolod Nekrasov in letters and memoirs]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2022, pp. 300–318. (In Russ.)

Поступила в редакцию 10.08.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Отредактирована 11.10.2022

Received 10.08.2022

Accepted 11.10.2022

Revised 11.10.2022

ОБ АВТОРАХ

Зыкова Галина Владимировна — профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры русской классической литературы Института филологии и истории РГГУ; gzykova@mail.ru

Пенская Елена Наумовна — профессор Школы филологических наук факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики», профессор кафедры ИФЛИ ГИТИС, ведущий научный сотрудник, руководитель группы Центра междисциплинарных исследований МФТИ; e.penskaya@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Galina Zykova — Professor, Department of the History of Contemporary Literature and Modern Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Department of the History of Russian Classical Literature, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities; gzykova@mail.ru

Elena Penskaia — Professor, School of Philological Studies, Faculty of Humanities, HSE University, Professor, Department of the History, Philosophy and Literature, Russian Institute of Theater Arts, Leading Researcher, Head of the group of the Center for Interdisciplinary Studies, MIPT; e.penskaya@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

НИЧИПОРОВ И. Б. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПРАВОСЛАВИЕ: ПУТИ ДИАЛОГА В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Филология» направления подготовки «Филология». М.: МАКС Пресс, 2022. — 232 с.

Л.Г. Кихней

Московский университет имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия; lgkikhney@yandex.ru

Аннотация: Рецензия имеет безусловно положительный характер, кратко описывается диапазон обсуждаемого в книге материала, комментируется его отбор, оценивается и объясняется польза книги как учебного пособия не только для высшей, но и для средней школы.

Ключевые слова: русская литература; православие; проблемы преподавания русской литературы

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-213-216

Для цитирования: Кихней Л.Г. Ничипоров И. Б. Русская литература и Православие: пути диалога в истории и современности: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Филология» направления подготовки «Филология». М.: МАКС ПРЕСС, 2022 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. № 6. С. 213–216.

N I C H I P O R O V I. B. RUSSKAYA LITERATURA I PRAVOSLAVIE: PUTI DIALOGA V ISTORII I SOVREMENNOSTI (RUSSIAN LITERATURE AND ORTHODOXY: Ways of dialogue in history and modernity). Textbook for students of higher educational institutions specialising in philology, field of study “Philology”. Moscow: MAKS Press, 2022. — 232 pp.

Liubov’ Kikhnei

Griboedov Moscow University, Moscow, Russia; lgkikhney@yandex.ru

Abstract: The review is definitely positive. It briefly describes the range of material discussed in the book, comments on its selection, evaluates and explains the benefits of the book as a textbook not only for higher but also for secondary school.

Key words: Russian literature; Orthodoxy; Russian literature teaching

For citation: Kikhnei L. (2022) Nichiporov I.B. Russkaya Literatura i Pravoslavie: Puti Dialoga v Istorii i Sovremennosti (Russian Literature and Orthodoxy: Ways of Dialogue in History and Modernity). Textbook for Students of Higher Educational Institutions Specialising in Philology. Moscow: MAKS Press, 2022. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 213–216.

Главное достоинство труда Ильи Борисовича Ничипорова в принципиально новом и оригинальном подходе к объекту и предмету исследования — диалогу православия и русской литературы. Этот подход, во-первых, позволил автору концептуализировать обширный и весьма разнородный по темам, направлениям, родам и жанрам материал, во-вторых, позволил религиозные категории рассмотреть не имманентно, а в системных взаимосвязях с художественными и литературно-критическими произведениями.

Поражает охват рассматриваемого материала — от первых памятников древнерусской книжности XI в. до новейшей прозы начала XXI в. Конечно, автор при этом использует разную исследовательскую оптику.

В первой главе главенствует «панорамный» взгляд на диалог русской литературы и религии, прочерчивается магистральный сюжет этого диалога с его эпохальными перипетиями и ключевыми фигурами. Автор абсолютно справедливо отмечает, что именно христианское мироощущение сформировало у российских писателей ту «ценностей незыблемую скалу», по которой мерялись и исторические события, и народные судьбы, и человеческие характеры.

Включение религиозных параметров в осмысление литературных произведений, даже тех, в которых, казалось бы, не затрагивается христианская проблематика, дает перспективу иного, более глубокого осмысления классических шедевров, будь то «метафизические» оды Державина, пушкинский «Евгений Онегин», пьесы Чехова или «Мастер и Маргарита» Булгакова.

Во второй — самой объемной — главе в фокусе авторского внимания индивидуальные художественные миры наших классиков XIX и XX вв., а также скрупулезно отобранные в соответствии с авторским замыслом произведения писателей конца XX — начала XXI в.

Каждый параграф-медальон этой главы затрагивает ту или иную грань диалога русской словесности и православия — случаи, когда христианские идеалы и лежат в основе характеров героев, их целеполагания, самого жизненного уклада (Алеша Карамазов Ф. Достоевского, персонажи И. Шмелева, Б. Зайцева, В. Распутина, О. Волкова, А. Сегеня); экзистенциальные сюжеты богоискательства и

интуитивных христианских прозрений (в произведениях М. Горького, Л. Андреева, С. Есенина, И. Чиннова, Н. Рубцова); случаи кризиса веры, ощущения богооставленности или интенции богоборчества (в публицистике Л. Толстого и А. Блока, в поэмах В. Маяковского, в романе А. Иванова «Общага-На-Крови»).

Заслуживает самой высокой оценки полифонический охват в этой главе всех граней и валентностей духовно-религиозных исканий русской литературы на протяжении полутора веков. Однако основной нерв реализации авторского замысла связан с художественным отображением спасительной силы религиозного чувства, глубинным воплощением христианского стоицизма, пронизывающего отечественную словесность, когда герои и сюжетные коллизии являют силу духа, мужественное сопротивление трагическим обстоятельствам бытия.

Почему, например, И.Б. Ничипоров рассматривает не благолепное «Лето Господне» И. Шмелева, а его трагическую повесть «Солнце мертвых»? Как раз потому, что в «многоголосом» осмыслении исторической катастрофы, по верному суждению автора, «намечаются пути спасительного исхода из тупиков потрясенного и отчужденного от действительности сознания — через общение со страждущим природным бытием», то есть благодаря православному взгляду на мир как Божие творение.

Отдельного внимания и горячего одобрения заслуживает третья глава учебного пособия, в котором русская классика и литература Серебряного века показаны сквозь призму восприятия православно ориентированных философов и писателей (С. Франка, Б. Зайцева, Н. Бердяева, С. Булгакова, И. Ильина).

Автор в этой главе достигает сразу двух целей: во-первых, русская литература преломлена в ряде философских «зеркал»; во-вторых, объектом осмысления становится сама литературно-критическая рефлексия наших видных христианских мыслителей, открывающих духовные глубины отечественной литературы, подчас нивелированные революционно-демократической критикой и советским литературоведением.

В связи с этим следует отметить значимый методологический вклад Ильи Борисовича в восприятие, интерпретацию и изучение русской литературы в рамках учебных курсов. Этот вклад, основанный на собственном педагогическом опыте преподавания в Коломенской духовной семинарии (отраженном в четвертой главе и дополненном интересными творческими заданиями в финале пособия), чрезвычайно ценен, как мне кажется, для светских учебных заведений как высшей, так и средней школы.

Если школьник (независимо от его религиозной ориентации) при изучении «Евгения Онегина» примет во внимание духовно-моральные установки христианства, то ему, например, будет более понятен отказ замужней (венчанной) Татьяны Онегину, или глухая тоска Онегина после убийства на дуэли Ленского... Подобных примеров можно привести множество.

Самой высокой оценки заслуживает стиль изложения. Аналитическое повествование в пособии, не теряя научно-академического модуса, проникнуто таким телеологическим теплом и скрытым горячим авторским чувством, что, открыв книгу на любой странице, от нее невозможно оторваться: так велика ее суггестивная сила.

Книга И.Б. Ничипорова — уникальный в жанровом отношении труд, объединяющий монографическую глубину охвата материала, острую дискуссионность поднимаемых проблем и методологически ценные их разработки, характерные для жанра учебного пособия. Уверена, что эта книга будет востребована и учеными-филологами, и школьными преподавателями, и студентами, и аспирантами. Полагаю, что она также будет интересна широкому кругу читателей, интересующихся русской духовной культурой.

Поступила в редакцию 28.06.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Отредактирована 26.10.2022

Received 28.06.2022

Accepted 11.10.2022

Revised 26.10.2022

ОБ АВТОРЕ

Кихней Любовь Геннадьевна — профессор, зав. кафедрой истории журналистики и литературы факультета журналистики Московского университета имени А.С. Грибоедова; lgkihney@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Liubov' Kikhnei — Professor, Chair of the Department of Literature and Journalism History, Faculty of Journalism, Griboedov Moscow University; lgkihney@yandex.ru

**Ч Е К А Л О В К. А. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ТИПОЛОГИИ
ФРАНЦУЗСКОЙ МАССОВОЙ ПРОЗЫ XIX — НАЧАЛА
XX ВЕКА. СПб.: Нестор-История, 2022. — 286 с.**

Н.Т. Пахсарьян

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; ИНИОН
РАН; Москва, Россия; npakhsarian@gmail.com*

Аннотация: В рецензии анализируется книга известного ученого, доктора филологических наук, заведующего отделом классических литератур Западного и сравнительного литературоведения К.А. Чекалова, продолжающего серию исследований массовой французской литературы от истоков до начала прошлого столетия. Автор не ставит целью охватить все феномены массового в литературе полутора веков, стараясь одновременно заполнить лакуны в их изучении, обратиться к наименее изученным произведениям тех романистов, к которым уже обращались его предшественники (Эжен Сю, Александр Дюма, Морис Леблан), к малоисследованным сочинителям (Поль Феваль, Понсон дю Терайль, Ксавье де Монтепен и др.), а также к тем известным писателям, чья связь с массовой литературой не прояснена (Жюль Верн). Состоящая из 11 очерков монография Чекалова дает представление не только о поэтике и функции массового романа во Франции XIX — начала XX вв., но и показывает особенности его рецепции в России — от первых изданий переводов до публикаций 2000-х годов.

Ключевые слова: массовая литература; типология популярной прозы; готический роман; морской роман; приключенческий роман; Э. Сю; А. Дюма; Ж. Верн; М. Леблан

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-217-223

Для цитирования: Пахсарьян Н.Т. Чекалов К. А. Очерки истории и типологии французской массовой прозы XIX — начала XX века. СПб.: Нестор — История, 2022 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 217–223.

**С Н Е К А Л О В К. А. OCHERKI ISTORII I TIPOLOGII
FRANTSUZSKOY MASSOVOY PROZY XIX — NACHALA
XX VEKA (ESSAYS ON THE HISTORY AND TYPOLOGY OF FRENCH
MASS PROSE OF THE 19th– EARLY 20th CENTURY). —
St.Petersburg: Nestor-History, 2022. — 286 pp.**

Natalia Pakhsarian

*Lomonosov Moscow State University; Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
npakhsarian@gmail.com*

Abstract: The review analyses a book by K. A. Chekalov — a well-known scholar, Doctor of Philology, Head of the Department of Classical Literatures of the West and Comparative Literature Studies. His work continues the series of studies of mass French literature from its origins to the beginning of the last century. The author does not aim to cover all the phenomena of mass literature over a century and a half, trying at the same time to fill the gaps in their research, to turn to the least studied works of those novelists which his predecessors had already addressed (Eugène Sue, Alexandre Dumas, Maurice Leblanc), to the less explored writers (Paul Feval, Ponson du Terrailles, Xavier de Montepin, etc.), as well as those famous writers whose relationship to mass literature is still ambiguous (Jules Verne). Comprising 11 essays, Chekalov's monograph not only provides an insight into the poetics and function of the mass novel in nineteenth- and early twentieth-century France, but also shows the nature of its reception in Russia, from the first published translations to the publications of the 2000s.

Key words: mass literature; typology of popular prose; Gothic novel; sea novel; adventure novel; E. Sue; A. Dumas; J. Verne; M. Leblanc

For citation: Pakhsarian N.T. (2022) Chekalov K. A. Ocherki Istorii i Tipologii Frantsuzskoy Massovoy Prozy XIX — nachala XX veka (Essays on the History and Typology of French Mass Prose of the 19th– Early 20th Century). St. Petersburg: Nestor — History, 2022. — 286 p. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 217–223.

Новая монография К.А. Чекалова — продолжение его изысканий в области массовой литературы во Франции, начатых ученым еще в первой половине 2000-х годов. Его интересовали как истоки подобного феномена, процесс его формирования в XVII — начале XVIII вв., так и становление отдельных жанров — разбойничьего романа, детектива и др. В статьях разных лет, опубликованных и в отечественных, и в зарубежных журналах, ученый обращался к изучению творчества Дюкре-Дюминиля и Эжена Сю, цикла романов о Фантомасе и особенностей нарратива в массовом романе Мориса Ренара, влияния французской беллетристики на русскую массовую литературу и т.п. Объектом монографического исследования стала одна из знаковых фигур зрелой стадии популярной романистики — Гастон Леру. Тем отраднее констатировать, что рецензируемая монография представляет собой не сборник предшествующих текстов, связанных с проблемами массовой литературы, а обращение к еще не изученным отечественными, да и зарубежными учеными в полной мере феноменам, к еще не проанализированным в избранном ракурсе произведениям. Так, в главах, посвященных Э. Сю, автор монографии обращается к ранним сочинениям писателя, созданным до известного романа «Парижские тайны» — «Артюр», «Матильда», и к недостаточно до сих пор изученному роману «Вечный жид»; в главе об А. Дюма его внимание привлекает готический роман в

творчестве прославленного сочинителя историко-приключенческих произведений; в главах о творчестве Жюль Верна он доказательно разрушает устоявшиеся штампы о поэтике этого знаменитого романиста, и т.д. Кроме того, в книгу вошли не только произведения тех писателей, имена которых обозначены в названиях 11 разделов монографии, историко-литературный контекст анализа гораздо шире. Так, например, К.А. Чекалов рассматривает целый ряд сочинений в жанре романа плаща и шпаги, где, наряду с романами Дюма, относящимися к этой жанровой модификации, анализирует и другие произведения этого типа, распространившиеся во Франции во второй половине XIX в., а также те, что являются «важными вехами на пути становления романа плаща и шпаги» (с. 129) — исторические романы А. де Виньи, П. Мериме, Т. Готье.

Каждый раздел монографии представляет собой вполне цельный литературный портрет писателя (напр.: «Поль Феваль: правда о “бездарном писаке”» или «Морис Леблан до Арсена Люпена») или произведения (напр.: «Роман Эжена Сю “Вечный жид” и его судьба в России» или «“Прекрасный желтый Дунай” в контексте поздних романов Жюль Верна»), затрагивает отдельную проблему — литературной репутации («Понсон дю Террайль: к проблеме становления литературной репутации»), сценичности, театральности универсума популярного романа («Сценичность и театр в романах Понсона дю Террайля»), читательской рецепции («Романы Ксавье де Монтепена и их читатели»), усвоения той или иной предшествующей традиции («Тень Гофмана» в творчестве Жюль Верна). В то же время все зарисовки связаны между собой и в результате дают широкую панораму литературной жизни французской «второй прозы». Автор уточняет периодизацию популярного романа, данную У. Эко («романтико-героический», «буржуазный», «негероический» периоды), справедливо заметив, что «буржуазный период» начинается еще «внутри» «романтико-героического», а также выделив переходные явления между этими периодами (с. 6–7). Он осознает при этом, что один и тот же автор может восприниматься и как классик, и как сочинитель популярной прозы (см. об этом в разделах о творчестве Жюль Верна), ведь границы между элитарным и массовым и в XIX в. были столь же подвижны и неустойчивы, как и ныне.

Эти наблюдения, как представляется, хорошо укладываются в концепцию жанрово-стилевой интерференции элитарной и массовой литератур, высказанную мной в давней небольшой статье [Пахарьян, 2001]. Думается, эта концепция помогла бы прояснить своеобразие читательской рецепции не только творчества Дюма, но и некоторых романов Бальзака или Гюго как автора «Отверженных»: не только массовая проза испытывала влияние «классиков», но и

«элитарные» сочинения достаточно часто вбирали в себя, трансформируя, «массовую» поэтику. Жаль, что К.А. Чекалов не обратил внимание на работу, исследующую «Отверженных» как популярный роман [Wandzioch, 2002], а также на статью о рецепции Гюго в России как «автора для народа» [Truel, 2015]. Впрочем, очевидно, что охватить все проблемы массовой словесности было невозможно, что осознавал и сам ученый, поясняя неизбежную ограниченность исследуемого материала (с. 279), невозможность «объять необъятное».

Тем не менее автору монографии удалось показать разнообразие популярной романистики второй половины XIX в., увидеть ее не как совокупность однообразных приемов привлечения читательского интереса, а с точки зрения тех художественных усилий, которые свидетельствуют и об утратах, и об обретениях «второй прозы». Подобный анализ не означает механического перевода того или иного писателя из разряда массовых в элитарные, однако позволяет убедиться, что роман Сю «Вечный жид» «не соответствует расхожему представлению об этой книге как ходульном “бульварном” сочинении» (с. 48), что у «бездарного писака» Поля Феваля можно встретить «более современную» писательскую манеру, чем у Сю, а также «искусное переключение жанровых регистров» (с. 69), что даже ранний, наиболее близкий готической традиции роман Дюма демонстрирует «явное стремление к нарративному экспериментированию» (с. 109–110), а зрелые сочинения тем более «представляют собой интересные писательские эксперименты» (с. 118), что «проза Понсона дю Террайля, ни в коей мере не претендуя на литературные высоты, представляет интерес и обладает достаточно высоким уровнем метатекстуальности» (с. 174), и т.д. Кроме того, К.А. Чекалов обращает внимание на то, как популярные романы XIX в., отмеченные своего рода жанровой эклектичностью, постепенно подготавливают более четкое разделение на жанры массовой литературы XX в.: так, он выделяет «переходную фигуру» Ксавье де Монтепена, творчество которого «перебрасывает мостик между массовой продукцией середины XIX столетия и детективным романом, окончательно сформированным в творчестве Гастона Леру в 1900–х годах» (с. 192).

Особенно любопытны разделы о Жюлье Верне, где К.А. Чекалов анализирует творчество классика французской литературы XIX в. в поле массовой словесности, открывая в нем особую «ревизию мифопоэтики немецкого романтизма» (с. 234), отыскивая «тень Гофмана» в научно-фантастических коллизиях верновских сочинений. Здесь ученому приходится вести обоснованную полемику с интерпретаторами наследия Ж. Верна «как писателя детского, далекого от магистральной линии эволюции французской словесно-

сти» (с. 239). Рассматривая пять «посмертных» романов Ж. Верна (т.е. написанных в последние годы жизни писателя и напечатанных после его кончины), автор тщательно поясняет, какие тексты дошли до читателей в оригинальном виде, какие подверглись редакции сына писателя, Мишеля Верна, а какие и вовсе были в основном написаны не отцом, а сыном. Ученый подробно останавливается на анализе романа «Прекрасный желтый Дунай», фиксируя стремление Жюль Верна «отойти от той самой авантюрной занимательности, которой он отдал дань в наиболее знаменитых своих романах, и настроить читателя на медитативный лад» (с. 250). Становится очевидно необходимость углубленного и целостного исследования наследия Ж. Верна, обладающего, по верному замечанию автора монографии, более широкой жанровой палитрой, чем принято думать.

Важным достоинством рецензируемой монографии является и особое внимание, которое К.А. Чекалов уделяет вопросам рецепции французской массовой прозы в России, отзывам о них критики, а также анализу переводов популярных романов на русский язык. Чрезвычайно удачным было решение автора не выделять эти вопросы в отдельный очерк, а в каждом конкретном случае обратить внимание на историю переводов того или иного произведения на русский язык, познакомить с отзывами критики позапрошлого века о переведенных книгах, показать, какими достоинствами и недостатками обладают старые переводы, тем не менее до сих пор используемые в публикациях романов. К.А. Чекалов справедливо сетует на то, что в перепечатках переводов Сю, выполненных в XIX в., сохранена даже старая орфография («Партенон» вместо «Парфенон»), что в них нет ни комментариев, ни даже предисловия. Между тем многие из этих старых переводов были художественно слабы, к тому же зависели от цензуры. Особенно интересен сопоставительный анализ оригинала и нескольких русских переводов «Вечного жида» (с. 57–65). Отмечая всплеск интереса к творчеству Ксавье де Монтепена в современной России, автор монографии отмечает, что, хотя среди переводов его произведений «имеются несомненные удачи» (с. 219), однако в целом тексты не только в ряде случаев сокращены, но и пестрят ошибками. Подробный разбор этих ошибок (с. 220–222) демонстрирует, что Кирилл Александрович владеет не только литературоведческим анализом, но и мастерством перевода.

Книга включает весьма полезную для исследователей библиографию. Хотя в нее внесены только монографии и диссертации, вместе со ссылками в главах книги на статьи по проблемам массовой литературы, читатели могут убедиться, что автор использует практически все важнейшие работы, связанные с интересующей его про-

блематикой¹, отдает должное сделанному предшественниками. Его позиция при этом вполне самостоятельна, он часто оспаривает те или иные оценки, интерпретации произведений, доказательно их уточняя или даже опровергая. Чувствуется, что общая концепция автора монографии глубоко обоснована, опирается на тщательное и многолетнее изучение проблемы. Пожалуй, только касаясь развития французской традиции готического романа, исследователь несколько преувеличивает значение английского влияния и, кроме того, полагает, что мода на готику была во Франции менее длительной и интенсивной (с. 99). Полагаю, что обращение к некоторым отечественным и зарубежным исследованиям последних лет [Пахсарьян, 2013; *Imaginaires gothiques*, 2010] поможет автору в дальнейшем подробнее и точнее проследить судьбу готической традиции во Франции.

Исследование завершается краткими, но убедительными выводами о том, что «многие произведения массовой литературы являются не менее существенными явлениями литературного процесса, чем “высокая” литература» (с. 279), констатацией относительности границы между двумя «ярусами» романной прозы, утверждением, что для становления массового романа важную роль сыграло взаимодействие с романами Бальзака. Одновременно становится ясна перспектива дальнейшего изучения материала, которое, как можно надеяться, ученый продолжит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кириленко Н.Н. Классический детектив как жанр криминальной литературы. Инвариант и генезис. М., 2020.
2. Моисеев П.А. Поэтика детектива. М., 2017.
3. Пахсарьян Н.Т. Литература и паралитература: проблема интерференции // Филология в системе современного университетского образования. М., 2001. С. 11–13.
4. Пахсарьян Н.Т. Ранний Гюго и готическая традиция во французской литературе // Виктор Гюго. Ган Исландец. Бюг-Жаргаль. М., 2013. С. 579–633.
5. *Imaginaires gothiques. Aux sources du roman noir français / Sous la dir. de Catriona Seth*. P., 2010.
6. Truel M. Victor Hugo, un écrivain populaire? Victor Hugo dans la littérature destinée au peuple en Russie (années 1880 -1910) // *Revue des études slaves*. 2015. Vol. LXXXVI. N 3. P. 307–318.
7. Wandzioch M. Les Misérables de Victor Hugo — roman populaire (?) // *Virtualités du littéraire: mélanges offerts à Alexander Ablamowicz*. Katowice, 2002. S. 222–231.

¹ К сожалению, в библиографии не указаны две монографии, посвященные жанру детектива [Кириленко, 2020; Моисеев, 2017], но, возможно, это объясняется тем, что в этой работе К.А. Чекалов не рассматривает детективный жанр в его «чистом» виде, оставляя в стороне, в частности, романы М. Леблана об Арсене Люпене.

REFERENCES

1. Kirilenko N.N. *Klassicheskij detektiv kak zhanr kriminal'noj literatury*. *Invariant i genesis* [Classical detective as a genre of criminal literature. Invariant and genesis]. M.; Ekaterinburg: *Kabinetny'j ucheny'j Publ.*, 2020. 245 s. (In Russ.)
2. Moiseev P.A. *Poe'tika detektiva* [Poetics of the detective]. M.: *Izdatel'skij dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki*, 2017. 239 s. (In Russ.)
3. Paxsar'yan N.T. Literatura i paraliteratura: problema interferencii [Literature and paraliterature: the problem of interference]. *Filologiya v sisteme sovremennogo universitetskogo obrazovaniya*. — Philology in the system of modern university education. M.: *URAO Publ.*, 2001. S. 11–13. (In Russ.)
4. Paxsar'yan N.T. Rannij Gyugo i goticheskaya tradiciya vo francuzskoj literature [Early Hugo and Gothic Tradition in French Literature] *Victor Hugo. Gan Icelandic. Bugh-Jargal*. M.: *Ladomir-Nauka Publ.*, 2013. S. 579–633. (In Russ.)
5. *Imaginaires gothiques. Aux sources du roman noir français* / Sous la dir. De Catriona Seth. P.: Desjonquères, 2010. 264 p.
6. Truel M. Victor Hugo, un écrivain populaire? Victor Hugo dans la littérature destinée au peuple en Russie (années 1880–1910). *Revue des études slaves*. 2015. Vol. LXXXVI. N 3. P. 307–318.
7. Wandzioch M. Les Misérables de Victor Hugo — roman populaire? *Virtualités du littéraire: mélanges offerts à Alexander Ablamowicz*. Katowice: *Wydawnictwo Uniwersytetu Slaskiego*, 2002. S. 222–231.

Поступила в редакцию 10.06.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Отредактирована 21.10.2022

Received 10.06.2022

Accepted 11.10.2022

Revised 21.10.2022

ОБ АВТОРЕ

Пахсарьян Наталья Тиграновна — профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН; npakhsarian@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Natalia Pakhsarian — Professor, Department of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Department of Literary Criticism, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; npakhsarian@gmail.com

**ПАУТКИН А. А. ОТ КНИЖНОСТИ К ЛИТЕРАТУРЕ
(ИЗ ЛЕКЦИЙ И НАБЛЮДЕНИЙ): СБОРНИК СТАТЕЙ. —
М., 2020. — 240 с.**

Л.А. Трахтенберг

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; Lev_A_T@inbox.ru*

Аннотация: В новой книге профессора МГУ А.А. Пауткина собраны статьи по истории древней и новой русской литературы. Книгу отличает разнообразие исследовательских подходов. В ней проводятся параллели между средневековыми памятниками и произведениями Нового времени, исследуются международные связи русской литературы, разрабатываются историко-культурные, источниковедческие и искусствоведческие аспекты изучения словесности.

Ключевые слова: древнерусская книжность; русская литература Нового времени

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-224-227

Для цитирования: Трахтенберг Л.А. Пауткин А. А. От книжности к литературе (из лекций и наблюдений): Сборник статей. М., 2020 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2020. № 6. С. 224–227.

**P A U T K I N A. A. OT KNIZHNOSTI K LITERATURE
(IZ LEKCIY I NABLYUDENIY): SBORNIK STATEY
(RUSSIAN LITERATURE, FROM MEDIAEVAL TO MODERN
(LECTURES AND OBSERVATIONS): COLLECTED PAPERS).
MOSCOW, 2020. — 240 p.**

Lev Trakhtenberg

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Lev_A_T@inbox.ru

Abstract: The new book by Alexey Pautkin, professor at Lomonosov Moscow State University, is a collection of papers on various aspects of Russian literary history. The book comprises two parts, the first one concerning mediaeval and the second modern literature. The book features diverse research approaches, comparing mediaeval and modern as well as Russian and foreign literature and interweaving criticism with adjacent disciplines, from chronology to art history and cultural studies.

Key words: mediaeval and modern Russian literature

For citation: Trakhtenberg L.A. (2022) P a u t k i n A. A. Ot Knizhnosti k Literature (Iz Lekciy i Nablyudeniy): Sbornik Statey (Russian Literature, from Medieval to Modern (Lectures and Observations): collected papers). Moscow, 2020. — 240 pp. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 224–227.

В книге А.А. Пауткина собраны 24 статьи, посвященные различным аспектам изучения истории русской литературы, древней и новой. Емкое заглавие отражает структуру и концепцию работы. Сборник состоит из двух частей: первая включает статьи, посвященные книжности Древней Руси, вторая — работы по литературе Нового времени. Перед читателем разворачивается историческая панорама отечественной словесности. Концептуальный смысл книги — в утверждении преемственности и единства истории русской литературы, являющих себя в многообразии жанров, приемов и авторских позиций. Эта идея наглядно демонстрируется в заключающей книгу статье «Медиевистическое источниковедение литературы нового времени в системе многоступенчатого филологического образования», посвященной связям литературы XIX–XX вв. с древнерусскими источниками и педагогической интерпретации этой темы в высшей школе.

Хронологические рамки первой части — XI–XV вв., от древнейшего памятника русской словесности — «Повести временных лет» — до «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, произведения, знаменующего жанровое и концептуальное обновление древнерусской литературы. Жанровый диапазон рассмотренного в разделе материала широк. Здесь и исторический дискурс летописей и воинских повестей, и агиография, и хождения, и торжественное красноречие, представленное «Словом похвальным» инок Фомы.

Включенные в раздел статьи посвящены поэтике древнерусской книжности. Разнообразие представленных в них подходов к анализу материала иллюстрирует методологическую широту этой отрасли медиевистики. Каждая тема требует своей исследовательской оптики, соответствующей типу задачи. Так, в статье «Древнерусская рукописная традиция и духовный подвиг князя-книжника», посвященной волынскому князю второй половины XIII в. Владимиру Васильковичу, применен биографический метод: по древнерусским источникам, центральное место среди которых занимает летописная некрологическая статья, восстанавливается красочный портрет мудрого князя. В статье «Летописец, агиограф или очевидец. Многоликий автор “Повести об убиении Андрея Боголюбского”» внимание сосредоточено на другой фигуре — не персонажа, а автора. Оба образа: книжника-«писателя» и персонажа — тверского князя середины XV в. Бориса Александровича — воссоздаются в статье

«Инока Фомы “Слово похвальное”. Самовидец и самодержец». А в статье «Слово и изображение. Борисоглебские миниатюры Радзивиловской летописи и Сильвестровского сборника» проведено сопоставление двух видов искусства — литературы и живописи, объединенных в комплексном средневековом памятнике — иллюминированной рукописи. Статья «Два взгляда на чудо. Игумен Даниил и Фулькерий Шартрский» — пример медиевистической компаративистики: древнерусский памятник сопоставляется здесь со средневековым западноевропейским. Статья «Невербальные аспекты коммуникации в летописном тексте» посвящена семиотике и своеобразной эстетике позы, жеста, нашедшей выражение в книжности средневековой Руси. А статья «Семантика потерянного времени. К хронологии летописных известий о зодчестве XI–XIII вв.» связывает поэтику с источниковедением: объединенная тематикой и топикой группа известий имеет прямое отношение к хронологии русской истории. В статье «“Рекоша новгородци”. Средневековый город глазами летописца» на летописном материале разрабатывается история повседневности.

Через раздел проходят несколько сквозных тем и методологических линий. Это, например, история визуальности — реконструкция точки зрения древнерусского книжника. Это военная история, раскрывающаяся разными гранями в переводной «Истории Иудейской войны» и оригинальной «Повести о взятии Царьграда». Это, наконец и прежде всего, история личности, выражающей себя в книжном слове, часто противоречивой и драматичной, как Нестор Искандер, осознающий себя отступником во вражеском лагере, или Афанасий Никитин, на годы оторванный от родной земли.

Разнообразна тематика второй части книги. Здесь и литература от XVIII до XXI в., и изобразительное искусство, и кинематограф; предметом исследования также становится история филологической и искусствоведческой науки. Среди жанров, на которых сосредоточено внимание автора, — роман и басня, путевые заметки и мемуары, дневник и письмо.

Предметом рассмотрения становится творчество классиков: среди них Державин, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Толстой, Достоевский, Лесков. Но особое место занимают здесь авторы малоизвестные и забытые: это, например, вятский поэт XVIII в. Гавриил Софрониевич Шутов или Маргарита Владимировна Ямщикова (1872–1959), писавшая под псевдонимом *Ал. Алтаев*. Исследуя их творчество, автор восстанавливает историческую справедливость.

Статьи раздела также обращены к малоизученным фактам истории русской литературы. Тонкий и глубокий филологический ком-

ментарий дается к таким текстам, как мемуары Державина или дневники великого князя Константина Константиновича, известного под поэтическим псевдонимом К.Р.

Магистральное направление раздела — источниковедение. Читатель встретит здесь неожиданные параллели: «Письма русского путешественника» Карамзина и «История Семилетней войны» И.-В. Архенгольца, искусствоведческие труды Буслаева и Э.Э. Виолле-ле-Дюка, повесть Ал. Алтаева «Разоренные гнезда» и «Житие протопопа Аввакума», древнерусские памятники, посвященные Ивану Грозному, и позднейшие, от XIX до XXI в., художественные интерпретации его образа.

Литература воспринимается неотрывно от топографических реалий и бытовой фактуры. Вместе с автором читатель, развертывая старые карты, следует в Яранск и Казань, где провел детство и юность Державин, проходит по улицам допожарной Москвы, память о которой сохранила литература. Обретают наглядность детали военных мундиров XIX столетия, много говорившие современнику, но сегодня нуждающиеся в комментариях.

Книга А.А. Пауткина будет интересна и ученому — филологу, историку, искусствоведу, и студенту-гуманитарию, и широкому читателю — любителю отечественной культуры.

Поступила в редакцию 23.09.2021

Принята к публикации 11.10.2022

Отредактирована 26.10.2022

Received 23.09.2021

Accepted 11.10.2022

Revised 26.10.2022

ОБ АВТОРЕ

Трахтенберг Лев Аркадьевич — доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; Lev_A_T@inbox.ru

ABOUT THE AUTHOR

Lev Trakhtenberg — associate professor, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Lev_A_T@inbox.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «“ЕМУ ЧУЖАЯ РЕЧЬ ЯСНА...”: К 200-ЛЕТИЮ АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА»

Е.А. Тахо-Годи, Ю.Ю. Анохина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия;
takho-godi.elena@yandex.ru; jul.anokhin@gmail.com*

Аннотация: Излагается содержание научных докладов, прозвучавших на Международной научной конференции, приуроченной к 200-летию критика, поэта, прозаика и переводчика Аполлона Григорьева. На чтениях выступили 34 докладчика из разных стран и научных институций, включая филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Основное внимание докладчики уделяли критическому наследию Аполлона Григорьева, воздействию его идей на современников, прежде всего славянофилов, литераторов Серебряного века и вплоть до середины XX в. Особое заседание было посвящено исследователям творчества Аполлона Григорьева — Б.Ф. Егорову и А.И. Журавлевой.

Ключевые слова: русская литература; литературная критика; Аполлон Григорьев; славянофилы; Серебряный век; история науки

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-228-234

Для цитирования: Тахо-Годи Е.А., Анохина Ю.Ю. Хроника Международной научной конференции «“Ему чужая речь ясна”: К 200-летию Аполлона Григорьева» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 228–234.

THE CHRONICLES OF THE INTERNATIONAL SCHOLARLY CONFERENCE ““SOMEONE ELSE’S SPEECH IS CLEAR TO HIM...”: TO THE 200th ANNIVERSARY OF APOLLON GRIGORYEV”

Elena Takho-Godi, Yulia Anokhina

*Lomonosov Moscow State University; Gorky Institute of World Literature of
the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; takho-godi.elena@yandex.ru;
jul.anokhin@gmail.com*

Abstract: The article presents the content of research reports made at the International Scholarly Conference dedicated to the 200th anniversary of the critic, poet, novelist and translator Apollon Grigoryev. The conference was attended by 34 speakers from a range of countries and research institutions, including the Faculty

of Philology of Lomonosov Moscow State University. The speakers focused on Apollon Grigoryev's critical legacy, the impact of his ideas on contemporaries, primarily Slavophiles, writers of the Silver Age and up to the mid-twentieth century. A special meeting was dedicated to researchers of Grigoryev's heritage — Boris F. Egorov and Anna I. Zhuravleva.

Key words: Russian literature; literary criticism; Apollon Grigoryev; Slavophiles; Silver Age; history of knowledge

For citation: Takho-Godi E.A., Anokhina Yu.Yu. (2022) The Chronicles of the International Scholarly Conference “Someone else's speech is clear to him...”: To the 200th anniversary of Apollon Grigoriev”. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 228–234.

В июле 2022 г. исполнилось 200 лет со дня рождения замечательного критика, поэта, прозаика и переводчика Аполлона Александровича Григорьева (1822–1864). К юбилейной дате была приурочена Международная научная конференция «Ему чужая речь ясна...», прошедшая 14–16 июня 2022 г. в Москве, в научной библиотеке и мемориальном музее «Дом А.Ф. Лосева». Соорганизаторами, помимо «Дома А.Ф. Лосева», выступили Научная лаборатория «Rossica: русская литература в мировом культурном контексте» и Совет молодых ученых ИМЛИ РАН, Центр по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени ИРЛИ РАН, Международная научная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога Высшей школы экономики. Открыли конференцию заместитель директора по научной работе ИМЛИ РАН Д.С. Московская, глава МЛРИД НИУ «ВШЭ» В.К. Кантор и председатель Оргкомитета Е.А. Тахо-Годи.

В фокусе внимания *В.М. Лурье* (Институт философии и права СО РАН, «Восприятие богословия А.С. Хомякова Аполлоном Григорьевым») был вопрос о степени воздействия на Григорьева изданной Хомяковым в 1858 г. по-французски третьей богословской брошюры. О впечатлениях Григорьева можно судить по его публицистике (статьи в журнале «Время») и по переписке 1861–1862 гг. Аналитическое описание творческих взаимоотношений Григорьева, А.М. Бухарева и Достоевского с учетом влияния на них «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя было дано *К.А. Барштом* (ИРЛИ, «Борьба Аполлона Григорьева с догматизмом в церковной и общественной жизни и поэма Ивана Карамазова «Великий инквизитор»). Говоря об идеях, родящих великого романиста с Григорьевым («народная правда», идеал «живой жизни»), *С.А. Кибальник* (ИРЛИ, «Аполлон Григорьев, Достоевский и Чехов (Художественные воплощения, трансформация и переоценка русского почвенничества)») остановился на опровержениях почвенничества у позднего Достоевского и иллюзий в отношении русского крестьянства — у Чехова.

На дневном заседании обсуждались проблемы исповедальности и авторского самовыражения. *Л.Ф. Луцевич* (Варшавский университет, «Моя исповедь — без малейшей утайки» (Эпистолярные признания Аполлона Григорьева)») анализировала цикл писем Григорьева М.П. Погодину от

26 августа — 7 октября 1859 г., исходя из тезиса, что исповедальность, ставшая в середине XIX в. главенствующей тенденцией в русской литературе, присуща и произведениям Григорьева — эпистолярным и художественным. Тяге Григорьева к исповедальной тематике содействовала особая сосредоточенность на собственном душевно-духовном состоянии. Этот аспект получил логическое продолжение в докладе «Поэтика авторского самовыражения в воспоминаниях Аполлона Григорьева “Мои литературные и нравственные скитальчества”» А.Н. Ларионовой (Череповецкий государственный университет), продемонстрировавшей, как в мемуарной прозе Григорьева Я-Эго автора выступает одновременно в разнообразных смыслообразующих и структурообразующих функциях. В ином ракурсе духовная биография Григорьева была представлена в докладе Н.Н. Подосокорского (ИМЛИ) «Масонское учение в творчестве Аполлона Григорьева». То, что Григорьев считал себя потомственным масоном, верил в «таинственную связь» своей души с душой покойного деда-масона Ивана Григорьева, позволяет комплексно рассматривать роль масонского учения и в жизни писателя, и в его художественных текстах.

К взаимосвязям Григорьева с современниками вернул слушателей доклад «Аполлон Григорьев и Николай Гоголь» В.А. Воронаева (МГУ). Статья Григорьева «Гоголь и его последняя книга» стала первой по времени попыткой истолкования «Выбранные места из переписки с друзьями». «Странная» книга Гоголя, по мнению критика, была болезненным моментом в духовном развитии писателя, но он видел в этой «болезненности» характерную черту эпохи, полагая величайшей заслугой автора идею о необходимости для всякой личности «собрания себя всего в самого себя». Р.Г. Джабраилов (ВШЭ, «Аполлон Григорьев и Николай Страхов: к вопросу об искусстве и нравственности») на основе статьи «Искусство и нравственность. Новые Grübeleien по поводу старого вопроса (Н.Н. Страхову)» обосновал, каким образом в диалоге со Страховым Григорьев пришел к пониманию «органического» характера составляющих деятельность человека элементов, к трактовке литературы как области, сопрягающей искусство и нравственность. В докладе «Русский литературный канон и романский герой в интерпретациях Аполлона Григорьева» Д.З. Йожа (Венгрия, Будапешт) стремился доказать, что характерная для литературоведения XX в. триада — «текст–герой–идеал» — уже учитывалась Григорьевым и интерпретировалась как совокупность элементов текста, указывающих на его место в литературном процессе, что способствовало формированию «литературного канона» середины XIX в.

Проблема восприятия творчества Григорьева в эпоху Серебряного века стала связующим звеном для докладов на утреннем заседании 15 июня.

Д.М. Магомедова (ИМЛИ, «Об одной странной цитате в статье А. Блока “Судьба Аполлона Григорьева”») представила результат прочтения «темного места» статьи Блока. Было выявлено, что Григорьев цитирует реплику из масонского ритуала, что соответствует его увлечению масонством и мистицизмом в период перевода «Гимнов», с которыми Блок и соотнес цитируемый фрагмент. Об отношении Блока к Григорьеву гово-

рила 16 июня и *Н.Ю. Грякалова* (ИРЛИ) в докладе «Из комментария к “григорьевским” страницам записных книжек А. Блока». Объектом ее исследования были записи за февраль — март 1918 г. (записная книжка № 56), связанные с намерением Блока подготовить лекцию о Григорьеве для Всероссийской школы журнализма. Однако и в Серебряном веке Григорьев оставался одной из гонимых фигур. Такой вывод сделал *В.Н. Крылов* (Казанский федеральный университет, «Открытие идей “органической критики” Аполлон Григорьев в эпоху Серебряного века»), показав, что «воскрешение» Григорьева в начале XX в., включение его тестов в учебные пособия и хрестоматии не поколебало авторитеты Белинского, Добролюбова и Писарева. *В.А. Котельников* (ИРЛИ, «Аполлон Григорьев-критик — союзник и противник А. Вольнского») остановился на оценке Григорьева в книге А. Вольнского «Русские критики». То, как обрисован Григорьев, свидетельствует об особом интересе к нему автора, которому импонировало, что при стихийности стремлений к красоте, при беспутности увлечений, Григорьев выработал безупречный эстетический вкус, помогавший верно отбирать значительные явления в литературе и определять меру их ценности. К истории критики начала XX в. обратилась и *Е.А. Тахо-Годи* (МГУ, «Аполлон Григорьев и Юлий Айхенвальд: Из истории борьбы за “органическое” мировосприятие»), сфокусировавшись на спорах вокруг фигуры Григорьева, в которые были вовлечены Ю. Айхенвальд, А. Блок, В.В. Розанов, Н.Н. Русов, П.Н. Сакулин, отстаивавшие собственное понимание «органического» мировосприятия. Доклад «“Драгоценные обломки и осколки какого-то внутреннего целого”: Н.Н. Русов об Аполлоне Григорьеве» *Ю.Ю. Анохиной* (ИМЛИ) был посвящен изданиям художественной прозы Григорьева в серии «Универсальная библиотека» (1915–1916) писателем и публицистом Н.Н. Русовым, писавшим в эти годы в Московском университете магистерскую диссертацию о повестях Григорьева как о едином цикле.

Разговор о традиции Григорьева в поэзии XX в. был начат в докладе «Эпиграф из стихотворения Аполлона Григорьева “Тероям нашего времени” как концептуальный контрапункт цикла Б. Пастернака “Тема с вариациями”» *М.К. Кшондзер* (Германия, Любек), подчеркнувшей, что характерное для лирики Григорьева сопряжение традиционного с радикальной новизной упраздняет границы между искусством и жизнью, между личностью и текстом, что в дальнейшем стало одним из основных принципов модернизма, в том числе в творчестве Б. Пастернака. В докладе *С.И. Гиндина* (РГГУ) «Жанровые особенности “Цыганской венгерки” Аполлона Григорьева и их отражение в творчестве И.Л. Сельвинского» был предложен сопоставительный анализ стихотворения Григорьева с «Цыганской рапсодией» и «Цыганским вальсом на гитаре» Сельвинского, позволивший лучше понять своеобразие жанра «Цыганской венгерки», а также выявить трехчастную структуру в поэтическом рассказе Григорьева: начиная с объективного описания слышимых звуков, он переходит к все более субъективному и страстному их истолкованию. О традициях «Цыганской венгерки» речь шла и в сделанном накануне, 14 июня, докладе *К.А. Жабинского* (Ростовская государственная консерватория имени С.В. Рахманинова)

«Автобиографические мотивы в “Цыганской венгерке” Аполлона Григорьева и Сергея Рахманинова: “бывают странные сближенья...”». Аргументированно было показано, что возникновение напевов «Цыганской венгерки» в «Каприччио на цыганские темы» (1893–1894) Рахманинова обусловлено автобиографическим подтекстом — вниманием композитора к семейной драме цыганки А. Лодыженской. Музыкальная проблематика была центральной и в докладе «Аполлон Григорьев и формирование поэтики русского городского романса» известного артиста *О.Е. Погудина*, говорившего о жанровой природе цыганского романса, о базовых концептах городского романса (образ звезды, темы любви и разлуки), о влиянии Григорьева на «романсные» аспекты творчества Блока, и в заключение исполнившего романс «Две гитары».

Дневное заседание 15 июня было посвящено памяти двух исследователей творчества Григорьева — профессора Института истории РАН Б.Ф. Егорова и профессора кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского университета А.И. Журавлева. В докладе *Г.В. Зыковой* (МГУ) и *Е.Н. Пенской* (ВШЭ) «Анна Журавлева и Всеволод Некрасов об Аполлоне Григорьеве» были прослежены важнейшие этапы освоения григорьевского наследия исследовательницей лично, начиная с 1958 г., и в творческом союзе с супругом, В.Н. Некрасовым. Дочь профессора Б.Ф. Егорова *Т.Б. Миллер* (США, Милуоки) поделилась воспоминаниями о его работе над публикациями Григорьева и над комментариями к его собранию сочинений. Вспоминала о Б.Ф. Егорове и его ученица *Е.Л. Румановская* (Израиль, Школа им. Тедди Колека), подчеркнувшая личностное отношение ученого к критику, что придало особый тон и стиль созданной им григорьевской биографии. *А.П. Дмитриев* (ИРЛИ) в докладе «Личность и творчество Аполлона Григорьева в научном наследии Б.Ф. Егорова» на основе архива ученого (в том числе дневников, переписки с Б.Я. Бухштабом, Б.О. Костелянцем, Д.Е. Максимовым) проанализировал его вклад в григорьевоведение — от статьи 1960 г. до подготовки первых томов Полного собрания сочинений и писем в 2015–2020 гг. Завершила мемуарную часть видеозапись исполнения Б.Ф. Егоровым шутильной песенки «Чемоданчик», присланная профессором Су Кваном (Сеул).

Утреннее заседание 16 июня началось с доклада «Еще раз к вопросу “Достоевский и Аполлон Григорьев”» *Н.М. Сегал-Рудник* (Еврейский университет в Иерусалиме), где на примере повести «Вечный муж» был изучен подход Достоевского к григорьевской концепции исторических и литературных типов. Система текста повести основана на принципе смены точек зрения, на калейдоскопе «хищного» и «смирненного» как семантических элементов, порождающих конструкции-перевертыши («смирное — усмиренное», «униженное — возвышенное», «гордость — низость» и т.д.). Оставшийся до сих пор незамеченным диккенсовский фон образа Трусоцкого (обыгрывание сюжетной линии Урия Хип — Дэвид Копперфильд) позволяет по-новому взглянуть на григорьевскую идею страстного начала («закваски»). Три следующих докладчика еще более подробно рассматривали связи Григорьева с европейской культурой и литературой.

С. Гардзонио (Пизанский университет, «Аполлон Григорьев и Флоренция») осветил историю пребывания Григорьева в Италии, уделив особое внимание истории пребывания Григорьева в Флоренции — реальной и литературной, которую поэт создал в своих стихах и мемуарах. *Т.Ф. Теперик* (МГУ, «Антигона» Софокла в переводе Аполлона Григорьева: проблемы поэтики») продемонстрировала, что лексические замены в переводе Григорьева продиктованы не метрическими соображениями, а концептуальными, значимыми для понимания смысла трагедии и ее героев. *А.Б. Криницин* (МГУ, «О переводах Г. Гейне Аполлоном Григорьевым») доказал, что новаторство Григорьева заключалось в стремлении передать все стилистические, метрические и семантические черты, присущие лирике Гейне. Благодаря такому подходу каждый перевод оказывался типологическим образцом всей лирики немецкого поэта. Эти суждения о Григорьеве-переводчике стали хорошим подтверждением тезиса, выдвинутого на заседании 14 июня *Ю.Б. Орлицким* (РГГУ, «Стиховые новации Аполлона Григорьева-переводчика: дольник, верлибр, прозаическая миниатюра»), о своеобразии и смелости позиции Григорьева на фоне переводческой практики середины XIX в.

Завершили конференцию выступления, посвященные историософским проблемам, волновавшим Григорьева и его современников. *А.И. Пигалев* (Волгоградский государственный университет, «Почвеннический культ “непосредственности” как аспект взаимоотношений “западничества” и “славянофильства”») рассмотрел смысл и контексты термина «непосредственное», использованного Григорьевым после его перехода от славянофильства к почвенничеству. *С.В. Корнилов* (Балтийский федеральный университет имени И. Канта, «Проблемное поле и категориальные структуры философии соборности А.С. Хомякова») показал, что философско-эстетические воззрения Григорьева формировались во многом под влиянием Хомякова, его онтологии и гносеологии. *Е.М. Захарова* (ИМЛИ, «“Нечто о литературе”»: Ю.Н. Говоруха-Отрок как последователь Аполлона Григорьева») проанализировала работу Говорухи-Отрока «Нечто о Гоголе и Достоевском», заострив внимание на развитии в этом тексте взглядов Григорьева. В докладе «“Русская правда” и “русская неправда” в публицистике славянофилов» *В.Н. Греков* (Российский Православный университет св. Иоанна Богослова) проследил, как в учении славянофилов о народности и национальной самобытности постепенно вызревают идеи миссианского (просветительского) и мессианского (религиозного) «предназначения» России. *А.Г. Гачева* (ИМЛИ, «Россия и Запад в русской историософской мысли: от противостояния к синтезу») акцентировала внимание на том, что оппозиция «Россия-Запад» в философских системах Чаадаева, И.В. Киреевского, Тютчева, Достоевского имела не только геополитический смысл — мыслители противопоставляли, прежде всего, религиозные принципы, идеалы, которые соотносились с этими топосами.

Поступила в редакцию 10.08.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Отредактирована 11.10.2022

Received 10.08.2022

Accepted 11.10.2022

Revised 11.10.2022

ОБ АВТОРАХ

Тахо-Годи Елена Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; takho-godi.elena@yandex.ru

Анохина Юлия Юрьевна — старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького; jul.anokhin@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Elena Takho-Godi — Dr. Habil, Professor, Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; takho-godi.elena@yandex.ru

Yulia Anokhina — Senior Research Fellow, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; jul.anokhin@gmail.com

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» в 2022 г.

	№	С.
Статьи		
<i>Абрамова М.А.</i> Роман «Жауфре»: окситанская пародия на артуровский универсум?	5	92
<i>Антонова А.Н.</i> Плагальное согласование при числовых сочетаниях в старорусских летописных и деловых памятниках	1	45
<i>Апалькова Е.С., Солнцева Н.М.</i> Типология русской магической прозы 1900-х — 1940-х годов	5	122
<i>Архипова И.В.</i> Актуализация таксисной категориальной семантики в нидерландском языке	5	75
<i>Баранова Л.Л., Мишина Л.Ф.</i> Вербальная репрезентация концепта “insularity” в британском варианте английского языка (на материале сборника сочинений Джорджа Оруэлла “The English people and other essays”) .	1	33
<i>Белавина Е.М.</i> Эстетический потенциал автоперевода: французские стихи Джона Эшбери	4	154
<i>Белов А.М.</i> О лингвистических методах в общей филологии: случай интертекстуальности	4	50
<i>Бережнов Д.А.</i> О некоторых аспектах неклассического психологизма (А. Белый и В. Набоков) в свете философии А. Бергсона	4	132
<i>Бурицева А.О.</i> Народная музыкальная культура Туркменистана как предмет изображения в альманахе «Айдинг-Гюнлер»	6	141
<i>Вересотская Е.И.</i> Обратная перспектива как принцип организации романа Саши Соколова «Между собакой и волком»	5	145
<i>Волошина А.В.</i> Прием цитирования у Дионисия Галикарнасского (на материале сочинения «О Демосфене»)	4	93
<i>Гращенков П.В.</i> Системы автоматической транскрипции русского текста: общая организация и решенные и нерешенные проблемы	3	9
<i>Девятова Н.М.</i> Вводно-модальное слово конечно и его прагматические смыслы	4	80
<i>Ди Сяося.</i> Образ Москвы в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» ...	1	166
<i>Довгий О.Л.</i> Как Кантемир оказался единственным «русским классиком»	1	121
<i>Домашнева В.В.</i> Категория прекрасного в философских сказках Г.М. Цыфферова	5	135
<i>Дьяченко Е.В., Князев С.В.</i> О качестве предупредительного гласного в русских говорах с задонским яканьем	2	9
<i>Дьяченко С.В., Князев С.В.</i> Эволюция диссимилятивного аканья в Москве: три поколения	4	9
<i>Забудская Я.Л.</i> Эриния как образ трагедии (семантика и визуализация)	1	108
<i>Зиновьева А.Ю.</i> Русское путешествие Роберта Браунинга: драматический монолог в английской и русской поэзии XIX в.	5	109
<i>Зупник Н.А.</i> Бодлер как Некрасов: к истории первых русских переводов из «Цветов зла»	2	108
		235

	№	С.
<i>Иордани Н.П.</i> К вопросу об изменении грамматического значения инфинитива с частицей <i>бы</i> в истории русского языка	3	50
<i>Катаев В.В.</i> Русская классика и интермедальность: опыт создания курса	3	59
<i>Ключенович С.С.</i> Неполное поглощение словосочетания при универбации в современном немецком языке	2	40
<i>Ковригина Е.А.</i> Общерусский глагол <i>болеть</i> в архангельских говорах: семантика и сочетаемость	1	98
<i>Коржова И.Н.</i> Магия грамматики в стихотворении К. Симонова «Жди меня»	1	156
<i>Кротова Д.В.</i> Символика света в поэзии В. Шаламова	2	98
<i>Курилов Д.О.</i> «Доктор Фаустус» Т. Манна и «Улисс» Дж. Джойса: литературные параллели	3	108
<i>Куц Н.В.</i> История России в поэзии барона Е.Ф. Розена 1820-х годов	4	122
<i>Ли Локай.</i> Фонетическая реализация ИК-1 и ИК-2 в эталонных произнесениях в русском языке: параметр интенсивности	3	22
<i>Литвиненко Н.А.</i> Деромантизация мифа в романе Г. Флобера «Госпожа Бовари»	3	122
<i>Лютикова Е.А.</i> Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 1. Инфинитивные клаузы	5	27
<i>Лютикова Е.А.</i> Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 2: Малые клаузы	6	58
<i>Макеева И.И.</i> История семантики русских эмотивных глаголов <i>восторгаться, восхищаться, возмутиться, изумиться</i>	2	25
<i>Матвеев Е.А.</i> Поздняя редакция первого русского перевода «Метаморфоз» Овидия начала XVIII века: к вопросу о соотношении списков	1	76
<i>Немец-Игнашева Д.О.</i> Литература, кино, адаптация: размышления о преподавании кино филологам	169	
<i>Никитина Е.Н.</i> Возвратные эмотивные глаголы в «Семантико-грамматическом словаре»	4	64
<i>Николюкин А.Н.</i> Архитектоника «Русских ночей» В.Ф. Одоевского	6	100
<i>Новак И.П.</i> Карельские идиомы по данным лексикостатистики	6	75
<i>Оболенская Ю.Л.</i> Переводы А.Н. Островского с латыни и романских языков	3	96
<i>Оболенская Ю.Л.</i> Влияние русской литературы на духовную жизнь Испании в XX–XXI вв.	6	109
<i>Октябрьская О.С.</i> Семья и общество в повести А.П. Гайдара «Судьба барабанщика»	4	112
<i>Пастернак Е.А.</i> О (не)точности и (не)бедности рифмы Г.Р. Державина (на материале корпуса рифм пятого тома «Сочинений»)	4	103
<i>Пауткин А.А.</i> «Слово» и «Дело о полку Игореве» (Русь наизнанку в романе Хольма ван Зайчика)	6	133
<i>Пентковская Т.В.</i> От Острожской Библии к Московской Библии 1663 г.: вопросы лексического редактирования	1	9
<i>Приходько К.О.</i> Синестетические метафоры в Элегии XLIII (Элегии о фонтане) Пернетты дю Гийе	5	102
<i>Российкин П.О.</i> Генитив отрицания, NCI и NPI против синтаксического подъема отрицания в русском языке	1	54

	№	С.
<i>Рыбина П.Ю.</i> «Литература на экране»: адаптация читательского воображения	3	73
<i>Савельев В.С.</i> Слово <i>самъ</i> в высказываниях героев «Повести временных лет»	1	21
<i>Савельев В.С.</i> Границы стиля и его семантические возможности (на материале описания <i>обмороча</i> в текстах разных жанров)	3	37
<i>Семина А.А.</i> Виктор Пелевин — читатель Владимира Маканина	4	142
<i>Сорокина В.В.</i> К вопросу о понятии «русскоязычной» литературы	3	83
<i>Танхилевич А.Б.</i> Поход Конармии как «не-событие»	3	134
<i>Теплякова Д.О.</i> Романы Жана Ренара «Коршун» и «Гильом де Доль» в контексте дискуссии о «средневековом реалистическом романе»	6	124
<i>Толмачев В.М.</i> Парадоксы романтического искания Абсолюта и «Неведомый шедевр» О. де Бальзака. Часть 2	2	80
<i>Торбик Е.М.</i> Формирование эмоционального настроения адресата в субжанре американского олимпийского дискурса «портретное интервью-очерк»	1	86
<i>У Цзюань, Мухамеджанова Ш.Т.</i> Функционирование русского языка в Казахстане через призму языкового ландшафта (на примере Нур-Султана)	5	46
<i>Уварова Ю.П.</i> Контактные варианты слов в чешском и словацком языках	5	84
<i>Федорова Л.Л., Фролова О.Е.</i> Новые тенденции в развитии семантики <i>души</i> и связанных с ней единиц	5	9
<i>Федотов А.С.</i> Балерина Андреянова и мертвая кошка: архивный комментарий к одному фрагменту романа А.Ф. Писемского «Взбаламученное море»	1	134
<i>Хадыева Т.В.</i> Об одной особенности унификации твердого и мягкого вариантов в *а-склонении имен существительных (на материале деловых памятников Северо-Восточной Руси и Рязанского края)	2	60
<i>Хазанова О.Э.</i> Иосиф Бродский и Игнатий Лойола. Интертекстуальные маски автора в стихотворении «Представь, чиркнув спичкой, тот вечер в пещере <...>»	5	155
<i>Цзян Ино.</i> Реализация гласного [а] в сочетании с гласным [и] в позиции после мягких согласных в русском языке	5	60
<i>Чернейко Л.О.</i> Читательское восприятие в науке о литературе: к истории и теории вопроса	6	85
<i>Чжао П.</i> Орфография наречия <i>как-то</i> и союза <i>как то</i> в истории русского письма	1	65
<i>Чэн Лян.</i> Художественное время и пространство в романе Скитальца «Дом Черновых»	1	147
<i>Шатин В.Ю.</i> О сопоставительных парах губных фонем в костромских и пошехонских говорах XVII в. и их дальнейшей судьбе	4	29
<i>Шурхаленко А.Д.</i> Способы выражения начала действия в русских летописях XV–XVI вв.	2	51
<i>Potapova R.K., Potapov V.V., Kuryanova I.V.</i> Acoustical correlates of the native language speaker identity	4	39
<i>Smolenenkova V.</i> Stylistic reflexes and text decoding	2	69

Удивление от текста

<i>Венедиктова Т.Д.</i> Остранение в составе эстетического опыта: к прагматике литературного стиля	2	140
<i>Корчинский А.В.</i> Шок и рутина как модусы реалистического письма: к исторической нарратологии русского классического романа	2	151
<i>Самостиенко Е.В.</i> Гиперестезия как остранение: рефлексивность и (микро) воображение в русской поэзии XIX–XX вв.	2	163
<i>Чернейко Л.О.</i> Острые вопросы вокруг <i>остран(н)ения</i>	2	128
<i>Peer W. van.</i> Some Progress in Literary Studies: 'Ostranenie' and Beyond ...	2	117

О Достоевском

<i>Казаков А.А.</i> Антропологические искания XX в. и антипсихологизм Ф.М. Достоевского	4	185
<i>Кибальник С.А.</i> «Молодая эмиграция» в романе «Идиот»	4	164
<i>Ковалевская Т.В.</i> Первое соборное послание апостола Иоанна Богослова в мысли и творчестве Ф.М. Достоевского	4	175

К 95-летию со дня рождения Ю.В. Рождественского

<i>Германова Н.Н.</i> Периодизация нормативных традиций в свете понятия «фактура речи» Ю.В. Рождественского	3	156
<i>Лободанов А.П.</i> Семиотическая концепция Ю.В. Рождественского	3	145
<i>Смолененкова В.В.</i> Филология и словесность будущего: прогноз на основании законов речи Ю.В. Рождественского	3	167

Международная проблемная группа «Сопоставительная лингвистика текста: славянские языки — романские языки (СоЛинТекст)»

<i>Артюшкина О.В.</i> Номинативные предложения в тексте. Контрастивное исследование на материале русского и французского языков	6	32
<i>Бонола А.</i> Русское <i>уже</i> и итальянское <i>già</i> : сопоставительный анализ на основе параллельного корпуса	6	46
<i>Инькова О.Ю.</i> О сопоставительном методе в лингвистических исследованиях	6	17
<i>Кобозева И.М.</i> «Сопоставительная лингвистика текста» — объединение романских славистов, славянских романистов и лингвистов-теоретиков	6	9

К 200-летию Аполлона Григорьева

<i>Магомедова Д.М.</i> Об одной странной цитате в статье Александра Блока «Судьба Аполлона Григорьева»	6	152
<i>Маньковский А.В.</i> «Доброй ночи» (1843) Ап. Григорьева и «Лихорадка» (1847) А.А. Фета: неучтенные ракурсы сопоставления	6	185
<i>Орлицкий Ю.Б.</i> Стиховые новации Аполлона Григорьева-переводчика: дольник, верлибр, прозаическая миниатюра, прозиметрия, новая силлабика	6	171
<i>Подсокорский Н.Н.</i> Масонство в жизни и творчестве Аполлона Григорьева	6	158
<i>Румановская Е.Л.</i> Воспоминания о Б.Ф. Егорове	6	197

Обзор

<i>Большина А.С.</i> Методы автоматического формирования семантически размеченных корпусов	2	173
--	---	-----

Материалы и сообщения

<i>Геращенко М.А.</i> Структурно-семантические особенности эпитетов формул приветствия в немецкоязычных письмах XVIII в.	5	183
<i>Кононова У.В.</i> Лирика М.Е. Салтыкова как предвосхищение его прозы	2	184
<i>Матвеева Ю.А.</i> В.Л. Пушкин — читатель сборника <i>Antologie Française</i> .	1	175

Из архива

<i>Зыкова Г.В., Пенская Е.Н.</i> Аполлон Григорьев в работах участников семинара В.Н. Турбина	6	202
<i>Лифшиц А.Л.</i> Письмо Анны Васильевны Гоголь Владимиру Ивановичу Шенроку	5	193
<i>Торопова В.Н.</i> Трудный путь книги: воспоминания Г.Е. Померанцевой об истории публикации работы С.Н. Дурылина «Нестеров в жизни и творчестве»	1	184

Рецензии

<i>Зыкова Г.В.</i> К р а с н и к о в а А. Поэма И. Сельвинского «Уляляевщина». История текста. СПб.: Нестор-История, 2021	2	197
<i>Изотов А.И.</i> Грамматика в обществе, общество в грамматике: Исследования по нормативной грамматике славянских языков / Под ред. М. Номати, С. Киёсавы. М.: Издательский дом ЯСК, 2021 (<i>Studia philologica</i>) ...	1	201
<i>Изотов А.И.</i> К о с к о в á J. Neurčité tvary slovesné v češtině, ruštině a němčině a jejich vzájemná ekvivalence. Praha: Academia, 2022	4	210
<i>Кихней Л.Г.</i> Н и ч и п о р о в И. Б. Русская литература и Православие: пути диалога в истории и современности: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Филология» направления подготовки «Филология». М.: МАКС Пресс, 2022	6	213
<i>Кожухаров Р.Р.</i> Ортодоксы и еретики русской литературы XX — начала XXI веков: Коллективная монография к юбилею профессора Н.М. Солнцевой. М.: МАКС Пресс, 2022	4	203
<i>Красносельская Ю.И.</i> Кучерская М.А. Лесков: прозванный гений. М.: Молодая гвардия, 2021	1	204
<i>Креницын А.В.</i> K l u g e R.-D. F.M. Dostojevskij. Eine Einführung in Leben, Werk und Wirkung / Red. Dorothea Scholl: WBG Academic (<i>Wissenschaftliche Buchgesellschaft</i>), Darmstadt, 2021	5	205
<i>Монисова И.В.</i> Норма и отклонение в литературе, языке и культуре: Коллективная монография / Отв. ред. Т.Е. Автухович. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2021	5	212
<i>Пахсарьян Н.Т.</i> Ч е к а л о в К. А. Очерки истории и типологии французской массовой прозы XIX — начала XX века. СПб.: Нестор-История, 2022	6	217
<i>Полосина Н.К.</i> Б е й т Дж. Уордсворт-радикал. Поэт, изменивший мир. L.; New Haven: Yale University Press, 2020	2	201
<i>Ситько Ю.Л.</i> Д ы м а р с к и й М. Я. Коммуникативная функция и предикативные структуры. Очерки по теории синтаксиса: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021	2	193
<i>Солнцева Н.М.</i> Г о л у б к о в М. М. Зачем нужна русская литература? Из записок университетского словесника. М.: Прометей, 2021	4	197
<i>Темиришина О.Р.</i> Венок памяти Сергею Кормилкову / Сост. и ред. О.И. Федотов. М.: ФЛИНТА, 2021	3	184

	№	С.
<i>Трахтенберг Л.А.</i> Па у т к и н А. А. От книжности к литературе (из лекций и наблюдений): Сборник статей. М., 2020	6	224
<i>Шатин Ю.В.</i> Теория языковой личности: проблемы, поиски, решения. Рецензия на монографию: Языковая личность в зеркале интерпретационных исследований. К 85-летию Ю.Н. Караулова / Под ред. Т.А. Трипольской. Новосибирск: НГПУ, 2021	3	178
Научная жизнь		
<i>Бибикова А.М.</i> VI Международная конференция «Алисовские чтения» (МГУ, 25 февраля 2022)	4	220
<i>Королинская Ю.В., Колосова Е.И.</i> XII Международная научная конференция «XVIII век: Интимное и публичное в литературе и культуре эпохи» (МГУ, 27–28 марта 2021)	1	210
<i>Косарик М.А.</i> XI Международная научная конференция «Романские языки и культуры: от античности до современности»	3	197
<i>Косарик М.А.</i> XV Международная научная конференция по истории языкознания (ICNoLS XV)	4	214
<i>Красильникова Л.В., Евтихиева А.С.</i> Отчет о юбилейной конференции РКИ (МГУ)	2	219
<i>Криницын А.Б.</i> Всероссийская конференция «Достоевский и литературный процесс XIX века. Поэтика прозы Достоевского»	4	226
<i>Назарова А.В.</i> VII Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)»	1	217
<i>Онипенко Н.К.</i> Хроника LIII Виноградовских чтений	3	191
<i>Пастернак Е.А.</i> Хроника Илюшинской конференции («Поэзия филологии. Филология поэзии», 18–19 февраля 2022 г., филологический факультет МГУ)	5	222
<i>Ремнёва М.Л., Белавина Е.М.</i> Ломоносовские чтения-2021 на филологическом факультете Московского университета	2	206
<i>Солопов А.И.</i> Всероссийская научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры — XIV. Научные чтения, посвященные памяти профессора Дмитрия Евгеньевича Афиногенова (28.08.1965–28.08.2021)»	2	230
<i>Тахо-Годи Е.А., Анохина Ю.Ю.</i> Хроника Международной научной конференции «“Ему чужая речь ясна...”: к 200-летию Аполлона Григорьева»	6	228
<i>Чижова Л.А.</i> Международная конференция «Наследие трудов Ю.В. Рождественского в XXI веке — к 95-летию со дня рождения Юрия Владимировича (1926–1999)»	2	224
Юбилей		
<i>Комарова К.И.</i> Ольга Сергеевна Плотнова	2	238
<i>Мещеряков С.Н.</i> Алла Геннадьевна Шешкен	2	235
<i>Мухортов Д.С., Стрелец И.Э.</i> От экспрессивного синтаксиса до когнитивной лингвистики: К юбилею О.В. Александровой	4	233
<i>Шешкен А.Г.</i> Иво Поспишил	4	238
Памяти ...		
<i>Клобуков Е.В., Петрухина Е.В.</i> Вольфганг Гладров	3	203
<i>Миронова Н.И., Щенникова Е.В.</i> Ольга Евгеньевна Фролова	1	221
<i>Шешкен А.Г.</i> Алла Владимировна Злочевская	5	229

ISSN 0201-7385. ISSN 2074-1588

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2022. № 6. 1–240.